

В.Н. Мамяченков

**МАТЕРИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ
СЕМЕЙ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ
И КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА
СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ
В ПЕРИОД ПОСЛЕВОЕННОГО
ВОССТАНОВЛЕНИЯ (1946–1953 гг.)**

Историко-экономическое исследование

**Екатеринбург
2009**

Аннотация

В монографии исследована мало разработанная проблема материальных условий жизни семей рабочих промышленности и колхозного крестьянства Свердловской области в послевоенные годы. На основе большого объема фактологического и цифрового материала автор проанализировал уровень материальной обеспеченности двух наиболее многочисленных категорий населения Среднего Урала. При этом им были исследованы уровень доходов, расходов, потребления и качество жилищных условий населения. Значительная часть материала (прежде всего – данные бюджетных обследований) вводится в научный оборот впервые.

Для преподавателей и студентов вузов исторических специальностей и всех интересующихся историей Урала.

Посвящаю моей бабушке по отцу – Мамяченковой (Шелгуновой) Александре Алексеевне, простой крестьянке из Смоленской области, в одиночку спасшей от голодной смерти в годы Отечественной войны и в послевоенное лихолетье трех своих детей.

Содержание

	Стр.
Содержание.....	4
От автора.....	5
Введение.....	6
Глава 1. Историография и источники.....	18
1.1. Историография проблемы материальных условий жизни промышленных рабочих и колхозников Свердловской области в период послевоенного восстановления.....	18
1.2. Источниковая база исследования.....	21
Глава 2. Свердловская область накануне исследуемого периода: тяжкие последствия разрухи и милитаризации экономики.....	34
Глава 3. Послевоенный уровень доходов населения: Критический минимум.....	50
3.1. Основные мероприятия социально-экономической политики Советского государства в первые послевоенные годы.....	50
3.2. Доходы семей рабочих промышленных предприятий и колхозников Свердловской области.....	87
Глава 4. Расходы и потребление: уровень выживания.....	105
4.1. Расходы семей рабочих и колхозников в послевоенные годы.....	105
4.2. Общее состояние снабжения товарами первой необходимости.....	108
4.3. Потребление продуктов питания.....	121
4.4. Личное подсобное хозяйство как специфическое социально- экономическое явление командно-административной экономики.....	139
4.5. Потребление непродовольственных товаров.....	154
Глава 5. Жилищные условия после войны: первобытный коммунизм.....	163
Заключение.....	183
Источники и литература.....	190
Приложение.....	202
Список аббревиатур.....	233

От автора

Предлагаемая монография логически продолжает два наших предыдущих труда, посвященных материальным условиям жизни колхозного крестьянства Урала и Свердловской области в послевоенные годы. Но задачи, поставленные нами в данной монографии, стали значительно шире: они охватывают широкий спектр проблем, связанных с исследованием условий жизни не только колхозников, но также и рабочих промышленных предприятий в тяжелых условиях послевоенного восстановления экономики страны.

Автор надеется, что настоящий труд явится его посильным вкладом в разработку проблематики уровня жизни населения как Уральского региона, так и страны в целом. Он также выражает свою глубокую признательность работникам федеральных и екатеринбургских архивов и библиотек, оказавших ему драгоценную помощь при написании данной работы.

Автор

Введение

В длинном перечне извечных проблем развития человечества есть несколько таких, которые сопровождают его историю на всем ее протяжении из века в век. К разряду таковых смело можно отнести проблему материального благосостояния населения: ведь к ней так или иначе сводится весь комплекс вопросов, которые приходилось и приходится решать цивилизациям, государствам и индивидам. Неудивительно поэтому, что проблема материального благосостояния населения привлекает неослабное внимание историков, экономистов и социологов.

Актуальность исследования. Сейчас уже не вызывает серьезных возражений утверждение о том, что повышение уровня жизни всех членов общества есть универсальный критерий эффективности как экономического механизма в отдельности, так и всей социально-политической системы в целом. Показатели этого уровня являются в настоящее время решающим аргументом при их оценке. Именно неуклонное повышение количества и качества материальных и нематериальных условий жизни – главный приоритет развития всякого цивилизованного общества, конечная цель функционирования его государственных структур.

Предлагаемая монография посвящена исследованию материальных условий жизни в обозначенный период семей рабочих и колхозников Среднего и Северного Урала в границах Свердловской области в части их доходов, расходов, потребления продуктов питания и непродовольственных товаров, а также жилищных условий. Современный уровень развития методологии научного познания, теоретическая разработка сущности понятия «материальные условия жизни», а также вовлечение в научный оборот новых видов источников, прежде всего массового характера, позволяют провести комплексное изучение этой проблемы. Разработка ее велась на стыке таких научных дисциплин, как экономика, история и социология.

Необходимо отметить, что термины «материальная обеспеченность», «материальное благосостояние», «материальное положение», «материально-

бытовые условия» и, наконец, «уровень жизни» используются в периодической и, нередко, в научной литературе без четкого их разграничения. К сожалению, на сегодня такое разграничение отсутствует даже в справочных изданиях. Так, термин «благосостояние» трактуется как «обеспеченность населения необходимыми материальными и духовными благами, то есть предметами, услугами и условиями, удовлетворяющими определенные человеческие потребности»¹. В то же время почти аналогично интерпретируется термин «быт», определяемый как «уклад повседневной жизни, включающий удовлетворение материальных и духовных потребностей людей, общение, отдых, развлечения (общественный, национальный, городской, сельский, семейный, индивидуальный быт)»².

Несомненно, что наиболее обобщающим термином из приведенных выше является «уровень жизни», который отражает общий уровень благосостояния населения и, согласно отечественной методологии, представляет собой «уровень потребления населения, характеризующийся количественными и качественными показателями – объемом реальных доходов на душу населения, уровнем и структурой потребления продовольственных, непродовольственных товаров и услуг, уровнем и динамикой цен на основные предметы потребления, величиной квартирной платы, платой за транспортные услуги и др.»³.

Мы не зря оговорились: «согласно отечественной методологии», так как, повторяем, в наши дни в экономической литературе не существует однозначного определения категории «уровень жизни населения». Отсутствует также и единый обобщающий его показатель. В связи с этим в научной литературе постоянно дискутируется вопрос о перечне показателей, необходимых для адекватной статистической характеристики уровня жизни населения. На практике для его анализа рассчитывается несколько групп показателей, отражающих различные стороны данной категории, а именно:

¹ Российский энциклопедический словарь: В 2 кн. / Гл. ред. А.М.Прохоров. М., 2000. Кн.1. С. 168.

² Там же. С. 216.

³ Там же. Кн.2. С. 1642.

- доходы населения;
- расходы и потребление населением материальных благ и услуг;
- качество и структура потребляемых продуктов питания;
- обеспеченность жильем и уровень его комфортабельности;
- уровень сбережений;
- дифференциация доходов населения, уровня и границ бедности;
- социально-демографическая структура общества;
- состояние здравоохранения;
- состояние сферы образования и культуры;
- уровень грамотности.

Данная система показателей уровня жизни занимает важное место в общей системе показателей социально-экономической статистики. При этом некоторые показатели в этой системе (например, доход и потребление) обычно рассматриваются как наиболее важные для анализа уровня жизни, хотя и они не охватывают всех аспектов изучаемой категории. Поэтому в специальной литературе и обсуждается вопрос о возможности и целесообразности исчисления единого обобщающего показателя уровня жизни.

Правда, многие специалисты весьма скептически относятся к возможности его построения. (Тем не менее время от времени предпринимаются попытки предложить схему исчисления обобщающего показателя благосостояния населения. Например, несколько лет тому назад в рамках ООН стали исчислять «индекс человеческого развития», который претендует на роль обобщающего показателя уровня жизни. Однако и он имеет ряд существенных недостатков⁴.)

В предлагаемом исследовании мы ограничились исследованием **материального** аспекта уровня жизни населения. На наш взгляд, имея в виду только данный аспект, целесообразно использовать понятие материально-бытовых или же – в еще более узком значении – материальных условий жизни.

---

⁴ Интернет-ресурс: <http://rus-lib.ru>

Общеизвестно, что именно количество и качество используемых каждым членом общества материальных благ и определяет в конечном итоге качество жизни в конкретной стране. (При этом мы нисколько не умаляем роль духовных ценностей, но приоритет материальных ценностей бесспорен и многократно проверен самой жизнью.) Для характеристики же материальных условий жизни населения вполне правомерно и достаточно, на наш взгляд, использовать первые четыре из приведенных выше десяти групп показателей его уровня жизни.

В свете актуальности данной проблемы нельзя не отметить, что, например, для исследователей 1950–1960-х годов была недоступна та источниковая база, которая имеется в нашем распоряжении в настоящее время. Но вот что интересно: хотя в последние годы возможности для изучения проблемы материальных условий жизни значительно расширились, она остается во многом малоисследованной, особенно в рамках отдельно взятых групп населения.

Таким образом, актуальность темы и недостаточная разработанность проблемы определили цель исследования, которая состоит в том, чтобы *дать объективную оценку материальных условий жизни семей промышленных рабочих и колхозников Свердловской области в годы послевоенного восстановления экономики страны (в 1946–1953 годах) на основе подробного анализа собранных статистических данных в части его доходов, расходов, потребления продуктов питания и непродовольственных товаров, качества жилья, а также сведений нестатистического характера.*

Главные задачи исследования, вытекающие из целевой установки, заключаются в следующем:

- дать оценку общей социально-экономической ситуации в стране в целом и в Свердловской области в частности, сложившейся после окончания Великой Отечественной войны накануне исследуемого периода;
- проанализировать построенные по данным исследованных источников годовые динамические ряды доходов, расходов и потребления семей

промышленных рабочих и колхозников, других категорий населения региона за изучаемый период, а также динамические ряды различных вспомогательных показателей;

- изучить основные закономерности и тенденции факторов, определяющих уровень материальной обеспеченности населения в исследуемый период;
- выяснить источники денежных и натуральных доходов рабочих и колхозников, других категорий населения и основные статьи их расходов;
- исследовать фактический уровень среднедушевых доходов, расходов и потребления семей промышленных рабочих и колхозников и сравнить полученные данные с данными по другим категориям населения, а также с научно обоснованными нормами потребления;
- оценить обеспеченность исследуемых семей жильем и уровень его комфортабельности в исследуемый период;
- определить роль и степень влияния различных причин экономического, исторического и социально-политического порядка на уровень доходов, расходов и потребления семей рабочих и колхозников области;

Исходя из этой целевой установки объектом исследования в данной работе выступают условия жизни семей промышленных рабочих и колхозников Свердловской области в их материальном аспекте.

Предметом исследования являются уровни доходов, расходов и потребления в семьях промышленных рабочих и колхозников продуктов питания и непродовольственных товаров, а также их жилищные условия в исследуемый период.

Территориальные рамки исследования. Исследование охватывает прежде всего территорию Среднего и Северного Урала в границах Свердловской области. При выборе территории для исследования мы исходили из следующих двух основных предпосылок.

Во-первых, среди всех территорий Урала Свердловская область всегда выделялась сравнительно высоким уровнем экономического развития, будучи при этом регионом с явно выраженной промышленной специализацией. На

протяжении всего исследуемого периода она играла значительную роль в социально-экономической жизни страны. Область, как и Уральский регион в целом, известна прежде всего своим колоссальным вкладом в достижения победы в Великой Отечественной войне, а в послевоенное время – как одна из крупнейших баз научных исследований и промышленного производства, в том числе и прежде всего – ВПК.

А, **во-вторых**, географически территория области охватывает практически всю экономически активную часть Уральского региона – от Южного Урала до Северного. При этом в исследуемый период она являлась (и остается сейчас) одним из крупных субъектов Российской Федерации по занимаемой площади и населению.

Таким образом, Свердловская область с известной полнотой представляет, на наш взгляд, экономическое, географическое, климатическое и этническое разнообразие Уральского региона. Кроме того, в этом регионе сфокусирован целый комплекс проблем, характерных как для Урала, так и для всей страны в целом. Поэтому данная территория, на наш взгляд, обеспечивает в целом достаточный уровень репрезентативности при проведении исследования.

Научная новизна представленной работы заключается, по нашему мнению, в следующем.

Во-первых, в монографии предпринята попытка на региональном материале дать комплексное представление о материальных условиях жизни наиболее многочисленных категорий населения Российской Федерации в тяжелые послевоенные годы.

Во-вторых, в процессе исследования был разработан и проанализирован обширный и до настоящего времени еще недостаточно исследованный массив бюджетной статистики, что позволило все основные положения и выводы, сделанные в работе, проиллюстрировать годовыми динамическими рядами. При этом значительная часть материалов вводится в научный оборот впервые.

В-третьих, в работе в ходе исследования полученных данных выявлен ряд интересных закономерностей и зависимостей, характеризующих уровень материальной обеспеченности населения Свердловской области в исследуемый период.

В-четвертых, в монографии прослежены многочисленные аспекты взаимосвязи между социальной политикой государства и материальными условиями жизни населения.

Теоретическая и практическая значимость работы определяются следующими факторами:

1. Данные исследования дают достаточно полное представление об уровне материальной обеспеченности семей промышленных рабочих и колхозников крупного региона Российской Федерации, каковым является Свердловская область, на протяжении второй половины 1940-х–начала 1950-х годов.

2. Представленные в работе конкретные цифры и факты свидетельствуют о низком уровне доходов и потребления материальных благ основной массой населения Свердловской области в исследуемый период. Такая оценка неотвратимо формируется при сравнении объемов потребления этих благ с научно обоснованными нормами их потребления, а также с уровнем потребления населения развитых стран.

3. Материалы и выводы, содержащиеся в монографии, могут быть использованы:

- в дальнейшей научной разработке глобальной проблемы «Уровень жизни населения»;
- в исследованиях, посвященных проблеме уровня жизни отдельных категорий граждан России и ее регионов;
- при создании обобщающих трудов по истории Урала и России;
- при разработке специальных вузовских лекционных курсов.

Апробация работы. Основные положения и выводы исследования апробировались на региональных, всероссийских и международных научно-практических конференциях, а именно: «Урал в Великой Отечественной войне

1941–1945 годов» и «50 лет Победы в Великой Отечественной войне» (Екатеринбург, 1995), «50 лет победы советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне» (Новосибирск, 1995), «Урал индустриальный» (Екатеринбург, 1998, 1999, 2001, 2003 гг.), «Урал в прошлом и настоящем» (Екатеринбург, 1998), «Мир и война: 1941 год» (Екатеринбург, 2001), «Крестьянство Зауралья в XX веке: уроки истории и современность» (Курган, 2001), «Урал в военной истории России: история и современность» (Екатеринбург, 2003), «Татищевские чтения» (Екатеринбург, 2004, 2006 гг.), «Экономика и право: история, современность, перспективы развития» (Екатеринбург, 2006), «Инструменты анализа и управления переходными состояниями в экономике» (Екатеринбург, 2007), «Историк и его эпоха» (Тюмень, 2007), «II Емельяновские чтения» (Курган, 2007), «Государственная власть и крестьянство России в XX – начале XXI в.» (Коломна, 2007), «Экономика и право: история, современность, перспективы развития» (Екатеринбург, 2007), «Экономико-правовые проблемы и перспективы развития Уральского региона» (Екатеринбург, 2007), «История и этнология: на перекрестке времен и культур» (Курган, 2008), «Социально-ориентированная экономика как фактор устойчивого развития современной России» (Екатеринбург, 2008) и других.

Многие положения данного исследования нашли отражение в двух предыдущих монографиях автора⁵ и примерно 40 публикациях.

Структура работы была определена исходя из целей и задач исследования. Она состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы и источников, приложений, биографических справок и списка сокращений.

Во **введении** обоснована актуальность темы монографии, ее теоретическая и практическая значимость, определены цель, задачи, объект и предмет исследования, его территориальные и хронологические рамки. Здесь

⁵ *Мамяченков В.Н.* Роковые годы: Материальное положение колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы (1946–1960). Екатеринбург, 2002; *Он же.* Доходы и потребление крестьянства Свердловской области в 1950-х годах. Депонирована в ИНИОН РАН 22.04.2005. № 59239.

же представлена научная новизна работы, дано описание ее методологической основы.

В **первой главе** представлена историография рассматриваемой в монографии проблемы, а также дана характеристика источников, послуживших основой для ее написания. Что же касается источников, то таковыми, в основном, явились:

- во-первых, архивные материалы по бюджетным исследованиям, как введенные в научный оборот предшественниками, так и обнаруженные самим автором данной работы;

- во-вторых, опубликованные источники, представляющие собой различного рода сборники статистических сведений, а также решения различных партийных и государственных органов по социальным вопросам;

- в-третьих, массивный пласт научной литературы, посвященной вопросам социальной политики Советского государства, материального благосостояния населения, развития нематериальной сферы, истории развития бюджетных исследований и другим вопросам, связанным с темой нашего исследования;

- в-четвертых, произведения мемуарно-художественного характера;

- в-пятых, ресурсы сети Интернет.

Во **второй главе** основное внимание уделено рассмотрению общего состояния экономики Свердловской области и материального положения ее населения накануне исследуемого периода и в первое послевоенное пятилетие. При этом дается общая картина состояния экономики страны и региона в то время, определяющей чертой которого были последствия только что закончившейся Великой Отечественной войны, а также чрезмерной милитаризации народного хозяйства.

В **третьей главе** рассмотрены конкретные направления социально-экономической политики Советского государства в исследуемый период, повлиявшие на уровень доходов, расходов и потребления населения. Таковыми

были: урегулирование пайковых и коммерческих цен (сентябрь 1946 года), конфискационная денежная реформа (декабрь 1947 года), реформа оптовых цен (1949 год), регулярные размещения государственных займов, периодические снижения розничных цен; непроизводительные бюджетные расходы, а также налоговая политика государства. Здесь же рассматриваются источники доходов исследуемых категорий населения – как натуральных, так и денежных.

В **четвертой главе** исследованы вопросы потребления и расходов промышленных рабочих и колхозников. Значительное внимание уделено рассмотрению структуры и качества питания населения в исследуемый период в сравнении с научно обоснованными нормами питания. Важное место в главе отведено вопросам обеспечения населения непродовольственными промышленными товарами. При этом освещена экономическая политика государства в отношении отдельных категорий населения, в том числе – налоговая.

В **пятой главе** монографии исследованы жилищные условия населения области в исследуемый период.

В **заключении** работы изложены выводы автора, касающиеся затронутых в исследовании вопросов материальных условий жизни населения, а также поставлены задачи перспективного научного поиска в рамках изучаемой проблемы.

Библиографический список содержит перечень всей использованной литературы и источников, упоминаемых в работе.

В **приложении** к работе вошли разнообразные материалы бюджетной статистики домашних хозяйств (в том числе обнаруженные автором в местных и центральных архивах), а также представляющие интерес различные статистические сведения.

И, наконец, в **список сокращений** вошли расшифровки встречающихся в работе аббревиатур.

Хронологические рамки исследования охватывают временной период с 1946-го по 1953 год. В это время в экономической и политической жизни всей

страны, и в частности Свердловской области, происходили важные события, определяющим из которых было послевоенное восстановление экономики: в 1946 году началась очередная, 4-я по счету, так называемая «пятилетка», то есть реализация пятилетнего плана развития народного хозяйства страны. Именно в эти годы с особой силой проявилась тоталитарная сущность советского государства и закостенелость командно-административного метода управления экономикой. Лишь с марта 1953 года, после смерти И.В.Сталина, ситуация очень медленно начинает меняться, появляются предпосылки к реализации ограниченных либерально-демократических реформ. Они будут проведены Н.С.Хрущевым позднее – с 1954-го по 1964 год – и получат название «оттепель».

Теоретической и методологической основой написания монографии послужила совокупность методологических принципов, из которой мы бы выделили, прежде всего, диалектико-материалистический метод познания и обоснования явлений общественной жизни. При данном методе исследование выступает, с одной стороны, как процесс углубления в сущность общественного развития, а с другой – как процесс охвата многосторонности и многообразия явлений и воспроизведения целостности исторической картины мира.

Для исследований историко-экономического характера, к каковым можно отнести данную монографию, характерно также использование методов, составляющих основу экономического анализа. Наиболее известным из них является абстрактно-логический метод, известный еще из классической школы политэкономии. Кроме того, для разработки полученных в ходе исследования данных использовались различные экономико-статистические методы анализа. Это, в частности, методы средних величин, группировок, построения временных и динамических рядов, корреляционного и вариационного анализа.

И, наконец, в работе использовались также концептуальные подходы к изучению проблемы уровня жизни и принципы бюджетных исследований, разработанные зарубежными и отечественными учеными.

Таким образом, имеющийся в распоряжении большой массив фактических и статистических данных в совокупности с другими источниками дали возможность воссоздать целостную картину фактического состояния и динамики материальных условий жизни основной массы населения Свердловской области в исследуемый период, а методология и методы исследования, взятые в совокупности, позволили решить поставленные в монографии задачи.

Глава I. Историография и источники

1.1. Историография проблемы материальных условий жизни промышленных рабочих и колхозников Свердловской области в период послевоенного восстановления

Проблема материальных условий жизни населения актуальна практически для любой страны и уже давно не нуждается в аргументации своей высокой значимости. Тем не менее, перечень исследований, которые могут быть включены в *историографию* рассматриваемой нами проблемы – материальным условиям жизни промышленных рабочих и колхозников Свердловской области в 1946–1953 годах, – невелик.

Этот перечень можно начать с опубликованных в 1950-х годах небольших по объему статей и брошюр, прежде всего патриотического и идеологического характера. В этих работах обсуждались и исследовались вопросы экономики Урала и Свердловской области, но рассуждения, касающиеся изучаемой нами проблемы – материальных условий жизни рабочих и колхозников – занимали незначительное место.

Среди авторов таких работ, изданных в Свердловске, были М.Пятунин, С.В.Смирнов, А.Н.Травинцев, И.Н.Чигвинцев, В.А.Шандра и другие¹. Именно о подобных работах много позже, уже в 1970-х годах, И.М.Волков написал, что в большей их части социально экономические процессы в нашей стране «рассматриваются как сплошная полоса успехов без каких-либо недостатков. Причем принятые постановления партии и правительства нередко расцениваются как автоматически осуществленные...» Сами же эти работы, по его мнению, «почти все имели пропагандистский характер, **не были собственно исследовательскими** (выделено нами. – В.М.)»². В дальнейшем, в 1960-х и 1970-х годах, количество подобных работ только возрастало.

¹ См., например: *Пятунин М.* Забота партии о благе народа. Свердловск, 1953; *Смирнов С.В.* Повышение благосостояния трудящихся. Свердловск, 1955; *Травинцев А.Н.* Развитие сельского хозяйства в Свердловской области. Свердловск, 1958; *Чигвинцев И.Н.* Неуклонный рост жизненного уровня советского народа. Свердловск, 1957; *Шандра В.А.* Повышение материального и культурного уровня жизни народа. Свердловск, 1956.

² *Волков И.М.* Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. М., 1972. С. 4–5.

Пожалуй, первым серьезным трудом по рассматриваемой нами тематике была монография Р.П.Толмачевой, изданная в 1979 году³. Данный труд базировался на бюджетных обследованиях населения и представлял собой интересное исследование о послевоенной уральской колхозной деревне. Нам представляется необходимым выделить эту работу, главным и несомненным достоинством которой было то, что в ней широко были использованы и введены в научный оборот материалы уральских областных архивов, а также большой массив данных бюджетных обследований. Несмотря на явную партийную зашоренность и наличие грубых ошибок в изложении цифрового материала, в этом исследовании автору удалось в какой-то мере показать и определенные тенденции развития сельского хозяйства Урала в целом (на материалах пяти его территорий, включая Свердловскую область), и уровень материального благосостояния колхозников.

В 1980-х годах интерес к проблематике материальных условий жизни усиливается как во всей стране, так и в Свердловской области. Конечно, это связано прежде всего с развитием процессов демократизации в стране и с произошедшими в середине десятилетия революционными изменениями во всех сферах жизни общества, получившими название «перестройка». На Среднем Урале в эти годы издаются коллективные сборники по социально-экономическим проблемам уральских городов и сел, в которых публикуются исследования, посвященные и вопросам материального благосостояния жителей Урала и Свердловской области, в том числе и в исследуемый нами период⁴.

Параллельно издаются сборники и коллективные труды, посвященные истории Уральского региона и различных сфер его экономики, различным социально-экономическим проблемам, в том числе и проблемам материальных условий жизни населения⁵. В конце десятилетия появляются публикации, посвя-

³ Толмачева Р.П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946–1950 гг.). Томск, 1979.

⁴ См., например: Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни, 1917–1985 гг. Свердловск, 1988; Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975). Свердловск, 1981.

⁵ См., например: История народного хозяйства Урала (1946–1985 гг.). Свердловск, 1990; Развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма (1938–1958 гг.). Свердловск, 1982; Развитие сельского хозяйства в Свердловской области за годы Советской власти (1917–1987 гг.). Свердловск, 1987;

щенные состоянию и развитию сельского хозяйства и ЛПХ в послевоенный период⁶ (вообще индивидуальные хозяйства стали темой исследований уральских историков и экономистов еще в 1960-х годах). Из диссертационных исследований укажем на докторскую диссертацию той же Р.П.Толмачевой⁷.

С начала 1990-х годов число работ по интересующей нас тематике несколько снизилось. Из самых значительных публикаций этого периода следует отметить исследование М.Н.Денисевича⁸. В них автором проведен ретроспективный анализ развития индивидуальных приусадебных хозяйств населения Урала в 1930-х–1985 годах, сделана успешная попытка системного изложения теоретических и методологических основ изучения ЛПХ как формы собственности и вида хозяйствования. При этом автор значительное внимание уделил политике Советского государства, явившейся в указанные годы определяющим фактором воздействия на все стороны развития подсобных хозяйств населения.

В 1990-х годах двумя изданиями выходит Уральская историческая энциклопедия – фундаментальный коллективный труд уральских авторов, содержащий большой объем научного материала (более 2 500 статей), в том числе и по интересующей нас тематике⁹. Вообще же упомянутое десятилетие прошло для региональных историков под знаком повышения своей научной квалификации. В связи с этим нельзя не отметить, что именно в 1990-х годах (несмотря на сотрясающий страну системный социально-экономический кризис) несколько историков Среднего Урала защищают кандидатские и докторские диссертации по проблемам, так или иначе связанным с материальным благосостоянием населения. При этом по исследуемому нами периоду кандидатскую диссертацию защитил автор этих строк¹⁰, а докторские – М.Н.Денисевич и В.П.Мотревич¹¹.

Саматов В.А. и др. История советского Урала, 1946–1975. Свердловск, 1983; Совхозы Урала в период социализма 1938–1985 гг.: Сборник научных трудов. Свердловск, 1986.

⁶ См., например: *Бакунин А.В., Денисевич М.Н.* Развитие личных подсобных хозяйств населения: тенденции и перспективы (30-е–80-е годы). Свердловск, 1990.

⁷ *Толмачева Р.П.* Колхозы Урала в послевоенные годы. Дис. ... д-ра ист. наук. Свердловск, 1982.

⁸ *Денисевич М.Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале. Свердловск, 1991; *Мотревич В.П.* Развитие сельского хозяйства Урала в первые послевоенные годы (1946–1950). Свердловск, 1990.

⁹ Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург, 2000.

¹⁰ *Мамяченков В.Н.* Материальное положение колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы (1946–1960). Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1999.

По мере стабилизации социально-экономической ситуации и улучшения материальных условий жизни населения число интересующих нас работ стало возрастать. Из исследований, опубликованных уже в первом десятилетии XXI века, следует упомянуть две монографии¹² и более 20 статей автора данного труда¹³. В них на основе большого массива данных бюджетных обследований и других статистических разработок представлена развернутая картина материальных условий жизни крестьянства Урала и Свердловской области в послевоенные годы. В эти же годы издаются исследования и других авторов¹⁴. Главное, что отличает работы этого десятилетия от всех, написанных ранее, – это отсутствие политической конъюнктуры и стремление с максимальной степенью объективности и смелости дать оценку описываемым событиям.

1.2. Источниковая база исследования

Источниковую базу монографии составили, во-первых, *первоисточники*, а во-вторых – *опубликованные материалы*. К первой группе следует отнести многочисленные статистические данные о состоянии уровня доходов, расходов и потребления населения Свердловской области (а в некоторых случаях – СССР и РСФСР) в изучаемый период. Это, в первую очередь, данные *бюджетных обследований*, проводившихся в нашей стране по инициативе ЦСУ ежегодно (по отдельным категориям населения, прежде всего – рабочим) с 1919 года. Такие обследования начались в России уже в последней трети XIX века, имели богатую историю и организовывались на основе выборочного метода. Этот метод обеспечивал выделение из генеральной совокупности семейных хозяйств такого минимально необходимого их количества, в результате обследования кото-

¹¹ См.: *Денисевич М.Н.* Индивидуальное хозяйство в политике Советского государства в 30-е-первой половине 80-х (на материалах Урала). Дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1993; *Мотревич В.П.* Развитие сельского хозяйства на Урале в 1940-е годы. Дис. ... д-ра ист. наук в форме научного доклада. Екатеринбург, 1993.

¹² *Мамяченков В.Н.* Роковые годы...; *Он же.* Доходы и потребление крестьянства Свердловской области...

¹³ См., например: *Мамяченков В.Н.* Жилищное строительство в Свердловской области в первое послевоенное десятилетие (1946–1955 гг.) как важный фактор социальной политики // II Емельяновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Курган, 2007. С. 166–168; *Он же.* Продовольственное обеспечение населения Свердловской области в условиях послевоенного кризиса (1946–1950) // Вестник ЧелГУ. №5(106). История. Вып.23. Челябинск, 2008. С. 58–70.

рого собиралась представительная экономико-статистическая информация о денежных и натуральных доходах и расходах хозяйств, о потреблении семьи и ее составе, о структуре затрат рабочего времени, об обеспечении непродовольственными товарами.

Следует отметить, что материалы бюджетных обследований – единственный в своем роде уникальный источник, дающий достаточно полное представление об уровне материального благосостояния крестьянской семьи. Так, М.А. Безнин, говоря о значении бюджетов, писал, что «для изучения материального благосостояния населения прежде всего необходимы бюджетные обследования»¹⁵. А другой исследователь, О.М. Вербицкая, отмечала, что «лишь материалы бюджетных обследований... наиболее беспристрастно и адекватно раскрывают картину использования труда...»¹⁶.

Надо также сказать, что указанные материалы выгодно отличаются от традиционного круга источников, наиболее часто используемого в исторических исследованиях (различные другие статистические материалы, отчетная документация, официальные партийные и государственные документы) прежде всего двумя существенными чертами.

Во-первых, они вполне пригодны для системного изучения проблемы материального благосостояния населения, так как являются источником массового характера. С помощью же традиционных источников, предоставляющих в распоряжение исследователей только очень обобщенные и усредненные показатели, можно характеризовать, как правило, лишь отдельные аспекты данной проблемы.

Во-вторых, для материалов бюджетных обследований характерна необычайно высокая степень информационной отдачи, так как в них в виде предметно-стоимостных показателей собраны и систематизированы подробные сведе-

¹⁴ См., например: *Бакунин А.В.* Избранные труды. Екатеринбург, 2004; *Мазур Л.Н.* Зажиточность и колхозное крестьянство: парадоксы социально-экономической дифференциации (по материалам Среднего Урала 1950–1960-х гг.) // *Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе*. Вологда, 2001.

¹⁵ *Безнин М.А.* Значение бюджетных обследований в изучении истории колхозного крестьянства и совхозных рабочих 50-х–60-х годов (на материалах российского Нечерноземья) // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. XX. Л., 1989. С. 16.

ния, детально характеризующие большинство структурных элементов образа жизни населения: состав семьи, ее трудовую деятельность, уровень доходов и расходов, степень удовлетворения культурных потребностей, развитость ЛПХ и другие. Поэтому квалифицированно проведенный анализ материалов бюджетных обследований населения позволяет сделать вполне обоснованные выводы о всех сторонах жизнедеятельности рабочих и колхозных семей.

После проведения коллективизации российской деревни и индустриализации страны отбор семей для формирования бюджетной сети осуществлялся все теми же типологическим и механическим путями. При этом часть обследуемых хозяйств постоянно заменялась, а их количество также не было постоянным. Так, что касается колхозников, то, например, в 1950-х годах в СССР регулярно обследовалось более 50 000 семей колхозников, а в Свердловской области – около 500 семей¹⁶. Примерно в те же годы регулярно обследовалось более 600 семей рабочих, ИТР и служащих промышленных предприятий Свердловской области. При этом 2/3 обследуемых семей были рабочими семьями.

Цель проведения бюджетных обследований состояла в получении максимально возможного объема информации об уровне жизни населения, степени удовлетворения материальных и духовных благ. Обследования проводились специально обученными статистиками, которые в своей деятельности руководствовались специальной инструкцией, разработанной ЦСУ СССР. Наличие постоянной бюджетной сети давало возможность, постоянно наблюдая за сравнительно небольшой группой хозяйств, получать вполне достоверный массив информации о материальных условиях жизни всей социальной группы в целом.

Именно материалы бюджетных обследований различных категорий населения Свердловской области (прежде всего – семей рабочих и колхозников) в совокупности с динамическими рядами, сводками, группировками и аналитическими записками по бюджетным обследованиям и составили базу цифрового материала предлагаемой монографии. Все эти статистические материалы во

¹⁶ *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х годов–начало 60-х годов. М., 1992. С. 15.

¹⁷ *Белова Н.Ф., Дмитриев И.И.*, Семейный бюджет: статистический аспект. М., 1990. С. 14.

многим еще не опубликованы и хранятся в фондах архива Территориального органа государственной статистики по Свердловской области (ТОФСГС), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Государственного архива Свердловской области (ГАСО), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), текущем архиве Федеральной службы государственной статистики (бывшего Госкомстата РФ и ЦСУ СССР).

Надо отметить, что лучше всего в архивах представлены бюджеты именно семей колхозников и рабочих. Например, в ГАСО сведения по интересующей нас проблеме по этим группам населения за 1940–1950-е годы содержатся: по семьям колхозников – в сводных статистических формах № 5 и 5а («Оборот продуктов»), а также в форме № 6 («Приобретение непродовольственных товаров. Денежные поступления и расходы»), по семьям рабочих совхозов и городских рабочих и служащих – в сводных статистических формах № 2 (с 1954 года – № 3).

Похожие формы использовались и для представления сводных данных по семьям некоторых других категорий населения – ИТР, учителей, врачей, младшего и среднего медицинского персонала, а также пенсионеров. Правда, в архивах нам удалось обнаружить такие данные только за отдельные годы. В этих сводных документах представлены обобщенные данные бюджетных обследований семей в расчете на 100 наличных душ или (реже) на 100 семей.

Значение указанных форм для исследований трудно переоценить, так как в них приведены данные не только о совокупном потреблении, доходах и расходах семей, но и об обороте продуктов в хозяйствах, что существенно расширяет возможности для анализа. Так, например, в приходе продуктов крестьянских хозяйств отдельно выделены поступления от колхоза, ЛПХ, покупок и обмена, а также прочие поступления. Кроме того, в колхозных поступлениях разделены оплата по трудодням и прочим расчетам и отдельным столбцом указана натуроплата колхозных механизаторов. В расходе же продуктов указаны такие статьи, как личное потребление, на корм скоту и птице, обеспечение государственных поставок, продажа, обмен и даже потери при хранении. Достаточно

подробно градуированы доходы и расходы продуктов и по другим категориям обследуемых семей.

Приобретение и потребление непродовольственных промтоваров в формах даются так же подробно, с указанием абсолютного количества товаров и их стоимости. При этом перечень таких товаров охватывает практически все, что потреблялось в семье. Единственное, чего, на наш взгляд, не хватает в статистике промтоваров, это строки «Произведено в семье». А необходимость в такой строке есть, так как в первые послевоенные годы многое из хозяйственного инвентаря и даже одежды и обуви производилось силами самих членов семей.

Что касается денежных доходов и расходов, то они в формах также даются очень подробно, с разбивкой по источникам доходов и направлениям расходов. В источниках доходов, например, выделены даже доходы от аренды помещений, поступления от членов семей, находящихся на воинской службе, а также выигрыши в лотереи и проценты по государственным займам. В расходах же учтены и такие незначительные статьи, как взносы в общественных организациях.

Наконец, помимо сводных данных, в архивах можно найти также данные и по бюджетным обследованиям отдельных семей. В известном смысле такие данные вдвойне интересны, так как позволяют получить представление о жизни отдельно взятой семьи, даже если она состоит из одного человека.

Таким образом, подводя итог, можно уверенно сделать вывод, что по степени детализации информации материалы бюджетных обследований не имеют аналогов. Прежде всего, эти сведения были использованы нами при проведении сравнительного анализа уровня доходов и расходов колхозников, промышленных рабочих, ИТР и других категорий населения в настоящей монографии. Конечно, и материалы бюджетных обследований имеют пределы своей информативности. В связи с этим мы бы выделили два основных присущих им недостатка. Это, во-первых, отсутствие всеохватности: такие обследования проводились не во всех субъектах Российской Федерации. А, во-вторых, обследованиям подвергались не все категории населения. Так, например, в сельской местности

вплоть до 1990-х годов крестьян-единоличников, а в городских поселениях не попадали в статистические сводки хозяйства чиновников различного уровня, преподавателей ССУЗов и ВУЗов, аспирантов, некооперированных кустарей (по тогдашней советской терминологии).

Помимо данных бюджетных обследований и статистико-аналитических сборников и записок, большой массив интересующей нас информации содержат *различные формы статистического учета*: структуры посевных площадей приусадебных участков, урожайности, переписей скота и птицы в личном подсобном хозяйстве и их продуктивности, земельные балансы и другие. Эти формы представляют особую ценность потому, что дают возможность оценить обеспеченность ЛПХ скотом и птицей, а также сопоставить эффективность ЛПХ и общественного производства. Из них же можно получить информацию, например, о степени эффективности труда колхозников в общественном производстве и в ЛПХ. Эта документация хранится, как правило, в фондах уже упомянутых нами архивов.

Кроме того, разнообразную информацию, в той или иной мере затрагивающую исследуемую проблему, можно получить из *документарного оборота различных учреждений и органов власти* (приказы, руководящие указания, итоговые и отчетные документы, справочные данные, переписка). Здесь большой интерес представляют, например, такие фонды РГАЭ, как Ф.4372 – Госплан СССР, Ф.7486 – Министерство сельского хозяйства СССР, Ф.7733 – Министерство финансов СССР, Ф.7971 – Министерство торговли СССР, Ф.8295 – Министерство промышленности мясных и молочных продуктов СССР и другие.

Подобные же сведения имеются в ГАРФ в фондах аналогичных российских структур (например, Фонды А-262, А-310, А-317, А-374, А-411 и другие). К данной группе источников примыкают и оперативно-информационные материалы, имеющиеся в фондах бывшего областного партийного архива – ЦДО-ОСО (прежде всего в двух фондах: Ф. 4 – Фонд Уральского (Свердловского) обкома КПСС и Ф.376 – Фонд Свердловского промышленного обкома КПСС).

Нельзя не сказать, что помимо архивов, перечисленных выше, в условиях

гласности наконец-то исследователям стал доступен (с некоторыми ограничениями) такой очень интересный источник, как архивы Федеральной службы безопасности РФ. В территориальных архивах этой службы интерес представляют, прежде всего, так называемые спецсообщения, докладные записки и справки. Они содержат информацию, которую органы государственной безопасности направляли в Москву в свою вышестоящую инстанцию, а также предоставляли для принятия решений руководителям области.

Некогда секретные, а ныне утратившие данный статус, эти документы посвящены таким вопросам, как «негативные» отзывы граждан (о снабжении товарами первой необходимости, оплате труда, жилищных условиях, актуальных событиях в стране и мире), различные криминальные проявления (истинные и мнимые), самые разнообразные «отрицательные явления» в обществе вплоть до нежелания молодых ребят возвращаться после службы в армии в колхозы. Подобные материалы можно найти, например, в фонде 1 архива УФСБ по Свердловской области¹⁸.

Говоря об *опубликованных материалах*, надо отметить, что на сегодня массовому читателю доступна лишь незначительная часть бюджетных и связанных с ними архивных источников исследуемого нами периода. Это всероссийское явление; характерно оно и для Свердловской области. Так, например, в конце 1980-х годов М.А.Безнин опубликовал данные, касающиеся материального положения колхозников десяти областей Нечерноземья. Кроме того, он опубликовал «Приложение к бюллетеню ЦСУ РСФСР», посвященное статистической характеристике семейных бюджетов рабочих, колхозников, инженерно-технических работников и служащих РСФСР в 1959 году¹⁹.

Выборочные данные о материальном положении населения отдельных регионов страны содержатся и в работах других авторов. Относительно Урала и

¹⁸ Архив УФСБ по Свердловской области. Ф.1. Оп.1 и 2.

¹⁹ *Безнин М.А.* Материальное положение колхозников российского Нечерноземья в 1950–1965 гг. (Методические рекомендации и материалы к спецсеминару по истории советского общества, часть 1). Вологда, 1988; *Он же.* Материальное положение рабочих и колхозников. 1950–1965 гг. (Методические рекомендации и материалы к спецсеминару по истории советского общества). Вологда, 1989; *Он же.* Крестьянская торговля на рынках Нечерноземья в 1950–1965 гг. (Методические рекомендации и материалы к спецсеминару по истории советского общества в 3-х частях). Вологда, 1990.

Свердловской области, ряд архивных материалов, касающихся бюджетных обследований, был опубликован Л.Н.Мазур, М.Н.Денисевичем, Р.П.Толмачевой, автором данной монографии и другими исследователями²⁰.

Из других опубликованных источников следует также отметить различные *официальные* статистические публикации. Это, прежде всего, общесоюзные и общероссийские сборники «Народное хозяйство СССР в ... году», «Народное хозяйство РСФСР в ... году», юбилейные издания – «Народное хозяйство ... за 40 лет Советской власти», а также аналогичные сборники по республикам и областям, например: «Свердловская область в ... году»²¹. Сюда же следует отнести и некоторые учебные пособия²². Ценность большинства таких источников применительно к изучаемой нами проблеме невелика, но содержащиеся в них данные в известной мере дополняют общую картину. Для сравнения же экономических показателей, достигнутых разными странами, большой интерес представляют различные зарубежные периодические справочные издания²³.

Отдельно надо отметить такие источники, как материалы Всесоюзных переписей населения, прежде всего – 1939 и 1959 годов, которые содержат подробные сведения о численности и социальном составе населения, его профессиональной и половозрастной структуре в исследуемый период и другие данные²⁴. Использование их в ряде случаев было необходимо и целесообразно для проведения сравнений и анализа.

Значительную помощь в изучении проблемы материального обеспечения населения могут оказать различные программно-директивные и другие ма-

²⁰ См. труды указанных авторов.

²¹ См., например: Народное хозяйство Свердловской области: Статистический сборник к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Свердловск, 1967; Народное хозяйство СССР: Статистический ежегодник. М., 1960; Народное хозяйство в 1922–1972 гг.: Юбилейный статистический сборник. М., 1972; Народное хозяйство и культурное строительство Башкирской АССР: Статистический сборник. Уфа, 1959; Народное хозяйство Свердловской области: Статистический сборник. Свердловск, 1962; Народное хозяйство Чкаловской области: Статистический сборник. Чкалов, 1957; Оренбургская область за 25 лет: Статистический сборник. Оренбург, 1960; Основные показатели социального развития и повышения уровня жизни населения СССР: Статистический сборник. М., 1976; Сегодня и завтра. Цифры и факты об уровне жизни советского народа. М., 1962; Сельское хозяйство СССР: Статистический сборник. М., 1960; Сельское хозяйство СССР (1913–1970 гг.). М., 1971; Страна Советов за 50 лет: Сборник статистических материалов. М., 1967.

²² См., например: Хрестоматия по отечественной истории (1946–1995). М., 1996.

²³ См., например: World Development Indicators (Издается ежегодно группой Мирового банка – МБРР).

²⁴ См., например: Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1992; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. М., 1963; *Мотревич В.П.* Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сборник материалов. Екатеринбург, 2002.

териалы органов законодательной, государственной и партийной власти. Среди них указы Президиума Верховного Совета СССР и РСФСР, различные постановления и решения Совмина СССР, ЦК ВКП(б) – КПСС, облисполкомов и обкомов ВКП(б) – КПСС, профсоюзных органов, резолюции пленумов и конференций, стенографические отчеты и протоколы, относящиеся к исследуемому нами периоду. Построенные в хронологическом порядке, эти документы дают наглядное представление об эволюции государственной политики в сфере материального благосостояния населения. Что касается, например, центральных органов государственной и партийной власти, то здесь мы располагаем целым рядом различных хорошо известных и доступных сборников²⁵.

Неоценимую помощь в изучении материальных условий жизни населения могут оказать и другие печатные источники. Так, для проводимого нами исследования представляют интерес материалы местной и центральной печати, а также публицистические работы, в том числе ретроспективного плана²⁶. Кроме того, представление об уровне материального благосостояния населения помогают составить также произведения мемуарно-публицистического характера, позволяющие взглянуть на исследуемую проблему через ощущения современников описываемых событий. В качестве примера можно привести воспоминания таких государственных, политических, военных и общественных деятелей, как Ф.М.Бурлацкий, А.Г.Зверев, Ю.А.Королев, В.А.Крючков, Н.С.Леонов, Р.Г.Пихоя, Н.С.Хрущев, А.Н.Яковлев и многих других²⁷. Хотя описываемые указанными авторами события происходят, как правило, за пределами Урала и

²⁵ См., например: Декреты Советской власти: В 12 т. М., 1986; Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957): В 4 т. М., 1958; История колхозного права: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР, 1917–1958 гг. В 2 томах. М., 1959; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). М., 1983; Ленинская аграрная политика КПСС: сборник важнейших документов (март 1965–июль 1978). М., 1978; Ленинская политика КПСС: Сборник документов. М., 1978; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: В 14 т. М., 1983; Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938–1975: В 4 т. М., 1976; Сессии Верховного Совета СССР (стенографические отчеты); Хронологическое собрание Законов, Указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. М., 1958.

²⁶ См., например: *В.Селюнин, Г.Ханин*. Лукавая цифра. // Новый мир. 1987. № 2; *Василий Селюнин, Николай Шмелев*. Истоки. Авансы и долги. М., 1990.

²⁷ *Бурлацкий Ф.М.* Вожди и советники. М., 1990; *Зверев А.Г.* Записки министра. М., 1973; *Королев Ю.А.* Кремлиевский советник. М., 1995; *Крючков В.А.* Личное дело. М., 2003; *Леонов Н.С.* Лихолетье. М., 1995; *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945–1985. М., 2007; *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. М., 1999; *Яковлев А.Н.* Горькая чаша. М., 1994; *Он же*. Сумерки. М., 2003.

Свердловской области, они являются прекрасным материалом для сравнения и оценки. Крайне интересны и встречающиеся в них рассуждения авторов.

Определенный вклад в изучаемую проблему внесли своими работами и советские диссиденты, прежде всего В.К.Буковский, П.Г.Григоренко, А.Т.Марченко, А.Д.Сахаров, А.И.Солженицын и другие²⁸. Представляют интерес и работы историко-биографического²⁹ и историко-краеведческого³⁰ характера (из которых можно получить интересные фактологические данные), а также дневниковые записи современников³¹.

Использование вышеперечисленных источников обогащает фактическую базу исследования, позволяют взглянуть на исторические события глазами реально живших в то время людей. В них на фоне описываемых авторами исторических событий часто излагается большое количество фактов материально-бытового характера, представляющих для исследователя большую ценность.

Отдельно следует выделить работы зарубежных авторов, в которых содержатся некоторые цифры и факты по исследуемой нами проблеме, таких как Н.Верт, Ш.Фицпатрик, Дж.Хоскинг и другие³². Они интересны прежде всего тем, что дают возможность взглянуть на события, происходившие в нашей стране, глазами иностранных исследователей, то есть исследователей, не подвергавшихся массовой идеологической обработке и, вследствие этого, не имеющих «внутренней» цензуры.

Представляют интерес как источники и произведения отечественной художественной литературы, содержащие массу подробностей материальной жизни их героев в исследуемый нами период. В качестве примеров можно привести произведения таких отечественных писателей, как Ф.А.Абрамов,

²⁸ Буковский В. «И возвращается ветер...». Письма русского путешественника. М., 1990; Григоренко П.Г. В подполье можно встретить только крыс. Нью-Йорк. 1981; Марченко А.Т. Мои показания. М., 2005; Сахаров А.Д. Воспоминания: В 2 т. М., 1996; Солженицын А.И. Малое собрание сочинений: В 8 т. М., 1991.

²⁹ См., например: Медведев Р.А. Личность и эпоха. М., 1991; Млечин Л.М. Брежнев. М., 2008; Смыслов О.С. Василий Сталин. Заложник имени. М., 2003; Соколов Б.В. Берия: судьба всесильного наркома. М., 2003.

³⁰ См., например: Ануриев Ю.П. Новоуральск. Годы и судьбы. Екатеринбург: АОТ «Средне-Уральское книжное издательство», 1995; Кулагина Г.А. Свидетель века. Екатеринбург. 2005; Мы приближали Победу / Под ред. Толмачевой Н.С. Екатеринбург, 2000.

³¹ См., например: Нагибин Ю.М. Дневник. М., 1996.

³² Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. М., 1996; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. М., 2003; Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917–1991. М., 1995.

Е.И.Носов, В.В.Овечкин, В.Ф.Панова, В.Ф.Тендряков, В.М.Шукшин³³. Из свердловских же писателей следует выделить, прежде всего, Н.Г.Никонова³⁴.

Наконец, нельзя не упомянуть также самый новый источник, появившийся благодаря развитию научно-технической революции буквально несколько лет назад. Мы имеем в виду всемирную информационную сеть – Интернет. Возможность использования ее ресурсов для исследовательских работ, подобных нашей (как, впрочем, и любой другой), не вызывает сомнений уже сейчас, хотя число документов в электронном виде ничтожно мало по сравнению с их общим количеством. В то же время объем информации в целом, поступающей через «всемирную паутину», постоянно растет.

И, завершая обзор источников данной работы, упомянем такой необычный и практически не упоминаемый исследователями источник, как музейные экспозиции. Мы имеем в виду прежде всего экспозиции краеведческих музеев, которые нередко содержат интересную информацию о материальных условиях жизни населения в различные исторические периоды. Данный источник почему-то используется исследователями материальных условий жизни достаточно редко и не пользуется популярностью.

Рассуждая об источниках, нельзя обойти вниманием проблему их достоверности, которая стала особенно актуальной для исследователей после ставших известными фактов фальсификации переписи населения СССР 1939 года. В связи с этим нам представляется, что данные бюджетных обследований, которые стали основой настоящей диссертации, заслуживают доверия, прежде всего, по двум причинам.

Во-первых, эти обследования проводились на протяжении многих лет, что исключает их фальсификацию как систематическое явление. А во-вторых, такие материалы уже изначально не предназначались для широкой огласки и обсуждения (большинство из них содержит грифы «секретно», «не подлежит ог-

³³ *Абрамов Ф.А.* Собрание сочинений: В 6 т. Л., 1990; *Носов Е.И.* В чистом поле...: Повести, рассказы. М., 1980; *Овечкин В.В.* Избранные произведения: В 2 т. М., 1963; *Панова В.Ф.* Собрание сочинений: В 5 т. М., 1969; *Тендряков В.Ф.* Собрание сочинений: В 4 т. М., 1978; *Шукшин В.М.* Собрание сочинений: В 3 т. М., 1984.

³⁴ *Никонов Н.Г.* Дальние берега. Повести. Свердловск, 1980.

лашению» и «для служебного пользования»), что также говорит в пользу их достоверности. Долгое время они без движения лежали в архивах и стали доступны исследователям сравнительно недавно.

С известной осторожностью необходимо, по нашему мнению, относиться к цифрам, содержащимся в различных отчетных и справочных документах правившей КПСС. Собственно, это и неудивительно: партийные инстанции различного ранга всегда стремились преувеличить масштабы достижений «коммунистического строительства» и преуменьшить размеры его неудач, но при этом не всегда согласовывали свои действия. В результате в архивных документах тех же Свердловского обкома и горкома КПСС можно найти различные расхождения в цифровом материале, неточности, ошибки, а иногда и преднамеренные искажения, выявить которые можно только путем перекрестного сравнения.

Надо сказать, что работники Облстата старались выявить ошибки и исправить их еще до внесения данных в официальные документы. Но исправлялось не все. Различные неточности и описки встречаются и в официальных сводках Облстата. Например, по документам 1940 года среднедушевой размер потребления обуви у рабочих промышленных предприятий нашей области составил в упомянутом году 2,7 пары. В то же время по составленным гораздо позднее динамическим рядам рассчитывается несколько иная цифра: 2,4 пары³⁵. Иногда встречаются и откровенные описки: например, в одном из документов за 1951 год, хранящемся в ГАСО, в итоговой колонке потребления населением молока и молокопродуктов вместо 11 858 проставлена цифра 1 858³⁶.

Не во всем можно доверять и динамическим рядам фондов текущего архива Федеральной службы государственной статистики (бывшего Госкомстата). В целом данные этих рядов согласуются с данными бюджетных обследований в части семейных доходов и расходов, но, как нам удалось обнаружить, содержат расхождения с ними, например в части количественного состава семей. А это, в

³⁵ ГАСО. Ф.Р1813. Оп.1. Д.227. Л.84; Динамические ряды рабочих промышленности 1952–1968 годов ТОФСГС по Свердловской области.

³⁶ См.: ГАСО. Ф.Р1813. Оп.14. Д.825. Л.56.

свою очередь, приводит к завышению доходов и расходов в расчете на одну среднестатистическую душу. С достаточной долей уверенности можно предположить, что таким путем советская статистика приукрашивала действительное положение вещей.

Ошибки, неточности, а иногда и просто искажения действительной картины встречаются и в научных публикациях. Мы уже упоминали в одной из своих работ о нелепых ошибках в монографии Р.П.Толмачевой³⁷. Порой в научной литературе у различных авторов встречаются значительные расхождения в сведениях цифрового характера. Так, в монографии В.А.Белянова³⁸ утверждается, что объем валовой продукции сельского хозяйства СССР в 1940 и 1953 годах в сравнении с 1913 годом составил соответственно 116 и 122 %, в то время как у Ю.В.Арутюняна мы найдем совсем другие (и, как нам представляется, более объективные) цифры: 90 и 105 %³⁹.

Аналогично, к обладающим достоверностью источникам мы бы отнесли сайты различных официальных органов в сети Интернет.

Что же касается других источников, то наименьшего доверия из них заслуживают упоминаемые нами различного рода справочники о состоянии и развитии народного хозяйства СССР и РСФСР за различные годы, равно как и изданные к различным юбилейным датам информационные сборники. И это неудивительно, так как собранная в них информация предназначалась для самой широкой публики, подавалась в предельно упрощенной и претенциозной форме и преследовала только одну цель – доказать «неоспоримые» преимущества советского образа жизни.

В целом же, несмотря на указанные выше недостатки, взятые в совокупности все вышеперечисленные материалы представляют собой прочную и надежную источниковую базу для решения поставленных в монографии задач.

³⁷ Толмачева Р.П. Колхозы Урала в послевоенные годы...

³⁸ Белянов В.А. Личное подсобное хозяйство при социализме. М., 1970. С. 8.

Глава II. Свердловская область накануне исследуемого периода: тяжкие последствия разрухи и милитаризации экономики

Последствия Великой Отечественной войны явились для экономики области, как и всей советской страны, катастрофическими. Если говорить о стране в целом, то достаточно сказать, что в ходе войны, по официальным данным, погибло 26,6 млн советских граждан¹, а прямые потери народного хозяйства СССР составили 679 миллиардов рублей в довоенных ценах, что в 5,5 раза превышало национальный доход 1940 года². Серьезно пострадали буквально все отрасли экономики, и прежде всего самые крупные – промышленность и сельское хозяйство, основой которого было колхозное производство.

В стране было разрушено полностью или частично 1 710 городов и поселков городского типа, более 70 тыс. сел и деревень, 32 тыс. промышленных предприятий, 65 тыс. километров железнодорожных путей, 91 тыс. километров шоссеиных дорог, тысячи мостов и портовых сооружений. Общйй объем перевозок в 1945 году по сравнению с 1940 годом упал почти на 25 %, а речного и автомобильного транспорта – почти на 50 %³. Во всех базовых отраслях промышленности имело место абсолютное падение производственно-экономических показателей. В 1945 году чугуна выплавлялось 59 %, стали и проката производилось 66 % и 65 %, нефти добыто 62 % по сравнению с 1940 годом, тракторов, комбайнов, паровозов, автомобилей изготовлялось в 2–5 раз меньше, чем накануне войны⁴.

Произошли серьезные изменения в структуре экономики и размещении производительных сил страны, так как только в течение второй половины 1941 года в ее восточные регионы пришлось эвакуировать 2,6 тыс. промышленных предприятий (в том числе 1 523 крупных), а также 5,5 млн человек⁵. В результате в ноябре 1941 года производство проката черных металлов по сравнению с

¹ Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование / Рук. авт. кол. *Кривошеев Г.Ф.* М., 2001. С. 229.

² *Мотревич В.П.* Экономическая история России. Екатеринбург, 2004. С. 434.

³ Там же.

⁴ *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. С. 193.

⁵ *Мотревич В.П.* Экономическая история России... С. 405–406.

июнем сократилось в 3 раза, выплавка стали – более чем в 4 раза, а производство шарикоподшипников – в 21 раз. При этом объем промышленного производства в целом сократился в СССР в 2,1 раза, а выпуск многих видов продукции машиностроения (прежде всего – невоенной продукции) полностью прекратился. В связи с этим производство многих важнейших промышленных потребительских товаров сократилось к 1942 году в несколько раз и упало до уровня 1924 года (для сравнения: в Германии производство потребительских товаров в 1942 году сократилось по сравнению с 1936 годом всего лишь на 6 %, то есть упало только до уровня 1934–1935 годов⁶).

Что касается аграрного сектора, то из-за последствий войны валовая продукция сельского хозяйства сократилась на 40 %, а производство зерна и хлопка – почти на 50 %⁷. Посевные площади колхозов страны в 1946 году по сравнению с 1940 годом сократились на 24 %, обеспеченность их основными производственными фондами – на 25 %, а трудовые ресурсы села – на 32 %. поголовье КРС в хозяйствах колхозников в СССР составило от уровня 1940 года 87 %, овец и коз – 76 %, свиней – 39 %⁸. За этот же период численность колхозного крестьянства сократилась на 11,4 млн человек⁹, в том числе на 2 млн мужчин, демобилизованных из армии и привлеченных к работам по восстановлению промышленности.

Снизился и удельный вес колхозного производства среди прочих категорий хозяйств – с 68 % в 1941 году до 53 % в 1945-м¹⁰. Естественно, не мог не упасть и общий объем производимого в стране продовольствия в годы войны. Так, производство продуктов питания сократилось: хлеба – в 2 раза, мяса – в 2,2 раза, масла растительного – в 2,7 раза, сахара – в 4,6 раза. Существенно снизил-

⁶ Мотревич В.П. Экономическая история России... С. 406, 414–415.

⁷ Там же. С. 434.

⁸ Чернявский У.Г. Война и продовольствие: снабжение городского населения в Великой Отечественной войне. М., 1964. С. 47.

⁹ Вербицкая О.М. Указ. соч. С. 80.

¹⁰ Мотревич В.П. Развитие сельского хозяйства на Урале в 1940-е годы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук в форме научного доклада. Екатеринбург, 1993. С. 33.

ся также выпуск промышленных товаров: тканей – в 2,2 раза, мыла – в 3 раза, обуви – в 3,3 раза¹¹.

Уральский регион, находясь в глубоком тылу, не понес прямых потерь от ведения боевых действий и оккупации, но, тем не менее, война проявила себя и здесь, кардинально повлияв на состояние всех отраслей экономики региона и сферу материальных условий жизни населения.

Надо сказать, что и до войны Урал и Свердловская область в его составе уже занимали ведущее место среди промышленных регионов СССР. Так, по производству цветных металлов Уральский регион занимал первое место в стране, по производству черных металлов – второе, по добыче угля – третье, а по производству продукции машиностроения – четвертое место после Московского, Ленинградского и Украинского промышленных районов¹². Произошло это, как справедливо отмечено в Уральской исторической энциклопедии, прежде всего потому, что «сталинское государство, основываясь на теории неизбежного вооруженного конфликта с внешним врагом, на идеологических догмах и политических амбициях вождя, развивало уральскую промышленность лишь в целях усиления своего военного могущества. Поэтому капиталовложения в производство средств потребления в довоенный период составляли всего несколько процентов, что обуславливало низкий уровень жизни населения Урала»¹³.

В годы войны Урал принял, по некоторым данным, 703 промышленных предприятия, эвакуированных из западных районов страны. В том числе в Свердловскую область было перемещено больше всего предприятий – 212, в Челябинскую – 200, в Пермскую (тогда Молотовскую) – 124¹⁴. Правда, в литературе, посвященной эвакуации военных лет, можно встретить и другие цифры. Так, Я.Изаков утверждает, ссылаясь на материалы ГАСО, что в нашу область

¹¹ Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 38.

¹² Мотревич В.П. Экономическая история России... С. 404.

¹³ Уральская историческая энциклопедия... С. 109.

¹⁴ Мотревич В.П. Экономическая история России... С. 404.

было эвакуировано 473 предприятия (в том числе в Свердловск – 202 из них), а Н.С.Симонов приводит немного другую цифру – 455 предприятий¹⁵.

При этом в нашу область эвакуировали в основном машиностроительные заводы. Вместе с предприятиями на временное проживание прибыло около 2 млн человек, в том числе в Свердловскую область – около 700 тыс. человек¹⁶. Именно благодаря огромному притоку эвакуированного населения в период Великой Отечественной войны процесс образования городов в регионе приобрел скачкообразный характер: за пять военных лет статус города в Свердловской области получили десять населенных пунктов¹⁷. Это, с одной стороны, создало громадные трудности, связанные с размещением оборудования и людей, а с другой – окончательно превращало область в вотчину ВПК и обрекало на заведомо второстепенную роль предприятия, производящие товары широкого потребления.

Непропорционально разросшийся промышленный потенциал области создал большие трудности в послевоенное время в связи с необходимостью конверсии большого количества предприятий, то есть перевода их полностью или частично на выпуск невоенной продукции. Кроме того, к этой проблеме сразу же добавилась другая: после окончания войны на Урале (прежде всего – в Свердловской и Челябинской областях) стала интенсивно развиваться атомная промышленность. Так, в исследуемый нами период в Свердловской области начали свою деятельность: в 1948 году – комбинат «Электрохимприбор» (город Лесной, серийное изготовление ядерных боеприпасов) и Малышевское рудоправление (поселок Изумруд, добыча и обогащение урановой руды), в 1949-м – Уральский электрохимический комбинат (город Новоуральск, разделение изотопов урана), в 1950-м – Уральский электромеханический завод (город Свердловск, аппаратура контроля и автоматики)¹⁸. Несколько позднее – в 1950-

¹⁵ Мы приближали Победу / Под ред. *Толмачевой Н.С.* Екатеринбург, 2000. С. 480; *Симонов Н.С.* Указ. соч. С. 140.

¹⁶ *Мотревич В.П.* Экономическая история России... С. 406.

¹⁷ Концепция территориальной схемы градостроительного планирования и развития Свердловской области до 2040 года и задачи в XXI веке. Екатеринбург, 2004. С. 7.

¹⁸ *Мотревич В.П.* Экономическая история России... С. 446–447.

х годах – в области появляются предприятия, работающие на производство различных ракет и спутников, прежде всего военного назначения.

Таким образом, развитие промышленного комплекса Свердловской области по окончании войны было сопряжено с целым рядом проблем, основными из которых были:

- необходимость проведения конверсии;
- создание новых оборонных отраслей;
- малые объемы инвестиций (большая часть ресурсов страны направлялась на восстановление экономики западных регионов, пострадавших в ходе войны);
- эвакуация части оборудования и персонала;
- физический и моральный износ оборудования;
- нехватка электроэнергии;
- дефицит сырья для черной и цветной металлургии (прежде всего железной и медной руд).

Тем не менее, промышленные отрасли экономики Свердловской области хотя и с немалыми трудностями, однобоко и неравномерно, но развивались и в годы войны, и в послевоенное время, чему в немалой мере поспособствовало перемещение на ее территорию эвакуированных предприятий (многие из них навсегда здесь и остались). Поэтому неудивительно, что уже в 1947 году производство промышленной продукции в области в разы превзошло уровень 1940 году. В упомянутом 1947 году предприятия Свердловска произвели продукции вчетверо больше, чем в последний предвоенный год. Рост же отдельных видов продукции по области составил:

- стали и проката – почти в 2 раза;
- чугуна и серной кислоты – более чем в 2 раза;
- электроэнергии и железной руды – примерно в 2,5 раза;
- угля – в 5 раз;
- алюминия – в 6 раз;
- шарикоподшипников – в 12 раз;

- марганцевой руды – в 25 раз;
- стекла – в 40 раз.

Характерно, что при этом объемы железнодорожных перевозок возросли всего лишь на 30 % – железная дорога уже в годы войны работала с невероятным напряжением¹⁹.

Но подобного нельзя сказать о сельском хозяйстве. Здесь наблюдалась обратная картина. Начать с того, что в результате войны в среднем по Уралу среднегодовое сельскохозяйственное производство сократилось на 21 %, в том числе в Свердловской области – на 14 % (для сравнения – в Башкирии и в Оренбургской области – соответственно даже на 23 и 20 %) ²⁰.

В сильной степени повлияла война и на ЛПХ крестьянства Свердловской области: на 1 января 1946 года по сравнению с 1940-м поголовье скота в ЛПХ колхозников составляло: овец и коз – 58 % и свиней – 30 % ²¹. Примечателен тот факт, что, в отличие от колхозного, поголовье КРС в ЛПХ населения на Урале в годы войны не только сократилось, но и умножилось: с 2 141,0 тыс. голов в 1941 году до 2 334,1 тыс. голов в 1945-м. В том числе коров – с 1 422,0 до 1 509,2 тыс. голов (крестьяне стремились всеми силами сохранить их как производителей молока – одного из основных продуктов питания²²). Не будет преувеличением сказать, что именно благодаря наличию скота и птицы и вообще ЛПХ крестьянство Урала в годы войны в массе своей не голодало. Поголовье же свиней пострадало больше всего, так как для него требовались наиболее дефицитные в условиях войны корма – картофель и концентраты.

В то же время в годы войны значительно развились ЛПХ и других категорий населения, которые сыграли, без всякого преувеличения, решающую роль в том, что 1943 и 1944 годы не стали на Урале годами массового голода. В связи с этим стоит напомнить, что, по подсчетам А.В. Бакунина и М.Н. Денисевича, в Свердловской области в 1943 году **каждая** (выделено нами. – *В.М.*) из обследо-

¹⁹ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 43. Д.222. Л.3–5.

²⁰ *Мотревич В.П.* Валовая продукция сельского хозяйства Урала (1941–1960 гг.). Свердловск, 1991. С. 7.

²¹ Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975). С. 54.

²² *Денисевич М.Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале... С. 143.

ванных 220 семей рабочих получила из своего ЛПХ 714 кг картофеля, 269 литров молока, 40 кг капусты и других продуктов²³. (Первые две цифры, на наш взгляд, явно завышены.)

За годы войны уменьшились и доходы крестьянских хозяйств от колхоза, так как по причине снижения валового сбора зерновых сократилась и выдача продуктов на трудодень. В Свердловской области этот показатель по зерну снизился с 1940-го по 1945 год более чем на 60 %: с 1,95 кг до 0,76 кг²⁴. Надо заметить, что, кроме зерна, колхозники и так почти ничего не получали в качестве натуроплаты. По подсчетам В.П.Мотревича, в разгар войны – в 1943 году – в Свердловской области лишь в 2 % колхозов по трудодням выдавалось какое-то количество мяса, молока – в 3 %, картофеля – в 7 %, овощей – в 15 % колхозов. В том же году в 4 колхозах области не выдавали на трудодни даже зерновые, а в 99 колхозах совсем не выдавались деньги²⁵.

Массовая мобилизация мужчин на фронт привела к тому, что основной рабочей силой на селе стали женщины. Но тяжкие испытания военного времени выпали на долю не только взрослых, но и подростков – фактически еще детей. Один из тех, чье детство пришлось на военные годы, так вспоминал об этом: «Мне было четырнадцать лет, и нас, подростков, поставили на место взрослых мужиков, взятых на фронт. Каждый день мы получали задание, которое неукословно должны были выполнить. Иначе не будет трудодня, хотя за трудодни и нечего было получать. Работали с раннего утра до позднего вечера. За тридцать километров возили зерно на приемный пункт. Таскали мешки – поджилки тряслись, ведь недоедали, силенок не было. Электричества в деревне не было, керосиновая лампа и та роскошь. Мыла не было, заедали вши. Дети в школу почти не ходили, не было обуви»²⁶.

Еще труднее было малолетним воспитанникам яслей, детских садов и детских домов, расположенных в сельской местности. Ю.П.Анурьев пишет:

²³ Бакунин А.В., Денисевич М.В. Развитие торговли на Урале в послевоенные годы (1946–1950). Свердловск, 1980. С. 23.

²⁴ Там же. С. 49.

²⁵ Там же. С. 50.

²⁶ Уральский рабочий. 2002. 23 ноября.

«Взрослым в годы войны жилось тяжело, а детям вдвойне, особенно трудно было детям сиротам в детских домах. Правда, пытались им помогать, но как помочь, если зимой 1941–1942 годов в детских садах и яслях в районе (Невьянском, – *В.М.*) была снижена норма картофеля до одного килограмма на ребенка в месяц, т.е. 33 г в день. Но выжили, выросли»²⁷. К сожалению, здесь автор выдает желаемое за действительное. Выжили, но далеко не все... М.Н.Денисевич в своей монографии привел страшные факты гибели детей от голода в нашей области в годы войны. Например, только в 1942 году в колхозных детских яслях умерли от голода и болезней: в Останкинском сельском совете – 30, в Коптеловском – 44, в Монастырском – 22, в Бобровском – 18 детей²⁸.

Для иллюстрации количественного и качественного уровня питания населения области в военные годы отошлем читателя к приложению 4, в котором представлены сведения о питании в годы войны среднеуральского крестьянства – одной из самых обездоленных категорий населения. По таблице хорошо видно, что в эти годы питание крестьян (и без того небогатое) приобрело своеобразный «картофельно-молочно-овощной» характер. Чего стоит один только факт: в самые тяжелые 1943 и 1944 годы потребление кормовых (!) корнеплодов возросло более чем на порядок (напомним, что на Урале в этом качестве чаще всего выступает турнепс).

Тем не менее, есть основания утверждать, что основная часть городского населения области в это время питалось не лучше. Например, в воспоминаниях работницы свердловского городского телеграфа можно найти строки о том, как она работала без выходных, отгулов и отпусков до 1945 года. Обед ее при этом включал в себя «кусоч хлеба и тарелку похлебки из кислой капусты с деревянными щепками вперемежку»²⁹.

Обычным ощущением абсолютного большинства населения страны в войну был голод. Очень хорошо об этом сказано у известного уральского писателя Н.Г.Никонова: «Иду в школу темной зимней улицей. Мне голодно и хо-

²⁷ *Анурьев Ю.П.* Указ. соч. С. 175.

²⁸ *Денисевич М.Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале... С. 83.

²⁹ Мы приближали Победу... С. 485.

лодно... Голодно потому, что натошак поел картошки без хлеба и немного мутит от этой ранней еды, особенно когда представляю опять вареную зеленоватую, очищенную от липкой кожуры мелкую картофелину, которую даже обильное макание в сырую соль не сделало вкуснее. ...Хочу есть, хлеба хочу, черного, острого, колючего от овса, но хлеба, досыта»³⁰.

Конечно, справедливости ради надо сказать, что тяжкие трудности испытывало не все население. В лучшем (иногда – в значительно лучшем) положении находились граждане, работавшие, например, на военных предприятиях или в партийно-государственных учреждениях, хотя и большинству из них было нелегко. И совершенно особую категорию представляли собой граждане, причастные к распределению материальных благ, прежде всего – продовольствия. «Работать в войну в ресторане, на хлебозаводе, даже просто посудницей в столовой считалось немыслимым счастьем» – так писал упомянутый нами Н.Г.Никонов. А далее он справедливо отметил, что «не все в войну бедствовали, которые и наживались»³¹.

О перманентном воровстве в органах снабжения мы еще скажем подробнее. Не совсем понятно другое: несмотря на всю жесткость тогдашнего законодательства, процветало и обычное головотяпство и неумение сохранить даже то, что было выращено с огромным трудом: например, только в ОРСе фабрики «Уралобувь» в 1945 году было заморожено 50 тонн картофеля, а в ОРСе ДН-2 «Пассажирская» в Бисерти – даже 150 тонн. Именно такие случаи имел в виду первый секретарь обкома партии В.И.Недосекин, когда сказал в одном из выступлений, что в области «...произошли колоссальные убытки от бесхозяйственности»³².

А тем временем жители городов области, чтобы хоть как-то восполнить нехватку продуктов питания, заводили огороды (благо власти не препятствовали хотя бы этому) – за годы войны площади под ними возросли в 3,5 раза. За этот же период посевные площади в колхозах увеличились: под картофелем –

³⁰ Никонов Н.Г. Указ. соч. С. 181.

³¹ Там же. С. 242, 259.

³² ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.135. Л.32, 235.

на 68 %, а под овощами – на 112 %³³. Не будет преувеличением сказать, что в годы войны население Урала (да и всей страны) выжило прежде всего благодаря всего лишь двум продуктам – картофелю и овощам. Например, в общественном секторе Свердловской области их производство в 1940 году составило соответственно 50,6 и 25 тыс. т, а в 1945-м – уже 209 и 89,2 тыс. т, то есть возросло очень значительно – более чем в 4 и 3,5 раза соответственно³⁴.

На фоне всего сказанного абсолютно голословной представляется фраза из партийного документа послевоенного времени, в которой утверждается, что «несмотря на исключительные трудности военного времени, трудящиеся нашей области, благодаря постоянному вниманию партии и правительства, были обеспечены необходимым количеством продовольственных и промышленных товаров по твердым ценам и не испытывали серьезных трудностей в снабжении»³⁵. (Количества потребляемых колхозниками основных продуктов питания в годы войны можно увидеть в прил. 4.)

В одной из своих монографий мы уже проводили сравнение уровней питания в годы войны советских людей и населения разгромленной нами нацистской Германии³⁶. Готовя же к публикации новый труд, мы обратили внимание на воспоминания видного деятеля тылового снабжения Советской Армии в годы войны Н.А.Антипенко. Вот что он написал о продовольственном обеспечении жителей Берлина: «9 мая 1945 года в Берлин прибыли заместитель председателя СНК СССР А.И.Микоян и начальник тыла Красной Армии генерал А.В.Хрулев. Они привезли решение Советского правительства об организации помощи населению Берлина.

В соответствии с принятыми нормами лицам, занятым на тяжелых физических работах, и рабочим вредных профессий выдавалось в день по 600 граммов хлеба, 80 граммов крупы и макаронных изделий, 100 граммов мяса, 30 граммов жиров, 25 граммов сахара; рабочие получали по 500 граммов хлеба, 60 граммов макаронных изделий и круп, 65 граммов мяса, 15 граммов жиров и 20

³³ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 43. Д.222. Л.9.

³⁴ Там же. Оп.44. Д.135. Л.38.

³⁵ Там же. Д.240. Л.42.

граммов сахара. Все остальное население получало по 300 граммов хлеба, 30 граммов макаронных изделий и круп, 20 граммов мяса, 7 граммов жиров и 15 граммов сахара. Кроме того, каждый житель получал по 400–500 граммов картофеля в день и по 400 граммов соли в месяц. Наконец, по карточкам выдавали кофе и чай.

...Микоян, просматривая текст продовольственной карточки, спросил меня:

– А какой кофе вы собираетесь давать немцам?

– Суррогатный, — ответил я.

– А почему не натуральный?

Я ответил, что натурального кофе на складах фронта нет и сам я давненько не пил его. Микоян сказал:

– На складах у вас нет, а в Советском государстве есть. Потрудитесь к каждой карточке в графе «кофе» добавить слово «натуральный»...

Пришлось допечатывать слово «натуральный» в 4 миллионах карточек»³⁷.

Конечно, такое гуманное отношение к мирному населению только что поверженной державы можно было бы только приветствовать, если бы не одно досадное «но»: в это самое время советские люди в массе своей и не слышали ни о каком натуральном кофе (что подтверждает и сам Н.А.Антипенко). Более того – из-за крайне недостаточного питания в военные годы по всей стране и в Свердловской области умирали и дети, и взрослые (умирали, впрочем, и после окончания войны). Но голодными смертями дело не ограничилось: в области происходили случаи каннибализма. Впервые об этом рассказал уральский историк В.П.Мотревич, изучавший рассекреченные материалы (спецсообщения) архива УФСБ по Свердловской области.

В своей работе он обоснованно утверждает, что «голод и массовая дистрофия приводили к тому, что на Среднем Урале нередкими были случаи убийства детей и самоубийства... Спецсообщения содержат сведения о случаях каннибализма и трупоедства в эти годы. Вызванные голодом и выявленные орга-

³⁶ См.: *Мамяченков В.Н.* Роковые годы... С. 170–171.

нами НКВД факты людоедства местными властями всячески скрывались». Далее автор дословно приводит несколько таких спецсообщений, датированных 1943 и 1944 годами (напомним, что это были самые тяжелые годы войны в смысле обеспечения продовольствием).

Одно из них – о голоде в Асбесте. Весной 1944 года начальник Асбестовского РО НКГБ доносил руководству области, что «в течение первого квартала с. г. среди населения города Асбеста значительно повысилась заболеваемость и смертность на почве дистрофии: так, за IV квартал 1943 года было зарегистрировано 34 случая смертности от дистрофии. А за I квартал с. г. 137 случаев смертности. Из них детей до 14 лет – 19 человек. На 1 /IV с. г. по учету Горздравотдела числится больных дистрофией по г. Асбесту 673 человека, из них с освобождением от работы 325 человек. На это же число числится больных дистрофией детей и подростков до 14 лет 181 человек и 751 человек с упадком сил, т. е. состояние, близкое к дистрофии. Основной причиной смертности и заболевания населения дистрофией является отсутствие в достаточном количестве продуктов питания и главным образом овощей. В рабочих столовых совершенно отсутствует картофель, а также нет его и в индивидуальном употреблении».

Три других спецсообщения касаются конкретных и кошмарных фактов каннибализма, зарегистрированных в селе Черноусово Белоярского района, рабочем поселке Верхняя Пышма и в одном из лагерей Востокураллага. Так, в селе Черноусово одна супружеская пара выкапывала на местном кладбище недавно захороненные трупы, срезала с них мягкие ткани и готовила из них... холодец. Этот «продукт» они использовали в пищу сами (кстати, кормили им собственного 6-летнего сына), а остаток продавали на рынке. Во втором случае молодая мать, имевшая на иждивении троих детей, обманом заманила к себе домой 11-летнюю девочку, убила ее и расчленила на части. Затем использовала труп для питания детей и продажи под видом мясо- и салопродуктов... Потряса-

---

³⁷ Антипенко Н. А. На главном направлении. М., 1967. С. 283–284.

ет одна из фраз спецсообщения, в которой говорится, что женщина-убийца внешне «производит впечатление вполне вменяемого человека»³⁸.

В последнее время сталинский режим нередко приравнивают к нацистскому. Это, на наш взгляд, вполне правомерно, но с одной оговоркой: гитлеровский режим в Германии был гораздо более экономически эффективным и смог обеспечить населению достаточный для своего времени уровень жизни. Сталинский же режим плодил нищету. В недавно опубликованной повести известного российского писателя В.О.Богомолова приводятся высказывания советских солдат, с боями вошедших на территорию Германии и буквально ошеломленных в 1945 году уровнем жизни немецкого народа:

– красноармеец Гусейнов: «Если бы собрать все барахло из десяти немецких квартир, то можно одеть чуть ли не все население Баку»;

– сержант Петряков: «Обстановка в каждой немецкой квартире такова, что у нас в Рыбинске на весь город не найдется и одной такой»;

– красноармеец Сотковский: «В Германии колхозов нет, а народ живет богато и чисто, а у наших колхозников ничего нет, и живут они в грязи и голоде»;

– красноармеец Чурсин: «В деревне у каждого немца есть 3–5 коров, несколько свиней, пара коней, птицы без счета, машина и даже трактор. Полно барахла и всякая музыка – патефоны, радиоприемники. Вот это житуха!»

– неизвестный красноармеец: «В наших двадцати колхозах не будет того, что есть у одного немца»³⁹.

Надо сказать, что последнее высказывание безымянного красноармейца было недалеко от истины: состояние сельского хозяйства, призванного обеспечить население продуктами питания, к концу войны стало просто катастрофическим. Например, по итогам 1945 года средний удой на одну фуражную корову в Свердловской области составил всего лишь 869 литров, урожайность большинства культур была удручающе низкой, кормов катастрофически не

³⁸ Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 5. Екатеринбург, 2005. С. 414–422.

³⁹ *Богомолов В.О.* Жизнь моя, иль ты приснилась мне? // Наш современник. 2005. №11. С. 27.

хватало⁴⁰. На последнем обстоятельстве следует остановиться особо, так как оно, с одной стороны, отражало низкую продуктивность растениеводства, а с другой – предопределяло низкие же показатели животноводства. Хроническая нехватка кормов означала полуголодное существование скота со всеми вытекающими отсюда последствиями.

А последствия эти состояли в том, что первая «послепобедная» зима 1945/46 года (как, впрочем, и все предыдущие военные зимы) оказалась для большинства хозяйств области безрадостной. Например, в Полевском районе при выпуске на пастбище скот имел упитанность «ниже средней»: по КРС – 65 %, по овцам – 75 %, а по свиньям – даже 83 %, в Невьянском районе эта цифра по всем видам скота составляла в среднем 65 %, а в Сысертском «среднюю упитанность» имели только жеребье кобылы, и т.д. и т.п. В среднем по области основная тягловая сила – лошади – имела упитанность «ниже средней» 35 % всего поголовья⁴¹.

Да что там упитанность – скот просто падал от недоедания! Одной из комиссий вздумалось проверить условия содержания овец в одном из колхозов Махневского района. В составленном ею акте отмечалось, что «на день обследования 25 декабря 1945 года овцепоголовье стояло без корма с ночи до 7 часов вечера. Со слов овцевода, такие случаи бывают нередко». Не лучше содержались и коровы, например, в колхозе «Безбожник» Зайковского района: 16 из них пришлось забить из-за того, что животные уже даже не могли встать с земли. При этом они были так истощены, что «мясо использовали только от 4 голов, так как от 12 голов **мясо оказалось непригодным**» (выделено нами. – *В.М.*). В другом районе – Сысертском – свиней кормили только одной мороженой картошкой. Что же касается лошадей, то в области только за 1945 год их пало 7 400, а еще 3 900 были забиты⁴².

Самое удивительное после сказанного нами состоит в том, что по итогам 1945 года колхозы области выполнили план развития общественного животно-

⁴⁰ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.242. Л.93.

⁴¹ Там же. Л.15, 20, 25, 139.

⁴² Там же. Л.25, 101, 139, 188.

водства и досрочно выполнили обязательства по сдаче всех видов животноводческой продукции, за что области было вручено переходящее Красное Знамя Совнаркома СССР и первая денежная премия с формулировкой: «За подъем колхозного животноводства» (!). Планы каким-то образом выполнялись и перевыполнялись и в дальнейшем: например, в 1947 году область уже 18 октября рапортовала о выполнении планов по хлебозаготовкам и по продукции животноводства – по мясу, молоку и шерсти⁴³. С другой стороны, возникает естественный вопрос: а как тогда обстояли дела в других регионах страны? Неужели там было еще хуже?

На уровне продовольственного находилось и обеспечение населения непродовольственными промтоварами: зачастую люди нуждались в самом необходимом. Например, дети ходили в школу «кто с драным портфелем, кто с холщовой нищенской сумкой, или просто так: книжка с тетрадями втиснута за пояс. Время военное – взять негде»⁴⁴. В этой связи известный свердловский историк Г.А.Кулагина вспоминала: «За войну все пообносились – ни одежды, ни обуви приличной нет»⁴⁵. Чтобы у читателя сложилось впечатление об уровне обеспечения населения товарами первой необходимости, сошлемся на прил. 5, где приведены подобные сведения о колхозном крестьянстве. Подчеркнем, что в отличие от обеспечения продовольствием, в приобретении промтоваров крестьянство значительно уступало всем другим категориям населения.

И, наконец, несколько слов о жилищных условиях населения в годы войны. Мы уже говорили о громадном наплыве эвакуантов и беженцев на Урал в 1941–1942 годах. Естественно, все это до предела обострило жилищную проблему. Надо сказать, что всего за 1941–1945 годы в области было построено 980 тысяч кв. м жилья⁴⁶. Но в основном это были либо наспех построенные бараки, либо так называемые «строения каркасно-барачного типа», годные только для минимального обустройства вновь прибывших граждан. Поэтому условия проживания населения были тяжелыми. Так, жительница Свердловска тех лет,

⁴³ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.242. Л.49–50. Оп. 43. Д.222. Л.11.

⁴⁴ Никонов Н.Г. Указ. соч. С. 181.

⁴⁵ Кулагина Г.А. Указ. соч. С. 43.

вспоминала, что она и ее родственники «жили в старой засыпанной времянке, под полом вода, топить печь нечем... Света не было, жгли коптилку, собирались утром на работу почти впотьмах»⁴⁷.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что материальные интересы населения области в годы Великой Отечественной войны было фактически принесены в жертву ради достижения одной цели: любой ценой обеспечить промышленность и действующую армию всем необходимым. В результате условия жизни людей стали практически невыносимыми.

---

⁴⁶ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 41. Д.138. Л.16.

⁴⁷ Мы приближали Победу. С. 485.

Глава III. Послевоенный уровень доходов населения: критический минимум

3.1. Основные мероприятия социально-экономической политики Советского государства в первые послевоенные годы

Окончание войны, вопреки ожиданиям населения, не принесло с собой резкого повышения уровня доходов и потребления. Тем не менее, 1946 год начинался в Свердловской области многообещающе: в апреле на совещании торговых работников первый секретарь обкома партии В.И.Недосекин сообщил, что в новой, только что начавшейся, пятилетке расходы «на материальные и культурные нужды» возрастут в 2,6 раза, а самое главное – уже осенью будут отменены карточки на хлеб, муку, крупу и макаронные изделия¹.

Конечно, областной партийный руководитель выдавал желаемое за действительное: никаких предпосылок для реализации обещанного им не существовало. Если же говорить объективно, то на уровень доходов населения (а соответственно и на уровень расходов и потребления) всегда прямо влияют три фактора: общее состояние экономики страны, социально-экономическая политика государства и (иногда и только временно) – форс-мажорные обстоятельства (прежде всего – стихийные бедствия в виде засухи, наводнений, эпидемий и т.д.). Общее состояние экономики страны на момент окончания Второй мировой войны мы вкратце обрисовали выше, а о форс-мажорных факторах будет сказано ниже. Что же касается социально-экономической политики, то первые послевоенные годы были заметно насыщены мероприятиями социально-экономического характера, так или иначе повлиявшими на уровень доходов, расходов и потребления населения. Основными из них были:

- урегулирование пайковых и коммерческих цен (сентябрь 1946 года);
- конфискационная денежная реформа (декабрь 1947 года);

---

¹ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.135. Л.21, 39.

- реформа оптовых цен (1949 год);
- регулярные размещения государственных займов;
- периодические снижения розничных цен;
- непроизводительные бюджетные расходы;
- налоговая политика государства.

Рассмотрим все эти мероприятия в хронологическом порядке.

Урегулирование пайковых и коммерческих цен (1946). Здесь надо начать с того, что (вопреки распространенному мнению) в послевоенные годы цены не только снижали, но и повышали. Самый известный такой случай – это повышение пайковых цен на продовольственные товары решением Совета Министров СССР с 16 сентября 1946 года². Официальное объяснение властей гласило, что это мероприятие будет способствовать сближению высоких коммерческих цен и низких пайковых с тем, чтобы к моменту отмены карточной системы упразднить коммерческие цены и объявить пайковые цены едиными государственными ценами.

Действительно, послевоенная множественность цен – коммерческих, льготно-коммерческих и пайковых – поощряла спекуляцию и не способствовала стабилизации экономики. В то же время снижение коммерческих цен ощущалось населением в гораздо меньшей степени, чем повышение пайковых – ведь почти все население страны жило от зарплаты до зарплаты. В результате «урегулирования» пайковые цены были повышены почти в три раза, а коммерческие – снижены на 20–30 %. Это напрямую било по городскому населению, и прежде всего – по малооплачиваемым гражданам, которых было много (в 1946 году 43 % работающих в стране зарабатывали менее 300 руб. в месяц, а 35 % – от 300 до 600 руб.³).

Правда, чтобы смягчить удар по низкооплачиваемым категориям населения, было решено несколько повысить пособия и стипендии, а также зарплату тем рабочим и служащим, у кого она была меньше 900 рублей в месяц. Таких было немало: только на не самом крупном в Нижнем Тагиле

² Правда. 1946. 16 сентября.

³ Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны... С. 95.

заводе № 63 (он выпускал разнообразную продукцию, в том числе снаряды и двигатели) зарплату до 300 рублей в месяц получали 764 человека, а до 500 рублей – 921 человек⁴. На прямые вопросы граждан, например: «А как быть с многосемейными, у которых отцы погибли на фронте?», обычно следовал уклончивый ответ: «Нужно руководителям... пересмотреть расстановку этих людей, так чтобы они смогли обеспечить заработной платой прожиточный минимум»⁵.

Но самым неприятным моментом в Постановлении было то, что ряду категорий населения – старикам, детям, иждивенцам, жителям сельской местности – выдача продуктовых карточек вообще прекращалась (в Постановлении это было названо «снижением расхода хлеба по пайковому снабжению»).

Архивные документы донесли до нас большой пласт информации о настроениях населения Свердловской области в тот период и его реакции на это событие. Так, Зайковский РК ВКП(б) сообщал, что «постановление... рабочими и служащими района встречено основной массой хорошо», но «имеются факты, когда рабочие и служащие в личных разговорах выражают свое недовольство трудным положением в связи с сокращением расхода хлеба по пайковому снабжению». Далее в информации райкома приводился ряд таких высказываний⁶:

– учительница Кочевской начальной школы Якимова: «У меня муж погиб на войне, защищая Родину, от него осталось двое детей, их надо воспитывать, но карточек на них не дали. На 500 грамм хлеба, который я получаю, прожить невозможно троим, я не знаю, как дотянем до нового урожая, а и там еще ничего не известно, может быть опять будет такое же положение, так что нам не придется никогда жить хорошо, всегда будем полуголодные»;

⁴ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.171. Л.134.

⁵ Там же. Л.72.

⁶ Там же. Л.87–89.

– шофер из поселка Красногвардейский Минеев: «Сейчас в связи с подорожанием продуктов ежедневно в столовой нужно расходовать 15–20 рублей, а зарабатываем по 5–8 рублей, конечно, так долго продолжаться не будет, рабочие все равно потребуют улучшения. Вот поглядите при таком положении все еще будет»;

– счетовод Зайковской МТС Вандышева: «Сейчас очень трудно будет жить с детьми, придется ежедневно покупать с рынка по буханке хлеба и платить по 50–100 рублей, да еще у нас купить негде, придется ходить и просить, а коли не покупать, то ребятишки помрут с голоду»;

– кузнец той же МТС Максимов: «Мне карточку не дали, стало быть Советская власть считает, что стариков можно сейчас не кормить, пожилы свой век и хватит»;

– агроном РайЗО Мурзин: «Сейчас на иждивенцев и детей хлеба не дают и не на что будет жить, очень трудно придется народу».

В Невьянске лишились хлебных карточек 37 домохозяек. Одна из них, мать-героиня Шарапова, задала представителю власти прямой вопрос: «Как же так... я мать-героиня, мне орден дали, а хлебную карточку не дают?»⁷ Там же, в Невьянске, на лишение хлебных карточек неработающих жен невянянские рабочие отреагировали так:

– рабочий цеха № 3 завода № 68 Жданов: «Жена на седьмом месяце беременности, на работу никто не возьмет, а ее лишили хлебной карточки и дополнительного питания»;

– рабочий-лекальщик цеха № 11 того же завода Коновалов: «Это несправедливо, жена, как помощник мужа в хозяйстве, лишается хлебной карточки».

Жители областного центра – Свердловска – также в частных разговорах выражали свое недоумение и недовольство:

⁷ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.171. Л.136–137.

– начальник отдела организации труда завода № 28 Васильев: «Как сейчас жить? Хлеб сбавили, зарплаты не хватает. Сейчас не сможем купить коммерческого хлеба. Хорошо жить будет только начальство»;

– токарь завода № 217 Жуков: «Государство не имеет хлеба, потому что сельское хозяйство объединено в колхозы. В старое время, когда не было колхозов, Россия хлеба имела много и кормила другие государства»;

– рабочий трамвайного парка Катарин: «Жить стало лучше, жить стало веселее. Свой народ голодает, а за границу кормим. Вот до чего доводили»⁸;

– медсестра 3-й детской инфекционной больницы Пьянкова: «Докатились, что дальше некуда, ребят кормить нечем, у немцев и то лучше было»;

– комендант общежития завода № 20 Добрынина: «Паразиты, последние 100 грамм забирают у людей»⁹.

В целом Постановление от 16 сентября имело в нашей области целый ряд последствий:

1. Часть семей рабочих и служащих, проживающих в сельской местности, подались в колхозы, где легче было выжить. Только в Зайковском районе в первый же месяц после выхода в свет вышеупомянутого постановления так поступили 39 семей. Еще более масштабный случай произошел на Уральском артиллерийском полигоне под Нижним Тагилом (в те годы – территория Висимского района), где сразу 70 человек подали заявления об увольнении. Аналогичный случай произошел в совхозе № 1 подсобного хозяйства Новотагильского металлургического завода, где такие заявления подали 60 человек¹⁰.

2. Цены на колхозных рынках в целом несколько снизились (табл. 1). Похожая картина была и в ряде других районов области. Так, на рынке Бисерти цены на мясо несколько снизились (примерно на 10 рублей), а на масло – повысились, и довольно сильно (со 100–120 до 150–160 рублей). Но

⁸ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.169. Л.9–10.

⁹ Там же. Д.171. Л.39.

¹⁰ Там же. Д.169. Л.12. Д.171. Л.89.

так было не везде. Например, в промышленно более развитом Первоуральске цены традиционно были выше, чем в Камышлове и Бисерти. Такими они остались, по сообщению Первоуральского ГК ВКП(б), и после упомянутого постановления (в рублях за кг):

- молоко – 12–16 (литр);
- мясо скотское – 30–60;
- картофель – 3–4;
- масло сливочное – 150–180¹¹.

Таблица 1

**Цены на продукты питания на колхозном рынке г. Камышлова
в сентябре 1946 года, руб./кг**

Наименование продуктов	Цены:		Снижение (–), повышение (+) цен, %
	15.09.46	25. 09.46	
Морковь	6	3	– 50
Капуста	3	2	– 33
Картофель	2	2	0
Свекла	6	6	0
Телятина	50	35	– 30
Свинина	55	50	– 9
Баранина	40	40	0
Молоко	12	10	– 17
Сливки	35	35	0
Творог	10	10	0
Масло топленое	150	160	+ 7
Яйца, дес.	40	35	– 12

Источник: ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.171. Л.100 (расчеты автора).

Примерно такая же картина наблюдалась и в областном центре: на хлеб и крупу они вообще не изменились, на масло снизились до 12 %, на картофель – до 25 %, на мясо – в среднем на 36 %¹².

3. Цены в столовых предприятий и организаций повысились. В информации Первоуральского ГК ВКП(б) это увеличение названо «незначительным». Но из приведенных в этой же информации данных видно, что рост цен в столовых был очень даже чувствительным: например, стоимость мясного гуляша возросла с 2 рублей 10 копеек до 4 рублей 30 копеек, каши ячневой – с 30 до 80 копеек, горошницы – с 35 до 70 копеек, и

¹¹ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.171. Л.101 (расчеты автора).

¹² Там же. Л.36 (расчеты автора).

даже стакан чая с сахаром вместо 15 стал стоить 25 копеек. Таким образом, в Первоуральске в рабочей столовой № 2 треста «Трубстрой» цены на блюда повысились в среднем на 57 %, а в столовых № 3 и № 30 Новотрубного завода – соответственно даже на 62 % и 74 %¹³.

В другом промышленном городе области – Нижнем Тагиле – картина была примерно та же. Так, на Нижнетагильском металлургическом комбинате в столовой для вспомогательных рабочих стоимость завтрака и обеда из пяти блюд возросла с 3 рублей 50 копеек до 4 рублей 60 копеек, то есть на 31 %. А в столовой для основных рабочих стоимость завтрака и обеда из **шести** блюд составляла 5 рублей 85 копеек, а после повышения цен завтрак и обед стоили 7 рублей 85 копеек (на 34 % дороже), но уже из **пяти** блюд¹⁴.

Особенно резко выросла стоимость обедов в диетических столовых. Например, в диетстоловых Уралмашзавода стоимость обеда из трех блюд возросла с 2,80 до 6,40 рублей¹⁵. Вследствие этого в столовых предприятий и организаций в разы сократилось число столоующихся. Например, на Свердловском заводе № 721 до 1 октября 1946 года ежедневно питались 200–250 человек, а позднее – 80–90. На заводе им. Калинина эти цифры составили соответственно 2 500 и 400 человек, а на крохотном механическом заводе МПС – 60–70 и 10 человек. Наконец, в столовых треста «Свердпромстрой» число ежедневно обедающих в октябре 1946 года снизилось почти в три раза. Причем дело было не только в возросших ценах – еще сильнее ударила по гражданам отмена хлебных карточек для иждивенцев. Работница одного из предприятий Пшеницына так сказала об этом: «...вот я, например, прикрепилась к столовой, что будут есть дети?»¹⁶

4. Резко повысился спрос на ряд товаров. Например, в магазинах Нижнего Тагила после снижения цен продажа сахара, спичек и хлебобулочных изделий уже 16 сентября увеличилась в 4 раза, кондитерских

¹³ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.171. Л.146 (расчеты автора).

¹⁴ Там же. Л.132.

¹⁵ Там же. Л.21.

¹⁶ Там же. Л.39–40. Д.220. Л.14.

изделий и макарон – в 5 раз, колбасы – в 15 раз¹⁷. При этом резко возрос объем реализации продовольственных товаров в магазинах так называемого Особторга, торгующих по повышенным ценам. Так, в магазинах Свердловска, Нижнего Тагила, Карпинска объемы продаж сахара возросли в 10, макарон – в 8, круп – в 6, мыла хозяйственного – в 3, хлебобулочных изделий – в 1,5 раза¹⁸.

5. В Свердловской области состоялись акции протеста. Конечно, говорить о каком-то активном сопротивлении экономической политике властей со стороны населения не приходилось. Тем не менее, отдельные случаи проявления недовольства имели место даже в рамках жесткой тоталитарной системы. Самым, пожалуй, масштабным таким событием явился невыход на работу 2 и 3 октября 1946 года около 300 рабочих Быньговского совхоза медеплавильного завода. Они не вышли на работу из-за того, что им не выдали карточек на хлеб. Только на третий день, 4 октября, когда им за счет совхоза была выдана мука, они приступили к работе. В связи с этим инцидентом Кировградский ГК ВКП(б) сообщал в обком партии, что «вопрос о дальнейшем снабжении трудящихся этого совхоза хлебом не решен, руководством Медьпродснаба послана телеграмма министру торговли». Кроме того, как косноязычно говорилось в сообщении, «снижением норм на хлеб, особенно детям, имеют место недовольства большого количества трудящихся»¹⁹.

Интересно, что Свердловский обком партии, информируя ЦК ВКП(б) о том, что в области «имеют место случаи невыходов на работу рабочих предприятий местной промышленности и членов промартелей», о происшествии в Быньговском умолчал. Хотя при этом в информации сообщалось о некоторых случаях невыхода на работу. Так, сообщалось, что в селе Сарапулка Березовского района 3 октября не вышли на работу 46 человек артели «Коммунар», 36 человек артели «Боевик», 49 рабочих

¹⁷ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.171. Л.132.

¹⁸ Там же. Л.34–35.

¹⁹ Там же. Д.171. Л.118.

Косулинского совхоза, 43 рабочих Химлесхоза и 21 работник райпотребсоюза, то есть всего 195 человек. В этом же селе в тот же день не пошли в школу 152 школьника.

В Буткинском районе (родина первого Президента России Б.Н.Ельцина. – *В.М.*) 3 октября не вышли на работу 10 работников промкомбината. Там же 1 октября не посетили школу 60, а 2 и 3 октября – 80 детей рабочих, служащих, инвалидов войны и погибших воинов²⁰.

6. На предприятиях и организациях произошел некоторый прилив рабочей силы, прежде всего за счет бывших иждивенцев²¹.

Но Постановлением от 16 сентября дело не ограничилось: буквально следом вышло Постановление Совмина СССР от 27 сентября 1946 года «Об экономии в расходовании хлеба», которым фонд расходования муки по сельской местности снижался на 70 %. По Свердловской же области (непонятно, за какие ее грехи) эта цифра составила целых 89 % (то есть из 363 000 человек, проживающих в сельской местности и получающих карточки, с октября осталось только 40 000). При этом наблюдались совершенно абсурдные случаи: например, сельские жители Ачитского района, перевыполнившего (!) государственный план хлебозаготовок, вместо 12 000 хлебных карточек стали получать только 1 350. В целом же по области количество граждан, получающих карточки на хлеб, только с сентября по декабрь 1946 года сократилось с 2 237,6 тысячи до 1 815,5 тысячи человек, в том числе в Свердловске – с 483,7 до 456,7 тысячи²².

Жестокость и непродуманность постановления проявлялись хотя бы в том, что карточек лишились проживавшие в сельской местности, но зачастую не имевшие даже огородов учителя, медицинские работники, персонал школ и больниц, работники связи, партийно-советских органов и другие. Например, секретарь Карпинского ГК ВКП(б) Лопатин с тревогой сообщал в обком партии, что в таком положении оказалось 90 человек, проживающих

²⁰ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.169. Л.11–12.

²¹ Там же. Д.171. Л.40.

²² Там же. Л.65–66. Д.224. Л.52.

на лесоучастках Угольного мехлесопункта, из которых 16 учителей и 25 врачей и фельдшеров²³.

В труднейшем положении оказались не только сельские труженики, но и районная «элита» – семьи так называемого партийно-хозяйственного актива. По этому поводу Свердловский обком партии сообщал в ее ЦК:

«В безвыходном положении оказались районные руководящие партийно-советские работники сельской местности, в особенности многосемейные, так как хлебные карточки выданы только на главу семьи.

Например, директор Первухинской МТС Талицкого района тов. Патрушев, имеющий 9 человек членов семьи, получил 1 карточку на 500 граммов хлеба. В таком же положении находится второй секретарь Покровского райкома ВКП(б) тов. Пронин, имеющий 6 человек членов семьи.

Тяжелое положение многосемейных ответственных партийных и советских работников еще более усугубляется тем, что запрещена продажа зерна, муки и хлеба»²⁴.

Если провести сравнение ситуации, сложившейся в результате Постановления от 16 сентября 1946 года на Среднем Урале и в других регионах страны, то нельзя не отметить их схожести. Например, повсеместно наиболее болезненно отреагировали на постановление малооплачиваемые слои населения. Так, вскоре после выхода в свет постановления, председатель ВЦСПС В.В.Кузнецов докладывал в ЦК партии, что «повышение цен на продукты, и в особенности на хлеб, вызвало больше всего беспокойство у многосемейных и низкооплачиваемых рабочих, причем особенно болезненно реагировали женщины, имеющие детей и потерявшие мужей на войне. На Воскресенском химкомбинате некоторые из таких низкооплачиваемых и многодетных женщин, узнав о новых ценах, поплакали, жалуясь, что им теперь на хлеб зарплаты не хватит... Крепильщица кузнечного цеха завода «Подъемник» (Москва) тов. Кирпичева

²³ ЦДОСО. Ф.4. Оп.41. Д.148. Л.68.

²⁴ Там же. Д.169. Л.14.

Евдокия Яковлевна, имеющая трех детей и получающая 500 руб. в месяц, узнав о повышении цен, заявила: «Мне остается только повеситься»²⁵.

Власти многих краев и областей страны с тревогой сообщали в Правительство, что народ недоволен, что самым характерным высказыванием становится такое: «Будем ходить в магазины только смотреть» (в целом по стране без карточек осталось почти 5 миллионов человек, из них почти 600 тысяч детей). При этом недовольство выражали даже отдельные представители партийных и советских органов, для которых стоимость литерных пайков выросла едва ли не вдвое.

Также повсеместно повысились цены на обеды в рабочих столовых. Например, в столовых Октябрьской железной дороги вермишелевый суп вместо 50 копеек стал стоить 1 рубль 5 копеек. В результате в столовую депо ст. Ховрино вместо 628 обедавших 16 сентября на следующий день пришло только 246²⁵.

В то же время источники указывают только на повышение цен на колхозных рынках страны²⁶, чего в Свердловской области не произошло, во всяком случае – осенью 1946 года. На наш взгляд, объяснить это можно уже сложившимся к тому времени относительно высоким уровнем рыночных цен в нашем регионе.

Таким образом, Постановление от 16 сентября 1946 года оказало противоречивое влияние на социально-экономическую жизнь как Свердловской области, так и страны в целом. При этом в очередной раз подтвердилась давно известная истина: в тяжелые периоды истории популярных решений не бывает. А непопулярность упомянутого документа была такой, что он не упомянут даже в столь известном справочном издании, как «Экономическая жизнь СССР»²⁷. Как будто данное постановление не носило экономического характера.

²⁵ Интернет-ресурс: <http://www.kommersant.ru>.

²⁶ Там же.

²⁷ Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917–1965. Под ред. С.Г.Струмилина. В 2-х книгах. Изд. 2-е, доп. М., 1967.

Конфискационная денежная реформа (1947)

Она явилась тяжелым ударом по денежным сбережениям и доходам населения. При этом, с одной стороны, абсолютное большинство граждан в результате этой реформы потеряло значительную часть своих сбережений, а с другой – их доходы в ближайшие годы были ограничены. Достаточно сказать, что уровень денежных доходов 1947 года, например, у колхозников был вновь достигнут только в 1953 году (прил. 18).

Основные положения реформы были декларированы в Постановлении Совмина СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» от 14 декабря 1947 года²⁸. Само это мероприятие готовилось тщательно и в глубокой тайне. Накануне его проведения, 11 декабря 1947 года, в местные органы МВД были разосланы запечатанные сургучной печатью пакеты, которые надо было вскрыть 14 декабря в 15 часов в присутствии руководителей милиции, финансовых органов и сберкасс. В этих пакетах и содержались условия обмена денег. А 14 декабря утром на местах была получена телеграмма из Министерства финансов СССР, которая предписывала с 14 часов прекратить все операции с деньгами и закрыть сберкассы. В полдень по Всесоюзному радио объявили об обмене денег, хотя детали обмена еще не сообщались.

Но мало кто знает, что за 10 дней до этого, то есть уже 4 декабря, секретари горкомов и райкомов ВКП(б) получили совершенно секретное указание из вышестоящих инстанций, в котором сообщалось о предстоящем заводе новых денежных знаков, а также о том, что председатели исполкомов городских и районных Советов лично отвечают за подготовку пунктов обмена денег и сохранность денежной наличности. Такое сообщение за номером 1009-СС нам удалось обнаружить в архиве²⁹. Получается, что партийные и советские руководители (до районных включительно) знали о предстоящем обмене как минимум за 10 дней до его начала.

Напомним читателю: суть реформы состояла в том, что производился обмен старых денежных знаков на новые в соотношении 10:1 **при**

²⁸ КПСС в резолюциях... Т.8. С. 157.

²⁹ ЦДООСО. Ф.4. Оп.43. Д.166. Л.110.

неизменном масштабе цен (выделено нами. – *В.М.*). Были лишь некоторые исключения: например, вклады в сберкассах в суммах до 3 000 рублей обменивались в соотношении 1:1, от 3 000 до 10 000 рублей – три старых рубля на два новых, а свыше 10 000 – два старых на один новый. Находящиеся на расчетных и текущих счетах денежные средства кооперативных предприятий и организаций, а также колхозов были переоценены из расчета 5 рублей старых денег за 4 рубля новых. Вместо снабжения по карточкам предполагалось ввести единые цены, которые были ниже цен в свободной или коммерческой торговле, но значительно выше существовавших до 14 декабря 1947 года государственных цен.

Эффект от реформы ощутили все граждане СССР, в том числе и привилегированная их часть. Так, известная советская разведчица, а впоследствии писательница З.И.Воскресенская вспоминала, что на декабрь 1947 года ее личные сбережения составляли «что-то около 70 000 рублей. Через несколько дней была объявлена денежная реформа и 70 тысяч превратились в 7 тысяч»³⁰. Погрели же руки на реформе те, кто деньги принимал и переоценивал, то есть работники финансовых органов. И, вероятно, не только на местах – в сберкассах и финотделах. Впрочем, власти предрержащие в большинстве своем так или иначе тоже уберегли свои накопления от обесценения.

Так, есть свидетельства, что жена сына И.В.Сталина Василия через его порученца незаконно обменяла гигантскую сумму – около 6 млн рублей – по курсу 1:1. (Напомним, что автомобиль «Москвич» стоил в то время 9 000, а автомобиль «Победа» – 16 000 рублей³¹.) А тот же Л.П.Берия не постеснялся накануне реформы поместить в сберегательную кассу довольно крупную сумму – 40 000 рублей³².

Властные фигуры поменьше прибегали к другим способам мошенничества с использованием административного ресурса. Так, в одной

³⁰ *Воскресенская З., Шарапов Э.* Тайна Зои Воскресенской. М., 1998. С. 375.

³¹ *Смыслов О.С.* Указ. соч. С. 189.

³² *Соколов Б.В.* Указ. соч. С. 386.

из милицейских сводок сообщалось: «Секретарь Глусского райкома ВКП(б) Демельштейн 14 декабря после вскрытия пакета особого назначения предложил заведующему райсберкассой Стельмашенкову открыть сберкассу и принять вклады деньгами старого образца от ответственных работников района. Стельмашенковым было принято от руководящих работников района и их родственников вкладов на 224 тысячи рублей»³³.

Прочие же граждане (прежде всего – москвичи и ленинградцы, раньше всех почувствовавшие неизбежность реформы) спасали свои сбережения самым простым способом – покупая на них все нужное и ненужное. В этой связи уже за две недели до принятия решения Политбюро ЦК ВКП(б), 30 ноября 1947 года, компетентные органы докладывали руководству страны о необычной ситуации в советской столице: «В последние дни в городе Москве распространились слухи, что в ближайшие дни будет произведен обмен существующих денег на новые денежные знаки из расчета 10–12 копеек за 1 рубль и что одновременно будут повышены цены на промышленные товары, отпускаемые по плановым ценам. В связи с этим в Москве имел место массовый наплыв покупателей в магазины, торгующие промтоварами. Особенно увеличился спрос на дорогостоящие товары в комиссионных магазинах... Так, комиссионный магазин № 134 Москушпромторга в обычное время продавал товаров на сумму 200–220 тысяч рублей в день, а 28 ноября в этом магазине продано товаров на 709,350 тысячи рублей.

В этом магазине продолжительное время имелись четыре картины, цены на которые были снижены до 20 тысяч рублей, однако и после этого в течение шести месяцев спроса на эти картины не было. 28 ноября все четыре картины были куплены... В мебельных магазинах №№ 115, 117 и 131 имелись гарнитуры мебели стоимостью 30, 50, 60 и 101 тысячи рублей. Гарнитуры стоимостью 30, 50 и 60 тысяч уже проданы, а на гарнитуру стоимостью в 101 тысячу рублей, который в течение трех-четырех лет не продавался, имеются четыре покупателя...»

³³ Факты. 2003. 3 марта; Интернет-ресурс: <http://duel.ru>.

Та же картина, по данным милиции, наблюдалась и в ЦУМе: «В центральном универмаге к середине дня 29 ноября были полностью скуплены и отсутствовали в продаже меха и меховые изделия. В ювелирно-часовой секции скуплены все часы и ювелирные изделия, в музыкальной – полностью скуплены пианино, а в секции «Спорт–охота» – охотничьи ружья, велосипеды и мотоциклы. В декоративной секции, где в обычные дни продавалось 2–3 ковра, 29 ноября было продано 60 ковров...оборот магазина, составляющий в обычные дни 4 миллиона рублей в день, 28 ноября составил 10,8 миллиона рублей, а на 16 часов 29 ноября – около 6 миллионов рублей».

К утру 30 ноября, как следовало из сообщения МВД, товарные ресурсы московских промтоварных магазинов были почти полностью исчерпаны и большинство из них закрылось «на ремонт и переучет товаров». Но зато резко повысился спрос в коммерческих магазинах на продтовары, пригодные для длительного хранения, как то: копченая колбаса, сыры, балыки, консервированные продукты, масло, конфеты, чай, сахар и прочее. Выход был найден властями быстро: во всех магазинах с утра 30 ноября эти продукты были изъяты из продажи³⁴.

Свердловская область не осталась в стороне от этих бурных событий, и у нас были свои «герои», пытавшиеся противоправными мерами спасти свои накопления. Арсенал методов при этом был тем же, что и по всей стране: заведующие сберкассами (нередко под давлением начальства) оформляли вклады как принятые до объявления реформы, торговые работники под видом выручки вносили свои личные деньги (что, правда с сегодняшней точки зрения, вряд ли тянет на криминал), а руководители предприятий либо санкционировали принятие кассами предприятий денег старого образца для погашения несуществующих задолженностей или же в качестве уплаты за товарно-материальные ценности, либо придумывали другие хитроумные комбинации.

³⁴ Факты от 3 марта 2003; Интернет-ресурсы: <http://duel.ru>

Так, директор фабрики № 3 треста «Союзасбест» (город Асбест) Н.С.Щербаков 15 декабря внес в сберкаассу 9 700 рублей, заявив при этом заведующему агентством сберкаассы: «Всю ответственность бери на себя, а потом рассчитаемся». Впоследствии он так объяснил прокурору свои действия: «Я, как директор, запретил отделению сберкаассы производить незаконные операции, а с другой стороны, как Щербаков, хотел сохранить деньги, лично принадлежащие мне»³⁵. Другой директор – завода № 214 в Свердловске, некто Суков, внес в кассу завода 13 922 рубля и на эту сумму взял принадлежащие заводу костюм, обувь, стол, диван, пианино и автомобиль. При этом разрешил и работникам завода внести деньги за находящиеся в их пользовании заводское имущество. Таким образом в кассу завода поступило 80 777 рублей³⁶.

Деяния товарищей Щербакова и Сукова повторили многие другие руководящие работники области, являвшиеся членами правящей партии. Именно о них в информационном сообщении Свердловского обкома ВКП(б) в ЦК партии говорилось: «Среди лиц, нарушивших постановление партии и правительства, имеются и коммунисты, которые свои личные интересы поставили выше интересов государства, которые с целью сохранения своих денег стали на путь преступления»³⁷. При этом большую часть преступлений, судя по всему, совершили работники областного центра, что и неудивительно: они располагали более точной информацией и имели для этого больше возможностей.

Среди них – первый секретарь Кагановичского райкома ВКП(б) Ковач, его заместитель (второй секретарь) Марков, заведующая отделом пропаганды и агитации того же райкома Дуванова, второй секретарь Чкаловского райкома ВКП(б) Новостроев. (Кстати, по неполным данным, только по 40 республикам, краям и областям страны в нарушении закона были уличены

³⁵ ЦДООСО. Ф.4. Оп.44. Д.240. Л.12.

³⁶ Там же. Л.13.

³⁷ Там же. Л.12.

145 только секретарей райкомов и горкомов партии³⁸.) Не отставали от них работники советских органов, среди которых преступили закон такие крупные фигуры, как председатель Свердловского горсовета Жихарев, председатели Кагановичского и Молотовского райисполкомов соответственно Зарицкий и Сурганов, секретарь Кагановичского райисполкома Кадилова. Из хозяйственных руководителей областного центра поучаствовали в махинациях, например, начальник свердловского вокзала Савостин, а также целая когорта финансистов: управляющий областной конторой Госбанка Копылов, заведующие Кагановичским и Молотовским райфинотделами соответственно Зонов и Серкова, заведующий финансовым отделом Свердловской железной дороги Друзь.

В свете этого неудивительно, что среди преступников оказались и руководящие, и рядовые работники местных правоохранительных органов: начальник городского отдела милиции Зиновьев, начальники Чкаловского и Сталинского райотделов милиции – соответственно Гаитов и Плетнев, начальник паспортного стола Чкаловского района Терехина, следователь из того же райотдела Несмелов.

Немало относительно высокопоставленных нарушителей закона нашлось и в области. Там на путь незаконных махинаций встали: работник Каменского райкома партии Крылов, секретарь партийной организации Сухоложского цементного завода Тараканов, его коллега по должности в УВСР № 285 из Ирбита Гудымов, заведующий коммунальным отделом исполкома Сажинского районного совета Коротких, главный бухгалтер центральной сберкассы того же района Андриюков, прокурор Висимского района Фофанов, оба руководителя силовых структур Красноуральска – МВД и МГБ – соответственно Лыжин и Комлев, управляющий Красноуральским отделением Госбанка Шабунин, директора двух

---

³⁸ *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны... С. 97.

асбестовских предприятий – Леонтьев и Лисин, заведующая верхнепышминской городской сберкассой Зыкова и другие начальники.

О рядовых работниках системы гострудсберкасс мы не говорим – они нередко были просто вынуждены под угрозой больших неприятностей исполнять преступные приказы своих начальников. Кстати, только на 20 января 1948 года в Свердловской области было выявлено различных незаконных небанковских операций, связанных с прошедшей реформой, на сумму 1 миллион 400 тысяч рублей, а незаконно открытых вкладов – на сумму 1 195 302 рубля³⁹.

Естественно, принимались карательные меры: кого-то отдали под суд, кого-то уволили с работы и исключили из партии, а кто-то отделался выговором и искренним раскаянием в содеянном. Только до февраля 1948 года в нашей области по «реформенным» делам к уголовной ответственности было привлечено 105 человек, в том числе кандидатов и членов ВКП(б) – 25. Из них: хозяйственных руководителей – 8, финансовых работников – 6, работников торговли – 5, партийных работников – 2, советских – 2, профсоюзных – 1, прокурорско-судебных – 1⁴⁰.

Следует также добавить, что параллельно обмену денег была проведена конверсия (объединение) всех ранее выпущенных государственных займов в единый 2%-й заем 1948 года по регрессивному соотношению 3:1, то есть облигации старых займов также обесценивались. Между тем только в 1946 и 1947 годах, в условиях послевоенной разрухи, среди населения были размещены два государственных денежных займа на общую сумму около 45 млрд рублей.

Проведя реформу, власти добились своей главной цели, сформулированной министром финансов А.Г.Зверевым в письме на имя И.Сталина: «В результате денежной реформы общая сумма государственных обязательств сократится примерно на 70 млрд рублей»⁴¹. В итоге

³⁹ ЦДООСО. Ф.4. Оп.44. Д.240. Л.12.

⁴⁰ Там же. Л.15.

⁴¹ Хрестоматия по отечественной истории... С. 15.

платежеспособный спрос населения был ограничен в течение следующих нескольких лет. Дискуссионным остался вопрос о необходимости отмены карточной системы уже через два с небольшим года после окончания Второй мировой войны. Например, та же Франция отменила у себя карточную систему в 1952-м, а Великобритания – только в 1954 году⁴².

Как всегда это происходило в подобных случаях, денежной реформе была «организована» поддержка населения. Так, Каменский ГК ВКП(б) сообщал в обком партии, что трудящиеся города встретили постановление «с огромным воодушевлением» и «единодушно» его одобряют. В сообщении приводились выдержки из выступлений упомянутых трудящихся. Так, литейщик металлообрабатывающего завода Никитин заявил: «В тот момент, когда в Америке надвигается кризис и безработица, когда в Англии и Франции ухудшается жизнь трудящихся, наша страна идет по пути экономического и политического подъема». Ему вторил рабочий Синарского трубного завода Демжеров: «Спасибо товарищу Сталину за его заботу о нас, о трудящихся». В том же духе выступали и другие назначенные для этого трудящиеся – рабочие Уральского алюминиевого завода Столетов и Печенкин. Первый обязался в честь столь радостного мероприятия выполнять все свои задания на 150 %, второй же призвал «ответить на заботу партии и правительства новыми производственными успехами и перевыполнением взятых на себя обязательств».

В информации горкома педантично отмечено, что уже на 14 часов 15 декабря в городе проведено 15 митингов и 27 собраний трудящихся, на которых выступило 98 человек, а всего присутствовало более 11 000 человек⁴³.

Но ожидаемого изобилия товаров после проведения реформы так и не наступило (за исключением Москвы и некоторых других крупнейших городов страны). Уже на следующий день, 16 декабря, когда население

⁴² Интернет-ресурс: <http://newsria.narod.ru>; Полная хронология XX века. М., 1999. С. 321.

⁴³ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.171. Л.108–109.

Свердловской области поспешило в магазины, то оно почти ничего там не увидело. В информациях партийных органов отмечалось:

«...во многих магазинах отсутствует необходимый ассортимент продуктов»;

«...в магазинах большинства городов и районов области нет в продаже мыла и спичек»;

«...в магазинах Дзержинского района г. Нижнего Тагила нет в продаже сахара»;

«...магазины ОРСа Красноуфимского отделения Казанской железной дороги не имеют в продаже крупы, мяса, сахара, жиров»;

«...в магазинах Каменского района имеется в продаже только хлеб. Такое же положение в магазинах Белоярского района»;

«...в магазинах сельскохозяйственных районов мало промтоваров, особенно хлопчатобумажных тканей и обуви»;

«...в торговую сеть поступает мало белого хлеба и хлебобулочных изделий; в магазинах, торгующих ими, образуются большие очереди» (кстати, они были немалыми – до 100 и даже до 200 человек. – В.М.).

Реформа оптовых цен (1949)

Ценовая политика сталинского государства носила исключительно волюнтаристский, манипулятивный характер. Вот что пишет об этом Н.С.Симонов: «28 июля 1948 года СМ СССР принял Постановление «О ликвидации системы государственных дотаций и повышении оптовых цен на продукцию ряда отраслей тяжелой промышленности и тарифов на железнодорожном транспорте». Новые оптовые цены вводились с 1 января 1949 года, что позволило ликвидировать систему государственных дотаций в основном в 1949 году и полностью в 1950 году. В целом оптовые цены в промышленности **повысились в среднем более чем в 1,5 раза и обеспечили рентабельность почти всех ее отраслей** (выделено нами. – В.М.) кроме угольной и лесной промышленности. ... В результате пересмотра оптовых цен валовая продукция промышленности СССР в 1949 году определялась

Госпланом СССР в размере 622 млрд руб., без учета налога с оборота, и 930 млрд руб. с учетом налога с оборота... Таким образом, систематически недовыполнявшийся план капитальных вложений в оборонную промышленность в 1946–1950 гг. оказался при новой системе цен значительно перевыполненным, за исключением работ по вводу в действие предприятий по производству реактивного и ракетного вооружения»⁴⁴.

Этот пример хорошо иллюстрирует своеобразную простоту управления финансами при командно-административной системе ведения хозяйства: стоило только повысить оптовые цены в промышленности – и сразу же стало рентабельным промышленное производство, резко возрос ВВП, стали выполняться планы и т.д. и т.п. К сказанному можно еще добавить, что данное мероприятие также повлияло и на доходы граждан, причем в положительную сторону (ведь за выполнение и перевыполнение плана в советское время полагалась премия).

Регулярные размещения государственных займов

Свою историю государственные займы в СССР ведут с мая 1922 года, когда был размещен первый так называемый «хлебный» заем в натуральной форме – на 10 млн пудов ржи (кстати, в следующем году был размещен сахарный заем на 1 млн пудов). А осенью того же года началось размещение займа в денежной форме – 6%-го выигрышного на сумму 100 млн рублей золотом⁴⁵.

По мере развития социалистической экономики государственные займы превратились в ее неотъемлемый атрибут. Только в 1922–1925 годах в стране было размещено 10 (по нашим подсчетам – даже 13) государственных займов⁴⁶. Всего же, по некоторым оценкам, в 1922–1957 годах в СССР было размещено 46 внутренних займов. При этом отличительной чертой советского государственного кредита был его «добровольно-

⁴⁴ *Симонов Н.С.* Указ. соч. С. 199–200.

⁴⁵ Большая Советская Энциклопедия. Изд. 1-е. М., 1930. Т. 18. С. 491–494.

⁴⁶ *Мотревич В.П.* Экономическая история России... С. 326.

принудительный» характер, при котором население фактически должно было ежегодно нести дополнительную денежную повинность.

Если же вернуться к истории советских государственных займов, то надо сказать, что в силу неэффективности советской экономики внутренний государственный долг СССР рос чрезвычайно высокими темпами: только с 01.10.1922 по 31.12.1932 года он увеличился с 2,5 млн до 9 904,7 млн рублей (и это без учета займа хозяйственного восстановления), то есть почти в 4 000 раз (!). В 1932 году государственные займы уже составили 14,6 % бюджета страны. В сущности государственные займы были для советского государства одним из двух инструментов изъятия излишков денежной массы у населения. Вторым таким инструментом были денежные реформы с явно или неявно выраженным конфискационным характером (например, реформы 1947 и 1961 годов).

В послевоенный период первым таким займом, размещенным в мае 1946 года, стал так называемый заем «Восстановления и развития народного хозяйства СССР». В Свердловской области к тому времени был накоплен большой опыт размещения займов, а поэтому в первый же день подписки, 3 мая, план размещения был уже выполнен на 87,8 %, а 8 мая – на 191,7 %⁴⁷. При этом тогдашние СМИ всячески пропагандировали поступки граждан, подписавшихся на заем в крупных (по сравнению с их доходами) суммах. Так, ректор Свердловского горного института Оглоблин подписался на 22 500 рублей, профессора УФАНа Деев и Карпачев – на 10 000 рублей, директор Среднеуральского механического завода Высоцкий и его главный инженер Василенко – на 7 000 рублей каждый, председатель колхоза «Новая жизнь» Каменского района Зуев – на 5 000 рублей. Но всем им, имеющим довольно высокие доходы, было далеко до безвестной колхозной ветеринарной фельдшерицы из Сухоложского района Бекетовой, которая при своем мизерном месячном заработке 350 рублей подписалась сразу на 5 000 рублей.

⁴⁷ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.168. Л.44–45.

Для убедительности и подтверждения мнимой «инициативы граждан» инициировались выступления «передовых» представителей трудовых коллективов. Советская печать конца 1940-х – начала 1953-го года пестрела патриотическими заявлениями таких «сознательных» граждан. Вот несколько подобных высказываний по поводу размещения очередного займа в 1953 году:

«Достижения народного хозяйства нашей страны дали возможность Правительству снизить общую сумму подписки до 15 млрд рублей. Снижение подписки с 3–4-недельного заработка в прошлом до двухнедельного в нынешнем году говорит также и о неуклонной заботе партии и Правительства об улучшении материального благополучия советских людей. Поэтому я с радостью отдаю займы государству свой двухнедельный заработок» (из выступления стахановки свердловской фабрики «Уралобувь» Романовой, 1953 год);

«Я от всей души приветствую выпуск нового займа и охотно даю государству свои сбережения» (Нестеров, бригадир полеводческой бригады колхоза им. Сталина Ачитского района, 1953 год);

«Мы ждали выпуска нового займа и принимаем сообщение Правительства о новом займе как заботу нашего Правительства об укреплении могущества нашей Родины, о сохранении мира во всем мире» (Манько, машинист паровозного депо станции Нижний Тагил, 1953 год)⁴⁸.

Кроме того, партийные органы организовывали и различные «трудовые» инициативы. Так, в том же 1953 году областная пресса сообщала: загрузчик отражательной печи Кировградского медеплавильного завода Ахгамутдинов заявил, что его комсомольско-молодежная бригада «встанет на трудовую вахту в честь выпуска займа». Машинист паровоза станции Синарская Каменского района Кравченко подписался на двухнедельный заработок и «в честь выпуска нового займа взял обязательство ко Дню железнодорожника провести 5 тяжеловесных поездов, сэкономить не менее 2

⁴⁸ ЦДООСО. Ф.4. Оп.52. Д.127. Л.43, 44, 48.

% топлива, повысить техническую скорость на 3,2 км». А сталевары Верх-Исетского завода Некипелов, Петухов и Шишков «отметили день выпуска займа скоростными плавками металла»⁴⁹.

Как известно, порочная практика размещения займов не недобровольной основе была прекращена только в 1957 году. К этому времени уже ясно обозначились физические пределы заимствования, и государству надо было искать выход из безнадежной долговой ситуации. Решение было найдено самое простое: все выплаты по займам предложили просто заморозить на длительный срок. При этом дело было представлено так, что все это осуществляется по инициативе самих трудящихся-займодержателей, в данном случае – трудящихся Горьковской области.

Периодические снижения розничных цен

На уровень расходов и потребления населения также оказали влияние проведенные в 1947–1954 годах снижения цен на продукты питания и промышленные товары (всего было произведено семь таких снижений). Ежегодные снижения цен сопровождались, как и размещение займов, пропагандистской кампанией. Как и во всей стране, местные областные газеты были переполнены высказываниями граждан, благодарящих партию, правительство и «лично товарища Сталина» за заботу о них.

С экономической точки зрения такое волюнтаристское снижение цен, никак не согласованное с рынком, напрямую ущемляло интересы производителей товаров. Например, снижение цен на продукты питания крайне болезненно затрагивало интересы крестьянства, так как следствием такого снижения было падение цен на продукцию их ЛПХ – мясо, молоко, масло, овощи. Именно это и произошло в декабре 1947 года, когда розничные цены на продовольственные и промышленные товары были снижены втрое по сравнению с 1940 годом⁵⁰.

При этом государство, забирая у колхозов продукцию за бесценок, тем самым создавало колхозникам непреодолимую конкуренцию, заставляя и их

⁴⁹ ЦДООСО. Ф.4. Оп.52. Д.127. Л.43, 49.

⁵⁰ *Толмачева Р.П.* Колхозы Урала в первые послевоенные годы... С. 180.

реализовывать произведенные ими в ЛПХ продукты по низким ценам. Неудивительно, что после очередного такого снижения цен в информации, отправленной в ЦК КПСС, сообщалось, что «существенных изменений цен на колхозных рынках не произошло, **подвоз сельскохозяйственных продуктов небольшой**» (выделено нами. – В.М.)⁵¹.

В силу вышесказанного отмена карточной системы и введение единых государственных розничных цен взамен существовавших коммерческих и пайковых цен не привела к улучшению материального положения основной массы населения. К тому же одновременно со снижением цен в декабре 1947 года были введены ограничения на разовые покупки. Так, Постановлением Совмина СССР № 3867, также от 14.12.1947 года, устанавливались следующие предельные нормы продажи продовольственных и промышленных товаров в одни руки: хлеба – 2 кг, макарон и круп – 1 кг, мясoproductов – 1 кг, колбас и копченостей – 0,5 кг, сметаны – 0,5 кг, молока – 1 л, масла растительного – 400 г, яиц – 5 штук, сахара – 0,5 кг, соли – 1 кг, хлопчатобумажных тканей – 6 м, ниток на катушках – одна катушка, чулок (носок) – две пары, обуви (кожаной, резиновой и т.д.) – по одной паре каждой, спичек – 2 коробка, мыла хозяйственного – 1 кусок, керосина – 2 л⁵².

Вообще все послевоенные снижения розничных цен говорили еще не о повышении уровня благосостояния, а только о приближении к довоенному его уровню. В целом же на восстановление уровня доходов ушло семь долгих послевоенных лет. Но чтобы доказать эту мысль и избежать при этом ошибок, необходимо учитывать в рассуждениях не только динамику товарных цен, но и динамику доходов населения, а также степень доступности товаров для граждан. Тем и была примечательна советская экономика: дешевизна товара вовсе не означала, что его можно было свободно купить. Типичная ошибка исследователей (в некоторой степени ее не избежал и автор этих строк) обычно состояла в том, что они

⁵¹ ЦДООСО. Ф.4. Оп.53. Д.112. Л.76.

⁵² *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 35; *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны... С. 98.

анализировали только первый из перечисленных нами факторов – динамику товарных цен.

Действительно, из прил. 9 и 10 следует, что даже в 1953 году почти все розничные цены на продукты питания и промышленные товары были выше, чем в 1940 году. Например, сахар был дороже почти в два раза, яйца – в полтора раза. Молоко, мясо, масло сливочное и растительное также стоили дороже. Демисезонное пальто, брюки, телогрейка ватная в указанном году стоили примерно вдвое дороже, чем перед войной, ботинки рабочие – более чем в полтора раза. Аналогичная ситуация была с мебелью и предметами хозяйственного обихода: простые стул и стол стоили почти вдвое дороже, еще больше подорожала посуда и т.д. Дешевле, чем в 1940 году, можно было купить: из продуктов – картофель, а из промтоваров – никелированную кровать и ручные часы отечественного производства.

Но, с другой стороны, и доходы граждан в 1953 году были совсем другими. Немаловажно и то, что в первые послевоенные годы денежные доходы вообще не росли (см. прил. 11–12, 14–15 и 18). Отсюда следует, что снижения цен в конце 1940-х – начале 1950-х годов должны были бы выступать важным фактором повышения материального уровня жизни населения. Мы употребили словосочетание «были бы» по причине наличия отмеченного нами третьего фактора – доступности товаров для населения. Влияние же этого фактора было крайне негативным – попросту говоря, населению был доступен лишь предельно узкий ассортимент товаров широкого потребления (Москва, Ленинград и столицы союзных республик не в счет по понятным причинам). Именно этот фактор и сводил на нет результаты снижения цен: общественное производство, вопреки заклинаниям партийных руководителей, не могло обеспечить потребностей населения.

Вот типичный пример. В 1951 году населению Свердловской области было продано товаров на 250 млн рублей больше, чем в предыдущем, 1950-м. При этом потребление мяса, как уверяли областные статистики, за год возросло на 44 %, колбасных изделий – на 28 %, сахара – на 24 %, жиров

животных – на 16 %, кондитерских изделий – на 15 %⁵³. Но и этого роста (даже при условии достоверности приведенных цифр) было крайне недостаточно. Именно об этом красноречиво говорят строки из архивного документа, датированного 1951 годом: «Несмотря на то, что в сравнении с IV кварталом 1950 г. увеличилась продажа продовольственных товаров в государственной торговой сети... спрос населения был неудовлетворен, т.к. поступление в это время сельскохозяйственных продуктов на колхозные рынки резко снизилось»⁵⁴. (Кстати, напомним, что регулярные снижения розничных цен отбивали у крестьян всякое желание торговать продуктами своего труда по бросовым ценам и практически никак не отражались на их материальном положении.)

Если же попытаться проанализировать уровень *реальных* доходов населения, то здесь для получения объективной картины нам представляется возможным прибегнуть к старому проверенному методу – «корзинному». Суть его состоит в сравнении количества основных продуктов питания, которые граждане могли приобрести на свои доходы в разные годы. Так, используя собранные в приложениях данные (прил. 11–12, 14–15 и 18), нетрудно построить соответствующие графики 1, 2 и 3. По этим графикам хорошо видно, как в те годы разнилась покупательная способность советского рубля в зависимости от вида продукта питания.

Например, по молоку и картофелю этот показатель уже в 1947 году явно превосходил показатель последнего предвоенного года. По другим же продуктам тенденция превышения уровня доходов 1940 года четко обозначилась только к 1950 году. Нетрудно также сделать вывод, что цены на молоко и картофель за годы войны выросли меньше, чем на другие продукты (что, впрочем, не сделало их более потребляемыми. Доказательством этого служит прил. 40: по нему хорошо видно, что потребление молока в рабочих семьях стало расти только с 1952 года, а потребление картофеля в послевоенные годы только снижалось).

⁵³ ЦДООСО. Ф.4. Оп.57. Д.121. Л.33.

⁵⁴ Там же. Оп.49. Д.136. Л.34.

График 1

Количество картофеля, которое могла приобрести среднестатистическая семья рабочего Свердловской области на свой годовой доход в 1940-1953 годах (на одну наличную душу)

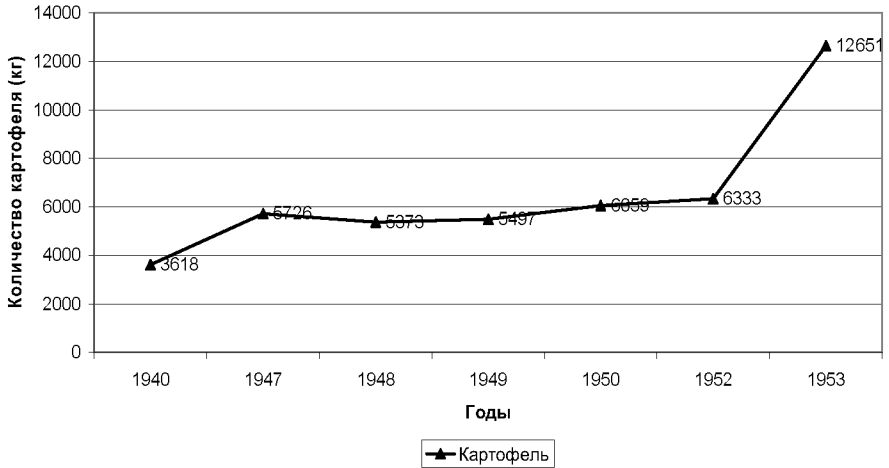
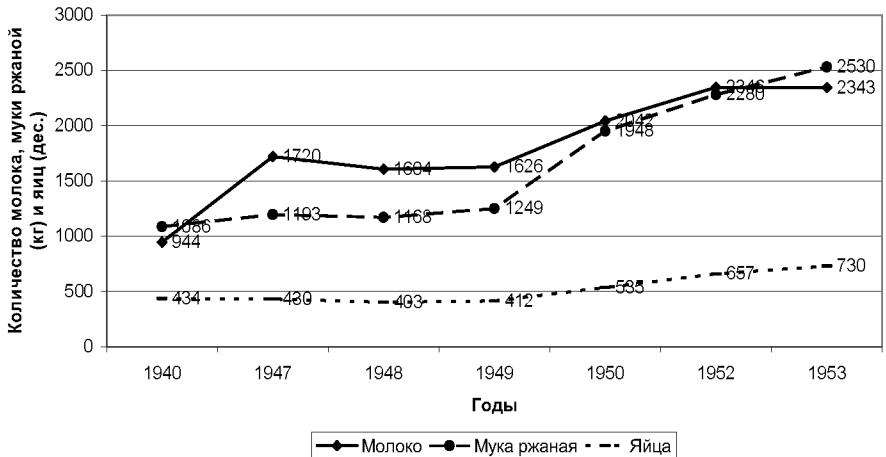
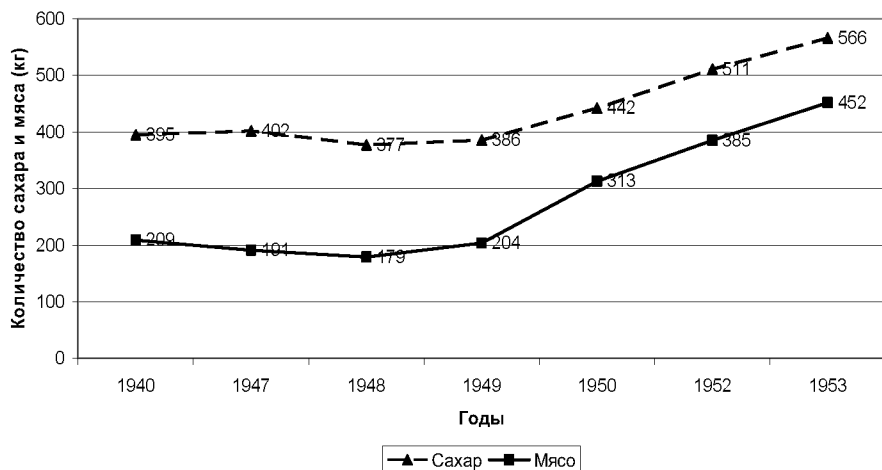

График 2

Количество молока, муки ржаной и яиц, которое могла приобрести среднестатистическая семья рабочего Свердловской области на свой годовой доход в 1940-1953 годах (на одну наличную душу)

**Количество сахара и мяса, которое могла приобрести
среднестатистическая семья рабочего Свердловской области на свой
годовой доход в 1940-1953 годах (на одну наличную душу)**

Таким образом, уровень корреляции между снижениями цен и потреблением продуктов питания был довольно неоднозначным. Именно поэтому довоенный уровень потребления был достигнут в первую послевоенную пятилетку только по трем видам продуктов: по сахару – в 1948 году (о причинах этого мы еще скажем), а по мясопродуктам и кондитерским изделиям – в 1950-м (речь идет только о тех продуктах, потребление которых в годы войны снизилось). По другим подобным продуктам этот уровень был достигнут еще позже: по фруктам, ягодам и рыбопродуктам – в 1951-м, а по яйцам – только в 1953 году. В связи с этим нельзя не привести такой интересный факт: во время очередного снижения цен в 1949 году на собрании работников хлебозавода в Свердловске кем-то из трудящихся был задан прямой вопрос: «Сколько нужно еще времени для установления цен довоенного времени?»⁵⁵

⁵⁵ ЦДООСО. Ф.4. Оп.45. Д.219. Л.41.

Конечно, население приветствовало снижения цен, хотя ассортимент товаров в магазинах порой трудно было назвать даже недостаточным – в ряде случаев он был просто примитивным. Так, весной 1953 года Свердловский обком партии сообщал в ЦК КПСС, что после очередного снижения цен «соль, спички, мыло, табак, папиросы, хлеб, сахар во всех магазинах имеются в достаточном количестве (великое достижение! – В.М.). ...В магазинах большой спрос на мясо, колбасные изделия, фрукты, трикотаж, головные уборы. Резко повысился спрос на электрохолодильники, велосипеды, дорогостоящие меховые изделия. Привоз сельскохозяйственной продукции на рынки Свердловска, Нижнего Тагила, Первоуральска и других городов незначителен. Цены на мясо, молоко, яйца, овощи снизились в среднем на 10 %. ...Общий товарооборот по большинству магазинов за 1 апреля (день снижения цен. – В.М.) значительно выше по сравнению с обычными днями торговли. ...Исключительно высокий спрос на лимоны и апельсины. В марте, например, магазины «Гастронома» г. Свердловска ежедневно в среднем продавали по 550 штук лимонов, а в апреле по 14 700 штук».

Другое сообщение обкома было гораздо меланхоличнее: «В магазинах отсутствует в продаже свежая рыба, овощи, картофель, радиоприемники, мало шерстяных тканей, одежды женской, репродукторов, недостаточно мебели. В городах Серове, Карпинске, Краснотурьинске не хватает мяса и колбасных изделий. В 19-ти магазинах г. Свердловска не было в продаже отдельных товаров или был ограниченный ассортимент. Например, по первому Горпишторгу не было: в магазине № 15 колбас вареных, в магазине № 10 и № 13 – животного масла, весовой соли, в магазине № 2 Гастроном – мяса»⁵⁶.

Непроизводительные бюджетные расходы

Таковыми принято считать расходы по содержанию сферы нематериального производства, и прежде всего – военные. Непомерные военные расходы – неотъемлемый атрибут советской власти. При этом, в

⁵⁶ ЦДОСО. Ф.4. Оп.52. Д.127. Л.90–91, 94, 99.

силу закрытости советского общества, население никогда не знало точных цифр расходов на так называемую оборону страны. Нельзя не согласиться с Н.С.Симоновым (не путать с известным писателем), который написал следующие строки: «Налогоплательщики США знают, что создание ядерного оружия в рамках «Манхэттенского проекта» обошлось им в 2 млрд долларов. Граждане СССР, которые не только платили налоги, но и «добровольно» подписывались на покупку облигаций государственного займа, о расходах своего государства на аналогичные цели никогда в известность не ставились. О том, что советский «Урановый проект» стоил очень дорого, можно было только догадываться, причем в недалеком прошлом даже упоминание об этом требовало известного гражданского мужества»⁵⁷.

Конечно, по большому счету, почти все бюджетные расходы государства так или иначе малоэффективны с точки зрения «идеальной» экономики. Но даже на этом фоне расходы на оборону выглядят удручающе неэффективными. В тоталитарных же государствах, да еще в период войны, такие расходы становятся просто подавляющими. Именно такими они были в СССР в годы Второй мировой войны. Но в мирное время должна проявиться прежде всего социальная роль государства, и реализуется это прежде всего в резком росте расходов социальных и таким же резким снижением военных.

Но еще не отгремели последние залпы Второй мировой войны, а Военное министерство СССР уже планировало свои потребности на первое послевоенное пятилетие. И потребности эти были немалыми: в соответствии с 5-летним (1946–1950 гг.) планом заказов Военного ведомства Советская Армия должна была получить 1,2 млн карабинов, 300 тыс. автоматов, 30 тыс. станковых пулеметов, 6 тыс. 82-мм минометов, 4,8 тыс. 160-мм минометов, 10 тыс. 85-мм дивизионных пушек, 6,1 тыс. 57-мм противотанковых пушек, 3,5 тыс. 152-мм гаубиц, 4,8 млн снарядов средних калибров, 6 млн снарядов крупных калибров, 1,4 млрд винтовочных, 1,2 млрд пистолетных патронов.

---

⁵⁷ *Симонов Н.С.* Указ. соч. С. 241.

И это еще «мелочевка», так как план предусматривал производство танков и САУ в количестве 38 250 шт., в том числе тяжелых – 9 450 шт., средних – 22 800 шт., легких – 6 000 шт. Производство боевых самолетов планировалось в количестве 25 765 шт., в том числе 5 700 реактивных. По своим боевым и техническим характеристикам системы авиационной и бронетанковой техники значительно превосходили довоенные, что, разумеется, компенсировало некоторое сокращение их производства по сравнению с 1938–1940 годами⁵⁸.

Такие расходы отразились и на бюджете страны: его «силовая» составляющая за первые пять послевоенных лет изменилась мало. В государственном бюджете СССР доля расходов на содержание армии, флота, органов внутренних дел и государственной безопасности составила: в 1946 году – 29,6 %, а в 1950-м – 25 %⁵⁹. Для небогатой, измученной войнами и неурожаями страны и это было очень много. Таким образом, руководство страны втягивало ее экономику в новый виток гонки вооружений (теперь уже под предлогом «холодной» войны – благо фултоновская речь У.Черчилля уже прозвучала на весь мир).

Высокому уровню военных расходов способствовало и то, что вся финансовая система Советского Союза, весь его бюджет были пронизаны секретностью. Что касается конкретно военных расходов, то их огромная нагрузка на бюджет маскировалась двумя путями.

Первый – «растаскивание» военных расходов по предприятиям «мирных» отраслей. Тот же знаменитый Уралвагонзавод в Нижнем Тагиле, вопреки своему названию, долгое время являлся (возможно, является и сейчас) крупнейшим в мире производителем танков. По крайней мере, так утверждалось в одном из изданий «Книги рекордов Гиннеса»⁶⁰. Проходила ли вся его военная продукция по военному ведомству? Есть основания сомневаться в этом. Или же продукция предприятий, относившихся к

⁵⁸ Симонов Н.С. Указ. соч. С. 196.

⁵⁹ Там же. С. 201.

⁶⁰ Книга рекордов Гиннеса. 1988. М., 1989. С. 111.

министерству под названием «Министерство среднего машиностроения»? Ответ тот же.

Второй путь – использование секретных источников финансирования. Н.С.Симонов пишет об этом так: «В официальных отчетах об исполнении государственного бюджета СССР за первые послевоенные годы ни особой статьей, ни отдельным параграфом расходы на осуществление советского «Уранового проекта» не выделены. Не проходят эти данные и по статьям резервного фонда Совета Министров СССР. ...Для этих целей ГКО в постановлении от 20 августа 1945 г. № 9887 обязал Государственный Банк СССР открыть организациям АН СССР и ПГУ при Совете Министров СССР особую кредитную линию.

... По официальным данным, особый счет Союзного бюджета в 1950 г. составил 21 986,09 млн руб. На «специальные работы» в 1950 г. было по отчету израсходовано 8 611,22 млн руб., то есть 39,1 %. В расходной части государственного бюджета СССР 1950 г., исчислявшейся в размере 413 236,6 млн руб., доля «специальных работ» составила бы 2 %. По отношению к национальному доходу СССР в 1950 г., исчислявшемуся в размера 725 400 млн руб., доля «специальных работ» составляет, соответственно, 1,1 %»⁶¹.

В результате за годы первой послевоенной пятилетки «оборонная промышленность... достигла значительных успехов. Выпуск валовой продукции в 1950 г., по сравнению с 1940 г., составил по авиапромышленности 133 %, по промышленности вооружения – 175 %, по судостроительной – более чем в 2,4 раза. План по валовой продукции за пять послевоенных лет авиапромышленностью выполнен на 102,8 %, промышленностью вооружений – на 103,1 %, судостроительной промышленностью – на 106,2 %. Производственные мощности, численность работающих в основных отраслях оборонного машиностроения значительно возросли. Во всех отраслях оборонной промышленности особое внимание

⁶¹ Симонов Н.С. Указ. соч. С. 241–244.

обращено на создание научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро»⁶².

Другим видом расходов, снижающих возможные доходы граждан и вписывающихся в определение «непроизводительные», была так называемая «безвозмездная» помощь «братским» странам, а проще говоря – просоветским (и прикидывающимся таковыми) режимам в различных точках нашей планеты. (Слово «безвозмездная» мы ставим в кавычки прежде всего потому, что ничего «безвозмездного» в мире, как известно, не бывает. В данном же случае взамен предполагалась геополитическая лояльность новых политических режимов в Азии, Африке и Латинской Америке.)

Руководители же Советского государства во все времена считали своим долгом увлекать такие страны на «социалистический» путь развития. При этом важнейшим инструментом такого «увлечения» была «безвозмездная» помощь прежде всего военного и экономического характера. Такая «чрезмерная идеологизация внешних связей» тяжким бременем ложилась на экономику страны и ограничивала ее возможности в сфере улучшения материального положения населения.

Одним из первых государств «третьего мира», которое стало регулярно получать такую помощь, был Китай, власть в котором в 1949 году захватили коммунисты во главе с Мао Цзэдуном. Советский Союз, рассматривая Китай как гигантский плацдарм для коммунистической экспансии по всему миру, оказал ему значительную и всестороннюю помощь. (Впрочем, военную помощь этой крупнейшей азиатской стране СССР начал оказывать еще в 1920-х и продолжал это делать и в 1930-х годах. Например, только в 1937–1939 годах СССР поставил Китаю военной техники на сумму 150 млн долларов: 985 самолетов, 82 танка Т-26, более 1 300 орудий, более 14 000 ручных и станковых пулеметов, 1 200 автомашин, 30 тракторов «Коминтерн», а также прожекторные станции, звукоулавливатели, боеприпасы, различное оборудование, запчасти и снаряжение. Кроме того, в

⁶² *Симонов Н.С.* Указ. соч. С. 202.

начале 1939 года в Китае находилось 3 665 советских военных специалистов. Все это финансировалось за счет кредитов советской стороны, которые, судя по всему, никто не собирался возвращать⁶³.)

После прихода к власти в Китае коммунистического правительства, советская помощь этой стране усилилась. Например, в июле 1951 года ВВС Китая начитывали 1 050 самолетов, а к концу 1955 года – уже более 2 тысяч, включая современные реактивные истребители МиГ-15 и МиГ-17, а также реактивные бомбардировщики Ил-28⁶⁴. Конечно, не следует понимать дело так, что Советский Союз всегда делился со своими действительными и мнимыми друзьями последним и поставлял им исключительно образцы новейших технологий. Случалось, что под лозунгом оказания «братской безвозмездной» помощи он просто избавлялся, как говорят, от «неликвидов» (в первую очередь это касалось военных поставок). Наиболее масштабной (хотя и не самой известной) поставкой такого рода была передача тому же Китаю в 1950 году первых и очень технологически несовершенных советских реактивных истребителей МиГ-9 в количестве 372 единиц (из общего количества 598 единиц, произведенных отечественной промышленностью).

По отзывам специалистов, эти машины вряд ли повысили ударную мощь китайских ВВС⁶⁵. Но ведь в свое время на производство этих «неликвидов» были затрачены немалые средства: например, себестоимость **каждого** МиГ-9 из первой опытной партии в 15 машин составила 2 721 501 рубль (в ценах до 1961 года). Соответственно себестоимость всей партии составила без малого 41 млн рублей (!)⁶⁶. В дальнейшем, по мере перехода к серийному производству, себестоимость, конечно, снижалась, но и тогда составляла огромную сумму.

⁶³ Азеенко К.П., Бобылев П.Н., Манаенков Т.С. и др. Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа. М., 1975. С. 51, 53–54, 56; Новая и новейшая история. 2008. № 4. С. 123.

⁶⁴ Новая и новейшая история. 2008. № 4. С. 128–131, 136.

⁶⁵ Дрогозов И. Воздушный щит Страны Советов. Минск, 2004. С. 72.

⁶⁶ Интернет-ресурс: <http://airwar.ru>.

Наряду с Китаем значительная помощь была оказана Северной Корее – эта страна только в 1950–1953 годах получила от СССР военных поставок на сумму примерно 1 760 млн рублей⁶⁷.

Тем не менее, Советское государство считало возможным и необходимым тратить немалые деньги на содержание партийного аппарата. Так, на 1 января 1947 года в Свердловской области насчитывалось 5 945 партийных организаций различной величины (в том числе 4 211 первичных), в которых насчитывалось 504 освобожденных работника⁶⁸. Деятельность всех этих организаций, в свою очередь, возглавляли территориальные руководящие органы – райкомы, горкомы и обком ВКП(б). Так, в Свердловском ГК ВКП(б) на упомянутую выше дату работали 110 профессиональных партийных работников с годовым фондом оплаты 1 523 760 рублей. Если взять такие крупные города области, как Нижний Тагил и Каменск-Уральский, то в их партийных горкомах числилось соответственно 75 и 58 человек с годовыми фондами оплаты 885 000 и 684 840 рублей соответственно⁶⁹. Ввиду обременительности расходов по оплате труда партийных чиновников обком партии в 1947 году даже обратился в ЦК с предложением на 20 % сократить численность освобожденных секретарей⁷⁰.

Номинально же повседневную жизнь городов и районов обеспечивали так называемые советские органы в лице Советов народных депутатов. Только в Свердловском городском совете депутатов трудящихся в 1947 году числилось 720 освобожденных работников с годовым фондом оплаты 6 057 700 рублей. По Нижнему Тагилу эти цифры составляли соответственно 167 человек и 1 284 288 рублей, а по Каменскому – 77 человек и 721 000 рублей⁷¹. И все это – без учета расходов по обеспечению жизнедеятельности данных структур и оплате труда младшего обслуживающего персонала.

⁶⁷ Салмин Н.А. Интернационализм в действии. Часть 1. Екатеринбург, 2001. С. 175.

⁶⁸ ЦДООСО. Ф.4. Оп.43. Д.152. Л.1.

⁶⁹ Там же. Л.86.

⁷⁰ Там же. Л.1.

⁷¹ Там же.

Налоговая политика государства

Этот фактор серьезно влиял прежде всего на доходы крестьянства, которое облагалось не только денежным, но и натуральным налогом. Например, в первые послевоенные годы с каждого колхозного двора собиралось 40 кг мяса, 50–100 шт. яиц, 280–320 л молока и т.д. При этом мясо и яйца нужно было сдавать независимо от наличия в подворье скота или птицы, а шерсть и овчину – по факту наличия голов соответствующих животных на начало года. Быстро рос и денежный налог: в 1950 году в среднем по стране он составлял 431 рубль⁷². Судя по прил. 24, свердловские колхозники в указанном году заплатили этот налог даже в большей сумме. Все это серьезно подрывало доходную базу крестьянства, так как вынуждало их ради уплаты налогов реализовывать продукцию своих ЛПХ в больших количествах и по дешевым ценам.

Помимо перечисленных факторов экономического характера, в исследуемый период на материальные условия жизни граждан, как мы отметили выше, влияли и другие факторы – форс-мажорные. Главнейшим из них были последствия засухи и неурожая 1946 и 1947 годов. В результате этого в первом послевоенном году недобор зерновых составил треть всего зернового запаса бывшего СССР – он сократился с 16 987 тыс. тонн до 12 681 тыс. тонн. Страна в 1946 году получила зерна на 2,5 млн т меньше, чем даже в военном 1945 году, а в России, Украине и Молдавии урожайность зерновых составила всего 4,6 ц с га⁷³. В целом для страны последствия неурожая были столь тяжелы, что из-за этого на год была отложена отмена карточной системы продовольственного снабжения. На Урале сбор зерновых в 1946 году составил 1 743 тыс. тонн, или 81 % к уровню 1940 года. События 1946–1947 годов в стране в связи с засухой и нехваткой продуктов питания очень

---

⁷² *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны... С. 80.

⁷³ Там же. С. 70.

хорошо описаны в монографии В.Ф.Зимы⁷⁴, а касательно Урала – в монографии автора этих строк⁷⁵.

3.2. Доходы семей рабочих промышленных предприятий и колхозников Свердловской области

Переходя к вопросу о конкретных цифрах денежных доходов граждан нашей области в послевоенные годы, начнем с *рабочих промышленности*, как самой массовой категории городского населения. Надо сразу сказать, что их доходы, с учетом недавно закончившейся войны, не могли быть достаточными. Приведем цифры: если в последнем военном году – 1945-м – средняя заработная плата в промышленности по всей стране составляла всего лишь 470 руб. (за 11–13-часовой рабочий день), то в 1946-м – 475, а в 1947-м – 550 руб.⁷⁶ Таким образом, в 1947 году средняя зарплата возросла на 15,8 %. В Свердловской же области этот показатель уже в сентябре 1947 года превысил аналогичную цифру 1946 года на 20,6 %⁷⁷. Но, например, у рабочих свердловского завода «Новострой» среднемесячная зарплата в указанном году составила всего лишь 326 рублей⁷⁸. Поэтому произошедшее увеличение не играло серьезной роли, особенно если к тому же посмотреть на тогдашние цены: килограмм макарон в среднем стоил 10, яблок – 20, мяса – 30, масла и сыра – около 60 рублей. Простая ватная телогрейка стоила около 100, а хороший костюм – более 1 000 рублей (см. прил. 9 и 10).

Областные СМИ при этом всячески пропагандировали достижения отдельных «передовых» рабочих, достигших высокой производительности труда и, соответственно, высокого уровня зарплаты. Например, как сообщали СМИ, в тресте «Свердпромстрой» бригадир бетонщиков Хузеев получал в месяц 2 000–2 500 рублей, то есть в день при шестидневной рабочей неделе он зарабатывал примерно 85 рублей. Но при этом СМИ умалчивали, что

⁷⁴ Зима В.Ф. Указ. соч.

⁷⁵ См.: Мамяченков В.Н. Роковые годы... С. 174.

⁷⁶ Мотревич В.П. Экономическая история России... С. 468; Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны... С. 31.

⁷⁷ ЦДООСО. Ф.4. Оп.43. Д.222. Л.22.

⁷⁸ Там же. Оп.41. Д.220. Л.38.

такие «передовики» создавались обычно искусственно и с вполне определенными целями, а у большинства работающих не было никакой возможности резко повысить свой заработок. Например, в другом подобном же строительном тресте – «Серовстальстрой» – среднедневная зарплата рабочего за 1946 год составила всего лишь около 19 рублей в день, или примерно 500 рублей в месяц⁷⁹.

Если говорить о зарплате рабочих городских промышленных предприятий в среднем по стране, то она составляла в первые послевоенные годы 300–600 рублей в месяц в зависимости от отрасли, квалификации, условий работы и других причин. (Интересно, что, по воспоминаниям современников, студент московского вуза мог в это время получать стипендию в размере 400 рублей в месяц⁸⁰.)

Но зато: *«Радиолокационная промышленность за первую послевоенную пятилетку достигла некоторых успехов в разработке и производстве новых видов радиолокационной техники. Промышленные министерства освоили серийный выпуск отдельных видов сложной радиолокационной и радионавигационной аппаратуры и в 1950 г. изготовили 17 400 шт. различных станций и аппаратуры 49 типов на общую сумму 943 млн руб.»⁸¹.*

Низкая заработная плата была наиболее частой причиной того, что рабочие часто меняли места работы в поисках лучшей жизни. Текучесть кадров, несмотря на принимаемые властями драконовские меры, была огромной. Например, в тресте «Серовстальстрой» за 1946 год было принято на работу 113 человек, а убыло по разным причинам 446 (!), в том числе самовольно оставили производство 127 человек⁸². А в тресте «Свердуглепром» в 1950 году самовольно оставили работу 653 человека, в том числе 349 – молодые рабочие, окончившие школу ФЗО⁸³.

Здесь надо сказать, что и сама зарплата на промышленных предприятиях выплачивалась не всегда регулярно. Например, в 1945-м и

⁷⁹ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.220. Л.16, 18.

⁸⁰ *Королев Ю.А.* Указ. соч. С. 14.

⁸¹ *Симонов Н.С.* Указ. соч. С. 259.

⁸² ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.220. Л.18.

⁸³ Там же. Оп.49. Д.120. Л.135.

первом послевоенном, 1946-м, годах задержки с ее выплатой имели место в Кировградском районе (пос. Левиха), Красноуральске (рудоуправление и завод № 595), Невьянске (завод № 68), Ревде (Уральский медеплавильный комбинат и кирпичный завод), Свердловске (трест «Свердпромстрой»), на предприятиях местной промышленности в Белоярском, Верхнесалдинском, Сажинском, Красноуфимском, Новолялинском, Петрокаменском районах, других городах и районах области.

Так, согласно информации Красноуральского горкома партии, работникам местного рудоуправления по состоянию на 26 марта 1945 года еще не была выплачена зарплата за февраль (причина – невыполнение государственного плана). Еще интереснее сложилась ситуация на заводе № 595, производившем взрывчатку: он, начиная с сентября 1945 года, вообще не имел плана по выпуску продукции. По этому случаю горком растерянно сообщал в обком партии, что «трудящиеся завода заняты исключительно на подсобных работах (заготовка дров, очистка территории завода)» и что «никакими данными о будущем этого завода ГК ВКП(б) и руководство завода не располагают». Полное безобразие творилось и на Невьянском заводе № 68, где, например, в цехе № 11 (наверное, и в других тоже) рабочие получали зарплату с задержкой на месяцы⁸⁴.

Кстати, не всегда вовремя «доходила» зарплата и до работников сферы социальных услуг. Дело дошло до того, что в августе 1946 года органы здравоохранения нашей области стали объектом критики одной из центральных газет, которая написала, что «в том же Свердловске, а также Тамбове, Киеве, Калуге областные отделы здравоохранения «проглядели» совершенно нетерпимые факты задержки выдачи заработной платы»⁸⁵.

Говоря о доходах граждан в 1940–1950-х годах, исследователи обычно ссылаются на статистические данные о семьях рабочих и колхозников. Автору данной монографии удалось найти в архиве данные, относящиеся и к

⁸⁴ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.171. Л.138. Д.176. Л.16, 61, 88. Д.220. Л.14. Д.222. Л.24.

⁸⁵ Труд. 1946. 8 августа.

другим категориям населения. Так, что касается первых послевоенных лет, то теперь мы можем привести также сведения о денежных доходах и расходах

График 4

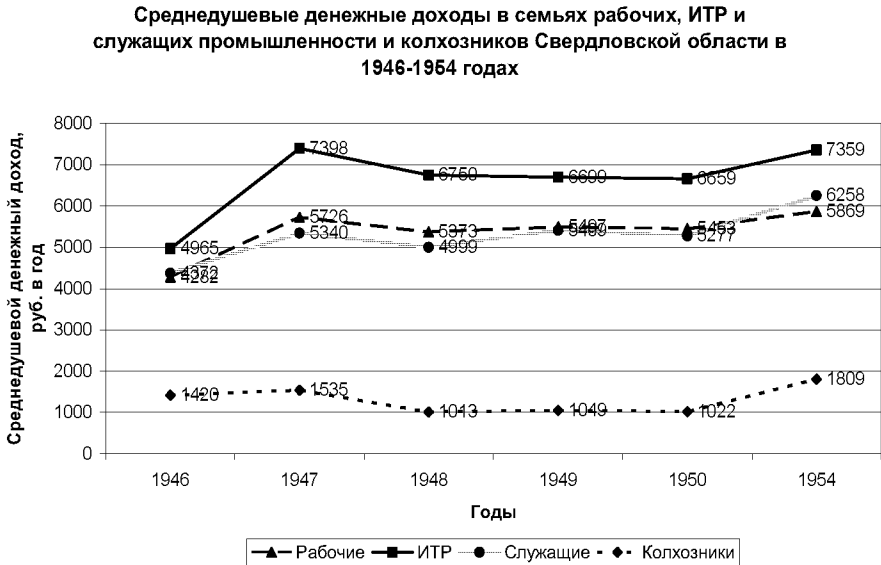
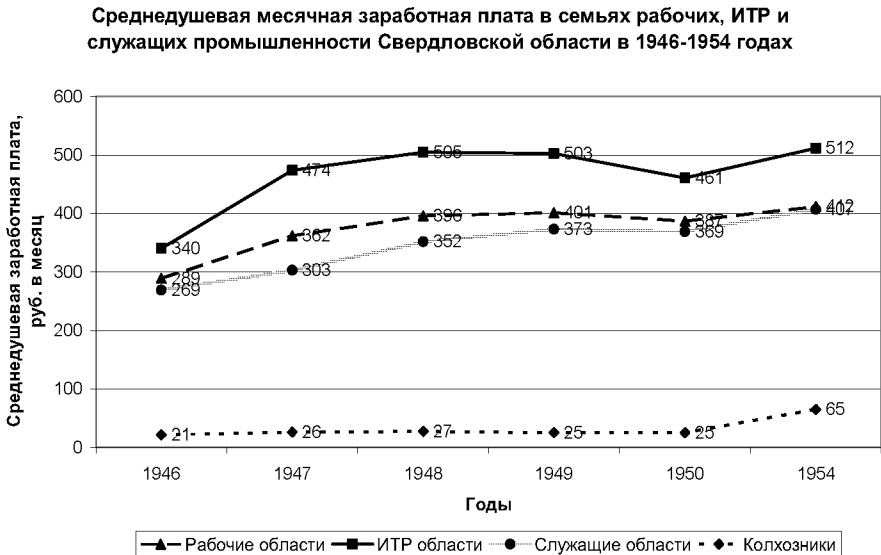

График 5

ИТР и служащих промышленных предприятий Свердловской области и областного центра (см. прил. 11, 14–15 и 18). На основании цифровых данных этих приложений можно построить графики 4 и 5 для проведения соответствующего анализа. При этом приходится пояснить, что данных по ИТР и служащим за 1951–1953 годы нам пока обнаружить не удалось. Что же касается рабочих и колхозников, то их доходы и зарплаты в указанные годы представлены следующими двумя таблицами:

Таблица 2

Среднедушевые денежные доходы семей рабочих промышленных предприятий Свердловской области и колхозников в 1951–1953 годах, руб./год

Категории населения	Годы			
	1940*	1951	1952	1953
Рабочие промышленных предприятий области	2 165	н/св	5 849	5 873
Колхозники	701	1 088	1 264	1 516

* Для справки.

Источники: ГАСО. Ф.Р1813. Оп.1. Д.457. Л.64–65, 74–75. Оп.14. Д.914. Л.18–19. Д.1403. Л.6–7. Д.1916. Л.4, 9. Д.2789. Л.6, 35. Динамические ряды по рабочим промышленности 1952–1968 годов ТОФСГС по Свердловской области (расчеты автора).

Таблица 3

Среднедушевая месячная заработная плата в семьях рабочих промышленных предприятий Свердловской области и колхозников в 1951–1953 годах, руб.

Категории населения	Годы			
	1940*	1951	1952	1953
Рабочие промышленных предприятий области	154	н/св	423	413
Колхозники	16	29	33	44

* Для справки.

Источники: ГАСО. Ф.Р1813. Оп.1. Д.457. Л.64–65, 74–75. Оп.14. Д.914. Л.18–19. Д.1403. Л.6–7. Д.1916. Л.4, 9. Динамические ряды по рабочим промышленности 1952–1968 годов ТОФСГС по Свердловской области (расчеты автора).

На основании изучения указанных приложений, графиков и таблиц можно сделать несколько выводов:

– динамика денежных доходов семей промышленных рабочих и колхозников (а с ними – и всего населения) в первые послевоенные годы определялась двумя основными факторами: снижением денежной массы вследствие прошедшей реформы – с одной стороны, и ростом заработной

платы – с другой. При этом рост зарплаты был нестабильным – в 1950 году она несколько снизилась, а затем снова стала расти;

- важнейшим финансовым событием послевоенного времени стала конфискационная денежная реформа декабря 1947 года, ограничившая динамику доходов (а следовательно, и расходов) населения страны на последующие несколько лет. Ее отрицательный эффект несколько сглаживался ростом заработной платы и снижением цен;

- уровень доходов 1947 года семьями рабочих и колхозников был достигнут только к 1954 году. При этом наибольшее пореформенное снижение доходов наблюдалось у колхозников – примерно в 1,5 раза (они же изначально были и самыми низкими). Таким образом, сильнее всего негативное влияние реформы сказалось на колхозниках;

- основным источником денежных доходов семей рабочих в указанный период была заработная плата (в среднем более 80 % всех доходов). В семьях колхозников этот показатель в максимуме составлял 40 %;

- из сравниваемых категорий населения наибольшие денежные доходы имели семьи ИТР. За ними шли семьи рабочих и семьи служащих, доходы которых были почти равными. Наименьший размер доходов имели семьи колхозников.

В приведенных выше данных сразу бросается в глаза предельно низкий уровень доходов *колхозников*. О них разговор особый, заслуживающий внимания и соответствующего объема. Дело в том, что доля денежной оплаты за труд в колхозном производстве в первые послевоенные годы была невелика, а превалировала при этом зарплата натуральная. Например, даже выработав 365 трудодней (невероятно большую цифру для 1950 года), среднеуральский колхозник получал на руки всего 175 рублей 20 копеек (см. прил. 18–19). Весь же денежный доход семьи крестьянина-колхозника складывался из нескольких составляющих, главной из которых была выручка от продажи продуктов сельского хозяйства, скота и птицы.

Из приведенных в приложениях данных хорошо видно, что в послевоенные годы в колхозах шел постепенный процесс денатурализации доходов. На денежных доходах колхозников в послевоенный период крайне негативно отразились все перечисленные нами выше факторы, особенно денежная реформа 1947 года. Так, в Свердловской области в среднедушевом денежном доходе колхозной семьи доля доходов за работу в колхозе (то есть без учета работы в МТС и по найму), по нашим подсчетам, составила: в 1946 году – 6,9 %, в 1950-м – 7,8 %. (Что, как ни странно, было не так уж плохо для Уральского региона. Например, по Башкирии эти цифры составляли соответственно 0,4 и 2,2 %, а по Оренбургской (до 1958 года – Чкаловской) области – 4,5 и 7,2 %.) Но это только относительные цифры. В абсолютном же выражении среднестатистический колхозник Свердловской области получил от колхоза за 1946 год – 98, а за 1950-й – 80 рублей. Соответственно колхозник Башкирии получил всего лишь 5 и 16 рублей, а Оренбургской области – 54 и 61 рубль⁸⁶.

О покупательной способности таких «денег» говорит следующее сравнение. В упомянутом 1950 году, то есть накануне исследуемого нами периода, свердловский колхозник на свой **годовой** денежный доход от работы в колхозе мог приобрести по государственным розничным ценам, например, из продуктов питания на выбор: или 6 кг сахара, или 5 кг печенья, или 4 кг мяса, или, наконец, почти столько же дешевых конфет (чтобы хоть немного подсластить свою убогую жизнь). Из одежды на эти деньги он мог себе позволить покупку разве что телогрейки или брюк из хлопчатобумажной ткани или же одной пары кальсон. Что же касается предметов домашнего обихода и мебели, то этих денег ему хватило бы на один матрац либо на два простеньких стула (прил. 10).

Таким образом, можно сделать однозначный вывод: в первое послевоенное десятилетие наличных денег у большинства крестьян фактически не было. Подтверждением сказанному служит выдержка из

⁸⁶ Рассчитано по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.54, 56, 139, 141. Д.3714. Л.65, 66, 168; ГАСО. Ф.Р1813. Оп.1. Д.518. Л.20, 21. Оп.14. Д.657. Л.13, 25.

справки о ходе размещения очередного государственного займа в 1953 году, в которой отмечалось, что «слабо поступают наличные деньги по подписке среди колхозников. В Арамилском, Белоярском, Висимском, Нижнесалдинском, Сысертском, Таборинском, Тугулымском районах денег наличными не поступало, а в 20 районах поступило в размере 2–5 тысяч рублей»⁸⁷. И при этом, повторим, положение колхозников в других регионах Урала было еще хуже.

Но зато: *«Для того, чтобы представить масштабы строительных работ на 3-х заводах Комбината № 817 (Челябинск-40, затем – Челябинск-65, нынешний Озерск. – В.М.), достаточно сказать, что при закладке фундаментов производственных помещений было вынуто 190 тыс. куб. метров грунта (в основном скальные породы), уложено 82 тыс. куб. метров бетона, 6 тыс. куб. метров кирпича. На объекте было смонтировано 5 000 тонн металлоконструкций, 230 км трубопроводов разного диаметра, 165 км электрического кабеля, 5 745 единиц запорно-регулирующей аппаратуры, 3 800 различных приборов. Главным «подрядчиком» строительных работ являлся Главпромстрой НКВД-МВД. На строительстве одновременно было занято 45 тыс. человек, большинство из которых относилось к «спецконтингенту» НКВД. На сооружении заводов Комбината № 813 (Свердловск-44, нынешний Новоуральск. – В.М.) было задействовано 10 тыс. вольнонаемных и невольнонаемных строителей»⁸⁸.*

Надо сказать, что колхозник обязан был за эти мизерные доходы не просто трудиться на колхозных работах, но при этом еще и выполнять так называемый обязательный минимум трудодней, установленный постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 года. В годы войны новым постановлением высших органов власти от 13 апреля 1942 года этот минимум был увеличен примерно в полтора раза и составлял для колхозников Урала 120 трудодней в год, а кроме того, был введен обязательный минимум для подростков – членов семей колхозников в возрасте от 12 до 16 лет в объеме 50 трудодней⁸⁹. Нельзя назвать такую норму отработки чрезмерной (тем более в условиях военного времени), но

⁸⁷ ЦДООСО. Ф.4. Оп.52. Д.127. Л.53.

⁸⁸ Симонов Н.С. Указ. соч. С. 219.

⁸⁹ Попов В.П. Крестьянство и государство (1946–1953). Париж, 1992. С. 233.

опять-таки нельзя и забывать, что за свой труд крестьянин-колхозник почти ничего не получал.

Окончание войны никак не отразилось на колхозной трудовой повинности: очередным постановлением тех же государственных органов от 31 мая 1947 года объемы обязательного минимума выработки были сохранены. Естественно, что это не находило понимания у колхозников, и в результате по итогам 1946 года минимум трудодней не выработал в стране почти каждый пятый из них⁹⁰ (и это вполне понятно: мало кто с желанием работал на тяжелых и, как правило, ручных работах). Но надо сказать, что и здесь Свердловская область была передовой: например, в том же 1946 году во всем Ачитском районе не выработало минимума всего 242 человека, а в Коптеловском – 300 человек⁹¹. Достаточно высокой в послевоенные годы была в нашей области и средняя выработка трудодней: в расчете на одного колхозника в 1945–1947 годах она составила соответственно 278, 277 и 274 трудодня. Тем не менее, один из партийных чиновников, комментируя последнюю цифру, заявил: «Чтобы выработать 274 трудодня, нужно работать только полгода, а полгода [можно] не работать»⁹².

А между тем в докладной записке №12/593 от 20.12.1947 года заведующий отделом Совета по делам колхозов В.Чувилов на имя председателя Совета А.А.Андреева отмечал Свердловскую область в числе областей, «отличающихся более высокой трудовой дисциплиной». Из приведенных в записке данных следует, что за 1946 год среднемесячная выработка трудодней у среднестатистического трудоспособного колхозника Свердловской области была выше, чем у его коллеги в Башкирии, на 40 %, а в Челябинской области – на 15 %. Отставали по этому показателю от Среднего Урала и многие другие регионы РСФСР. Например, по нашим

⁹⁰ Попов В.П. Указ. соч. С. 234.

⁹¹ ЦДООСО. Ф.4. Оп.44. Д.234. Л.94.

⁹² Там же. Л.12.

расчетам, в Рязанской области он в это время был ниже на 50 %, в Горьковской – на 35 %, Тульской – на 32 %, а в целом по РСФСР – на 14 %⁹³.

Уровень эксплуатации колхозного крестьянства в нашей области не снижался и в дальнейшем: и в конце исследуемого периода, в 1953 году, средняя выработка трудодней на одного трудоспособного колхозника Свердловской области составила 422 трудодня против 417 трудодней в 1952 году. В соответствующей справке сельхозотдела обкома партии отмечались как лучшие по этому показателю районы (Верхнепышминский – 489, Ирбитский – 473, Камышловский – 460 и Еланский – 447 трудодней), так и «отстающие» (Нижнесергинский – 307, Верхнетавдинский – 330, Манчажский – 372 трудодня). Судя по справке, трудились колхозники неплохо: обязательный минимум трудодней в 1953 году не выработали всего лишь 6,1 % трудоспособных колхозников (9 027 человек)⁹⁴.

Уклониться от обязательной отработки было непросто, так как колхозники, не выполнившие минимума без уважительных причин, могли быть привлечены к суду и понести наказание в виде исправительно-трудовых работ в колхозах с удержанием от оплаты трудодней до 25 % в пользу колхоза. Только за 1946 год судами области было рассмотрено 1 745 таких дел, в результате чего большинство их фигурантов было осуждено: только за один третий квартал – 719 человек, из которых 646 – женщины⁹⁵. В дополнение ко всему был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года «О выселении в отдаленные районы лиц, злобно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни», который предусматривал максимальное наказание до 8 лет высылки.

Интересно, что этот указ власти так и не осмелились опубликовать в открытой печати. Есть данные, что, в соответствии с этим указом, на Урале только в течение июля–сентября 1948 года на колхозных собраниях были

⁹³ Попов В.П. Указ, соч. С. 235–236.

⁹⁴ ЦДООСО. Ф.4. Оп.53. Д.171. Л.84.

⁹⁵ Там же. Оп.43. Д.171. Л.47.

приняты решения о высылке: в Башкирии – 106 человек, в Челябинской области – 186 человек⁹⁶. Всего же в стране за 1948–1953 годы из мест проживания в ссылку было направлено 46,8 тыс. колхозников и членов их семей⁹⁷. При этом пик выселений пришелся на 1948 год, когда в ссылку отправились 27 335 человек⁹⁸. Сигналом к расправе послужило закрытое письмо ЦК ВКП(б) и СМ СССР, посвященное предстоящим «мероприятиям» по выселению «тунеядцев». Уже 5 июня 1948 года по данному письму Свердловский обком партии провел совещание с соответствующей повесткой дня. Выступивший на нем партийный руководитель области В.И. Недосекин зачитал это закрытое письмо и дал ответы на многочисленные вопросы присутствующих.

Завершил же это совещание первый секретарь таким наставлением: «Чтобы оформить документы на выселение паразитического элемента, нужно основательно изучить это дело. А то может получиться так: придет на собрание секретарь обкома или председатель облисполкома, соберут собрание, а он [выселяемый] на этом собрании и скажет, что я хочу работать, и я буду работать. И получится не совсем удобное положение. Паразитов найти – это не так просто. Тут должно быть так: уж если взял быка за рога, так чтобы этого быка и за те рога»⁹⁹.

Так командно-административная система, применяя репрессии уголовного характера, в том числе и руками самих же колхозников, расправлялась с теми, кто не желал за бесценок работать на нее.

Конечно, низкий уровень оплаты труда в колхозах был вызван не только и не столько произволом их руководителей, а прежде всего тем, что государство принимало продукцию от колхозов по крайне низким заготовительным ценам, которые были установлены в 1928 году и не превышали: за 1 кг пшеницы – 10, за 1 кг картофеля – 5, за 1 кг говядины – 25 копеек, а за 100 штук яиц – 2 рубля. В то же время в коммерческой продаже,

⁹⁶ Попов В.П. Указ. соч. С. 244–245.

⁹⁷ Мотревич В.П. Экономическая история России... С. 457.

⁹⁸ Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны... С. 77.

⁹⁹ ЦДООСО. Ф.4. Оп.44. Д.146. Л.16, 19–20.

например, килограмм говядины стоил 20, а десяток яиц – 10 рублей. Правда, в марте 1946 года эти цены были повышены, но только на молоко и молочные продукты – с 1,5 до 2,5 рублей за центнер (!). Между тем затраты на производство одного центнера молока в среднем составляли 24–25 рублей¹⁰⁰.

На фоне несовершенства форм и методов начисления зарплаты и расчетов с колхозниками имели место многочисленные злоупотребления со стороны колхозных руководителей. Например, в 1946 году в Шалинском районе семье колхозника Потапова (колхоз им. Буденного) по итогам 1945 года было начислено к оплате 788 кг зерна и 1 540 рублей денег, но выдано было только зерно в количестве 651 кг. Аналогичные явления происходили и в других территориях: только в Белоярском районе на 1 января 1946 года колхозы были должны колхозникам 1 222 837 рублей (правда, в утешение надо сказать, что и колхозники задолжали колхозам 765 096 рублей)¹⁰¹.

Крестьянин никак не смог бы прожить только на доходы от колхоза, не имея других поступлений. Поэтому, помимо колхозных, его доходы включали также денежные поступления за сданные по обязательным поставкам и контрактации продукты, скот, птицу и пчел, доходы от ЛПХ и от работы по найму, а также пенсии и пособия от государства (см. прил. 18). Под пенсиями в исследуемый период мы имеем в виду пенсии по инвалидности и по потере кормильца, так как пенсии по старости колхозникам стали выплачиваться только с 1966 года. Эти пенсии и пособия были крайне незначительными.

Например, в литературе можно найти упоминание об одной из многих тысяч военных вдов нашей области – Anne Даниловне Колпацниковой из Невьянского района. Она в 1946 году стала получать пособие за погибшего на фронте мужа в размере 310 рублей, и то только после получения извещения о его гибели: если бы он пропал без вести – не получала бы

¹⁰⁰ *Базаров А.* Дурелом, или Господа колхозники. Т.2. С. 471; *Островский В.Б.* Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967. С. 41–43.

¹⁰¹ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.235. Л.225.

ничего. А что ее дети больше всего запомнили с военных и послевоенных лет, («... так это чувство голода»¹⁰². К этому можно только еще добавить, что колхозник не имел права на отпуск и оплату больничных листов (а колхозница – еще и отпуска по беременности и родам), им не выделялись путевки в санатории и дома отдыха¹⁰³.

Но зато:

«За период с 1945 г. по 1950 г. добыча урановой руды увеличилась более чем в 114 раз; производство урана в металле за то же время возросло в 28,5 раза. Из добытых за эти годы 1 072 тонн урана в металле можно было построить 7 промышленных реакторов для получения, при оптимальных технологических условиях, до 100 кг плутония-239 в год. Если рассчитать эту массу на боевые заряды из 6,2 кг каждый, то получилось бы около 16 изделий типа РДС-1. Из того же количества урана можно было в течение нескольких лет, в зависимости от мощности заводов, извлечь не менее 7,6 тонны высокообогащенного урана-235, из которого затем изготовить не менее 600 изделий типа РДС-2»¹⁰⁴. (РДС-1 и РДС-2 – это условные обозначения первых отечественных ядерных боеприпасов, по сути – атомных бомб. В литературе есть упоминание, что данная аббревиатура придумана академиком К.А.Щелкиным и означает «Россия делает сама»¹⁰⁵. – В.М.)

Что же касается ЛПХ, то неизбежность его наличия у крестьян как раз и предопределил предельно низкий уровень их денежных доходов. И именно за счет ЛПХ государство фактически заставило крестьян обеспечивать большинство своих потребностей (впрочем, подробнее об ЛПХ поговорим в четвертой главе нашей работы). Но, даже и с учетом доходов от ЛПХ суммарные среднедушевые доходы колхозников Свердловской области в 1946 году составили 1 420 рублей, а в 1950-м – 1 022 рубля (см. прил. 10). Для сравнения скажем, что по Башкирии эти цифры составили соответственно 1 193 и 750 рублей, а по Оренбургской области – 1 200 и 843 рубля соответственно¹⁰⁶. Уровень доходов у колхозников данных регионов превысил показатели 1946 года только в 1953–1954 годах. Конечно, вся страна жила в послевоенные годы нелегко, но положение крестьянства было

¹⁰² Ануриев Ю.П. Указ. соч. С. 361.

¹⁰³ Уральская историческая энциклопедия... С. 295.

¹⁰⁴ Симонов Н.С. Указ. соч. С. 226–227.

¹⁰⁵ Губарев В.С. Секретный атом. М., 2006. С. 446.

¹⁰⁶ Рассчитано по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.56. Д.3714. Л.167.

особенно униженным. Так, в том же 1946 году средняя зарплата по стране все-таки составляла 5 700 рублей в год, то есть примерно в 4 раза выше суммарных доходов среднеуральского колхозника¹⁰⁷.

Натуральные доходы от своего ЛПХ крестьянин-колхозник получал в основном в виде продуктов растениеводства и животноводства и, кроме того, от охоты и рыболовства, собирательства, некоторых кустарных работ. В расчетах натуральных доходов колхозников государственные плановые органы порой, за недостатком таковых, принимали в расчет даже «иные незаконные поступления, как то: сбор колосьев, перевеивание мякины и т.д., вплоть до случаев прямого хищения колхозного хлеба в период уборки»¹⁰⁸. Другими словами, власти не только считали естественным наличие в доходах крестьян «незаконных поступлений», но даже планировали их.

Что касается колхозной натуроплаты, то в целом по России (и в Свердловской области в частности) в послевоенные годы 90–98 % ее составляли зернобобовые. По другим же регионам Урала картина была несколько иная: например, в Башкирии и Оренбуржье значительный удельный вес в натуроплате имели овощи и бахчевые. Кстати, другие продукты, в том числе такие высококалорийные, как мясо, фигурировали в натуроплате эпизодически, от случая к случаю, и в крайне незначительных количествах.

Из вышесказанного совершенно ясно, что шансов разбогатеть у колхозников не было никаких. К тому же государство следило за тем, чтобы они не обзавелись лишними квадратными метрами приусадебных участков и не получили с них незапланированные килограммы картофеля. На официальном языке это называлось «самовольным захватом общественных земель», а иногда даже «расхищением» таковых.

Как было установлено проверкой, к осени 1946 года в Свердловской области 8 498 колхозных семей незаконно прирезали к своим приусадебным участкам 902 га. Еще 759 га прибавили себе 7 914 семей, не состоящих в

¹⁰⁷ Мотревич В.П. Экономическая история России... С. 468.

¹⁰⁸ Попов В.П. Указ. соч. С. 137.

колхозе. Если учесть, что в области на тот момент только число колхозов составляло 2 161, это не выглядело слишком большой цифрой. Надо заметить, что и здесь Свердловская область опять-таки смотрелась вполне пристойно: в той же Оренбургской области **треть** колхозных дворов имела приусадебные участки выше нормы¹⁰⁹.

Подобные «самовольные захваты общественных земель» колхозниками продолжались и в дальнейшем, в 1950-х годах. Земельными органами в этот период зафиксировано множество таких фактов. При этом доля «захватчиков» обычно составляла 4–10 % площади приусадебных хозяйств и лишь иногда – 10–12 %¹¹⁰. О причине же таких захватов со стороны крестьян откровенно сказала колхозница Бекетова на общем собрании в колхозе им. Чапаева Сухоложского района: «Трудодень обесценен, стимула к работе нет. Всякий старается укрепить личное свое хозяйство за счет увеличения приусадебных участков и другими путями»¹¹¹.

К слову сказать, «захваты» не всегда носили несанкционированный характер, так как часто колхозники и руководители колхозов просто приходили к молчаливому соглашению. То же самое нередко наблюдалось и в отношениях между колхозами и промышленными предприятиями. Например, часто колхозы предоставляли свои земли промышленным предприятиям на взаимовыгодной основе, так как сами были не в состоянии обрабатывать большие земельные площади. Урожайность же при этом стремились всячески занижать, так как обязательные поставки сельскохозяйственной продукции надо было сдавать со всей закрепленной за колхозами земли. Помимо земель колхозы иногда предоставляли сторонним лицам тягловый и продуктивный скот, прежде всего – лошадей и коров. Делалось это по разным причинам, одной из которых, по нашему мнению, была нехватка кормов. На ноябрь 1946 года в колхозах Свердловской области

¹⁰⁹ *Мотревич В.П.* Экономическая история России... С. 452.

¹¹⁰ *Безнин М.А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. Вологда, 1991. С. 92.

¹¹¹ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.172. Л.97.

было выявлено незаконно сданных в такую «аренду» 289 лошадей и 261 корова¹¹².

Но как бы то ни было, по итогам «большой проверки» к концу 1946 года колхозам области было возвращено (читай: навязано обратно) 86 611 га пахотных земель и сенокосных угодий, переданных различным организациям¹¹³. В целом по стране за этот год было возвращено 4,7 млн га земель, в том числе от колхозников – 521,5 тыс. га (плюс к этому 140 тыс. голов скота)¹¹⁴. А всего же за 1946–1950 годы колхозам было возвращено 7,3 млн га земель¹¹⁵. В том числе на Урале только в Свердловской области за эту пятилетку возврату подверглись 10 372 га пашни и сенокосов (кстати, в соседней Башкирии у колхозников было изъято 13 000 га пашни и 11 219 голов скота)¹¹⁶.

Конечно, иностранным делегациям (которые хотя и редко, но посещали нашу страну) показывали не реальное положение дел, а то, что в обиходе называется «потемкинскими деревнями». Совсем эпизодически такие делегации заезжали и в нашу отдаленную от всех границ область. Так, в августе 1953 года в колхозе им. Свердлова Арамильского района побывала французская делегация, на вопросы которой отвечал председатель колхоза И.Я.Коршунов. Он с гордостью рассказал о том, что в 1952 году в их колхозе на каждый трудодень было выплачено: по 2,620 кг зерновых, 2 кг овощей и по 3 руб. 26 коп. деньгами. При этом каждый колхозник, по его словам, выработал за год в среднем по 450 трудодней, а каждая семья – 800–900¹¹⁷. Но, как можно увидеть по прил. 20, вышеприведенные цифры значительно превышали средние показатели по области в указанном году. Следовательно, и доходы колхозников данного коллективного хозяйства были много выше обычных. (Для сравнения: в Белоруссии в том же 1952 году в колхозах

¹¹² ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.235. Л.232.

¹¹³ Там же. Л.226.

¹¹⁴ Советская деревня в первые послевоенные годы. М., 1978. С. 71–72.

¹¹⁵ Мотревич В.П. Экономическая история России... С. 453.

¹¹⁶ Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале... С. 93; Толмачева Р.П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы... С. 72.

¹¹⁷ ЦДООСО. Ф.4. Оп.53. Л.171. Л.241.

восточных областей было выдано на один трудодень в среднем: деньгами — 37 копеек, зерном — 1 килограмм и картофелем — 1,4 килограмма, а в западных областях — деньгами — 27 копеек, зерном — 1,3 килограмма и картофелем — полкилограмма¹¹⁸.)

Заканчивая разговор о доходах колхозников, надо сказать, что они стали стабильно расти только после 1953 года. И толчком к этому стал сентябрьский (1953 года) Пленум ЦК КПСС. Хотелось бы заметить, что в работах ряда исследователей политика в области сельского хозяйства, намеченная упомянутым пленумом, именуется «новым курсом», ставшим, якобы, «переломным рубежом в развитии сельского хозяйства». Так, М.Н.Денисевич назвал его «поворотным событием в истории советской деревни»¹¹⁹. На наш взгляд, такая оценка решений данного пленума небесспорна, особенно если учесть состояние сельского хозяйства страны к тому времени.

Как известно, даже в развитых странах в сельском хозяйстве применяются обширные системы льгот и дотаций. В условиях же командно-административных методов управления экономикой аграрный сектор был просто обречен на перманентную дотационность. Такое положение было нетерпимым даже для жесткой командно-административной экономики. Поэтому в дальнейшем, особенно после 1953 года, положение и стало меняться. В условиях низкой эффективности сельскохозяйственного сектора и нищей, бесправной жизни сельского населения никаких других решений, кроме как облегчающих положение колхозников, пленум в принципе и не мог принять. В этом отношении показателен такой факт: в январе 1954 года Н.С. Хрущев (избранный, кстати, на сентябрьском Пленуме Первым секретарем ЦК КПСС) направил записку в Президиум ЦК КПСС, в которой привел данные о хлебных ресурсах страны. Из этих данных следовало, что в

¹¹⁸ *Наумов В. и Сизачев Ю.* Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 61–62.

¹¹⁹ *Денисевич М.Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале... С. 104.

1953 году хлеба в стране было заготовлено не только меньше, чем в 1951 и 1952 годах, но даже меньше, чем в 1940 году¹²⁰.

Но зато: «По отдельным видам военно-промышленного производства с 1945 г. по 1950 г., по данным Отдела ЦК ВКП(б) по машиностроению, были достигнуты следующие результаты:

1. В авиационной промышленности. Создано более 20 типов самолетов, из которых 9 приняты в серийное производство; 30 образцов новых моторов и реактивных двигателей, 2 реактивных двигателя начали осваиваться в серийном производстве. Удельный вес реактивных самолетов в производстве авиационной техники увеличился с 1% в 1946 г. до 65 % в 1950 году. Под опытное производство передано 12 предприятий с 520 тыс. кв. метров площадей и 40 тыс. рабочих и ИТР. Вновь созданы радиолокационный институт и 7 ОКБ по радиолокации.

2. В промышленности вооружений. Разработано и подготовлено к испытанию 55 типов оптических приборов и 156 типов опытных образцов вооружения, из которых 10 начали осваиваться в серийном производстве. Производственные площади и парк станков выросли в 1,5 раза, количество НИИ и КБ – более чем в 5 раз.

3. В промышленности боеприпасов. Созданы и проходят испытание несколько новых видов боеприпасов: гамма-бронебойные снаряды и гамма-авиационные бомбы, усилена мощность зенитного и морского выстрелов. Отработаны и осваиваются в серийном производстве 87 новых элементов боеприпасов (взрыватели, трубки, заряды, капсулы и т.д.). Организованы 7 новых НИИ и 4 КБ...

4. В бронетанковой промышленности. Принят в серийное производство новый средний танк Т-54, который по вооружению, проходимости и маневренности превосходит средний танк Т-34. Разработан новый тип тяжелого танка «730» и артиллерийского самохода «530», приняты на вооружение плавающий танк «740» и гусеничный бронетранспортер «750»...

5. В военном судостроении. Решена задача постройки цельносварных корпусов боевых надводных и подводных кораблей из сталей повышенной прочности. Освоен метод сборки корпусов из плоскостных и объемных секций, с применением специальной технологической оснастки...»¹²¹

¹²⁰ Аджубей А.И. Те десять лет. М., 1989. С. 89.

¹²¹ Симонов Н.С. Указ. соч. С. 203.

Глава IV. Расходы и потребление: уровень выживания

4.1. Расходы семей рабочих и колхозников в послевоенные годы

Расходы, как известно, являют собой обратную сторону доходов. Отсюда должно быть понятно, что расходы исследуемых нами категорий семей изначально не могли быть большими. Представление об уровне расходов семей рабочих и колхозников, а также некоторых других категорий населения Свердловской области в исследуемый период дают приложения 11, 13–15, 17, 22–24, 30, 38, графики 6–8. При внимательном их рассмотрении можно сделать следующие выводы:

- динамика денежных расходов исследуемых категорий граждан в точности (что вполне естественно) повторяет динамику денежных доходов. Соответственно рост расходов граждан наметился в начале 1950-х годов. При этом наиболее быстрыми темпами росли расходы наименее обеспеченных категорий семей – служащих и колхозников (см. графики 4 и 6);

- как и в случае с доходами, наибольший уровень расходов имели ИТР областного центра. При этом наивысший уровень расходов также был зафиксирован в 1947 году. Такой аномальный рост расходов объясняется стремлением населения накануне реформы истратить свои наличные деньги и, превратив их в товары, спасти от обесценения;

- основными статьями расходов семей всех категорий населения (за исключением семей колхозников) были расходы на питание, приобретение одежды и обуви, уплату налогов и взносов. У семей колхозников структура расходов была несколько иной: расходы на питание были на втором месте по причине наличия ЛПХ. При этом данные расходы составляли у городских семей в среднем более 40 % (а иногда и более 50 %), а у колхозных семей они, видимо, не достигали и 30 %. Интересно, что к концу 1940-х годов удельный вес расходов на питание у промышленных рабочих, ИТР и служащих стал практически одинаковым (прил. 17). Уместно напомнить, что

График 6

Среднедушевые денежные расходы в семьях рабочих, ИТР и служащих промышленности и колхозников Свердловской области в 1946-1954 годах

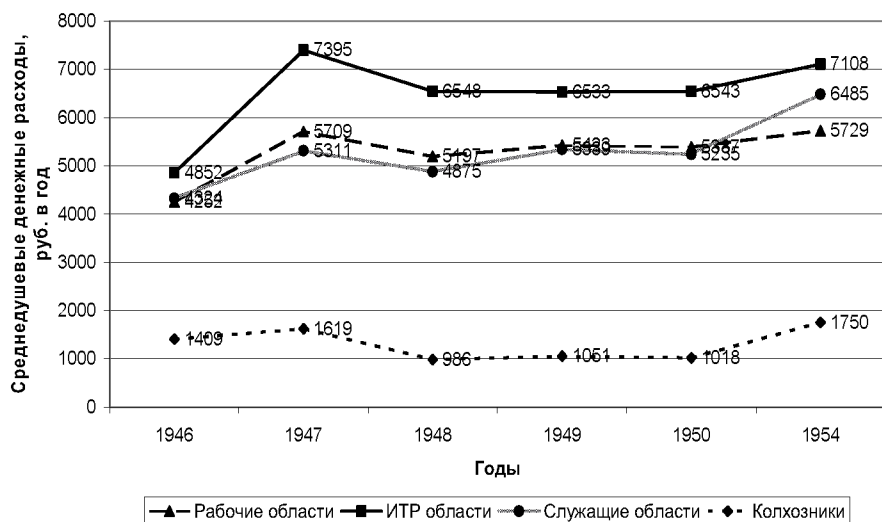
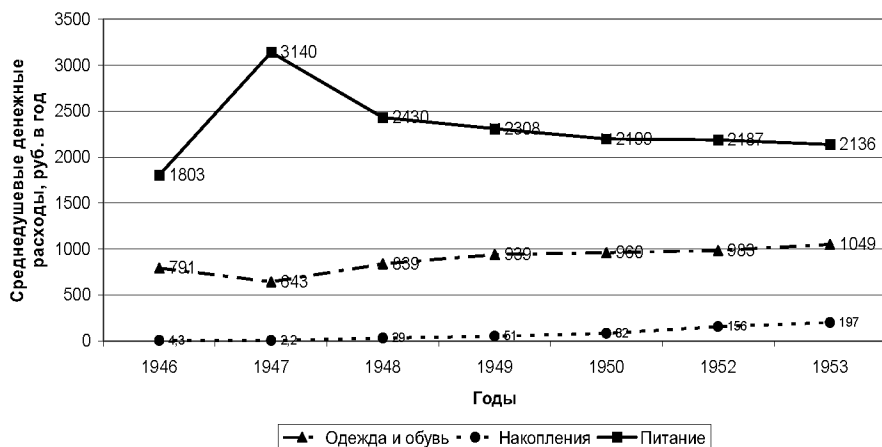

График 7

Среднедушевые денежные расходы на питание, одежду и обувь и накопления в семьях рабочих промышленности Свердловской области в 1946-1953 годах

в 1950 году американский рабочий в Нью-Йорке тратил на питание 32,6 % своего заработка. При этом для того, чтобы заработать деньги на покупку одного килограмма говядины, ему надо было проработать всего лишь 46 минут¹. Проведя несложные расчеты, мы увидим, что в упомянутом году свердловскому рабочему для совершения аналогичной покупки надо было проработать практически полный рабочий день. (Излишне говорить, что выбор мясoproдуктов у американского рабочего и время на их поиск также были совершенно иными);

– интересную динамику в первые послевоенные годы имели сбережения граждан. Они в своеобразной форме отразили те «уроки», которые население усвоило от денежной реформы 1947 года. Так, рабочие семьи после реформы значительно увеличили размеры своих накоплений в сберкассах, причем особенно это касалось рабочих периферийных предприятий. Примерно аналогичная метаморфоза произошла и со сбережениями семей служащих. А вот у семей ИТР наблюдалось явное «раздвоение» ментальности: в областном центре денежные сбережения этих семей после реформы снижались, а на периферии – выросли в 10 раз. Можно констатировать, что склонная к осмыслению происходящего часть населения усвоила урок реформы следующим образом: государству свои сбережения доверять нельзя (!);

– доля расходов населения на питание после 1947 года имела тенденцию к снижению, что явилось отражением эффекта от систематического снижения цен;

– расходы по уплате налогов и покупке облигаций государственных займов резко возросли только у одной категории населения – у колхозников, достигнув своего пика в 1949 году: 21 % всех денежных расходов средней колхозной семьи (см. прил. 23);

---

¹ Америка. 1960. № 48. С. 6–7.

– стабильно и довольно быстро росли расходы на оплату жилья и коммунальных услуг, что явно было вызвано обострением жилищной проблемы.

4.2. Общее состояние снабжения товарами первой необходимости

Начиная разговор об уровне *расходов и потребления* в семьях рабочих и колхозников в исследуемый период, надо начать с того, что в первом послевоенном году в стране не хватало буквально всего. Это напрямую касалось даже самого необходимого – хлеба.

На уже упомянутом нами совещании 1946 года первый секретарь обкома партии Недосекин признал, что «положение с обеспечением хлебом населения, особенно в области, остается в ряде городов и промышленных центров **крайне напряженным**» (выделено нами. – В.М.). Далее перечислялись и «точки напряжения»: Ирбит, Каменск-Уральский, Кировград, Кушва, Невьянск, Нижний Тагил, Нижняя Салда, Новая Ляля, Первоуральск, Полевской, Ревда, Серов. У непредвзятого читателя возникает при этом естественный вопрос: а где же в нашей области с хлебом было «ненапряженно»? Ответ так же естествен и удручающ: нигде!

Неурожай 1946 года прямо ударил по снабжению населения продуктами питания: уже в сентябре в магазинах отсутствовали мука и первого, и даже второго сорта, рисовая крупа, пшено, большинство других продуктов. Как сказано в одном из документов того периода, «отоваривание продовольственных карточек... производится продуктами низкого качества и узкого ассортимента... Для отоваривания мясных карточек имеются только импортные консервы и соленая рыба. Растительное масло годно лишь к реализации через общественное питание, а **в магазинах продавать нельзя**» (выделено нами. – В.М.). Руководство области в панике посылало телеграммы в Москву о бедственном положении региона².

Естественным ответом на чудовищный дефицит буквально всей номенклатуры товаров были, с одной стороны, попытки властей ограничить

² ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.171. Л.35.

потребительский спрос населения, а с другой – высочайший уровень криминогенности в экономике, прежде всего – в распределительно-торговой сфере. Об ограничениях в реализации хлеба мы уже говорили в предыдущем параграфе. Теперь поговорим о том, что творилось в распределении продуктов питания.

Кампании по экономии хлеба развивалась в стране по линии ужесточения контроля за его расходом. В сентябре того же, 1946-го, года с целью «проверки работы аппарата карточной системы» в городах и районах Свердловской области были созданы 83 комиссии, в состав которых было привлечено 4 500 человек. В ходе их работы было установлено, что «в городских и районных карточных бюро, как правило, нарушается порядок, установленный по уничтожению возвращенных неиспользованных или частично использованных хлебных и продуктовых карточек». В переводе на общедоступный язык это означает, что воровали, как правило, во всех так называемых карточных бюро. Поэтому только в Свердловске по актам проверок пришлось освободить от занимаемых должностей сразу 24 работника этих структур³. Но это помогло мало – в следующем, 1947-м, году только за 4 месяца в карточных бюро области было похищено 8 280 карточек и талонов, в том числе в Нижнем Тагиле – 300, в Сысерти – 75, в Верхней Пышме – 51⁴.

В Асбесте только по ОРСу треста «Союзасбест» было выявлено 89 человек, которые путем различных манипуляций с хлебными карточками нанесли государству ущерб на сумму 181 316 рублей. А в Реже контролеры местного контрольно-учетного бюро Боярских и Шмакова вступили в преступную связь с заведующими магазинами Зориной, Рукавишниковой, Холманской и Яковлевой. Члены данной преступной группы присваивали подлежащие уничтожению талоны хлебных и продовольственных карточек и повторно отоваривали их через магазины, а вырученные деньги делили между собой. Но наиболее вопиющий случай, вскрытый в ходе данной

³ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.224. Л.1–2, 61.

⁴ Там же. Оп.43. Д.171. Л.87.

кампании, произошел в Ленинском районе областного центра, где заведующая районным карточным бюро, некая Курбатова, растратила 2 826 продуктовых карточек на 10 170 кг хлеба, 802 кг мяса, 219 кг жиров, 539 кг крупы и 183 кг сахара⁵. Карточки не только воровали, но и подделывали: например, артист госфилармонии Сергеев таким путем нанес государству ущерб в 15 000 рублей⁶.

Непрерывно происходило воровство в системе Облпотребсоюза: сумма выявленных там растрат в 1945 году составила 2 млн 491 тыс. рублей, на 16 % превысив аналогичный показатель 1944 года. Воровали здесь и в дальнейшем – в 1946 году в этой крупнейшей торгово-заготовительной организации было выявлено растрат и хищений уже на сумму 6 млн 259 тыс. рублей (1,42 % к обороту) и в 1947-м – примерно столько же⁷. Принимаемые властями меры принесли ограниченный результат: в последующие годы воровство удалось лишь стабилизировать. Так, в 1949 году размер ущерба составил 2 млн 831 тыс. рублей (напомним, что в декабре 1947 года состоялась конфискационная реформа и объем денежной массы резко снизился), но и спустя почти 10 лет, в 1958 году, примерно ту же сумму: 2 млн 645 тыс. рублей⁸.

Если уж зашла речь о воровстве, то надо сказать, что рост хищений в победном, 1945-м, году произошел практически во всех звеньях торгово-распределительной системы: даже в небольшом ирбитском торге сумма таких «растрат» за год возросла почти вдвое – с 63 до 110 тыс. рублей. В следующем – 1946-м – году сумма растрат и хищений только по Невьянскому механическому заводу составила 35 783 рубля⁹. Всего же за 1946 год и первый квартал 1947-го только в торгующих организациях Свердловской области было разворовано более 120 тонн хлеба, 21 тонна круп, 27 тонн мясо-рыбных продуктов, 4 тонны жиров, 9 тонн сахара и много

⁵ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.171. Л.62. Д.224. Л.2–3. Оп.43. Д.171. Л.44.

⁶ Там же. Оп.43. Д.171. Л.88.

⁷ Там же. Оп.44. Д.240. Л.46.

⁸ Там же. Оп.41. Д.135. Л.21. Оп.43. Д.167. Л.90. Оп.58. Д.196. Л.103.

⁹ Там же. Оп.41. Д.148. Л.13.

других продуктов¹⁰. Наверное, рекорд в этой сфере поставила заведующая магазином из Алапаевска некто Макарова: эта мадам похитила 1 085 кг хлеба, 183 кг мяса, 133 кг крупы, 93 кг сахара, 67 кг жиров и другие продукты на общую сумму более 64 000 рублей¹¹.

Особенно высоким был уровень воровства и хищений на железнодорожном транспорте: по области только за первое полугодие 1947 года было раскрыто и арестовано 130 преступных групп в составе 502 человек, «специализировавшихся» на хищениях грузов их вагонов¹². На станции Шувакиш в 1949 году была выявлена группа воров во главе с самим начальником станции Евдокимовым, успевшая нанести ущерб в 145 тысяч рублей¹³. (Название этой станции в 1970–1980-х годах прогремело на всю страну¹⁴.) Воровали и в других отраслях: в том же 1949 году была разоблачена группа расхитителей на Свердловском заводе № 170 (завод обработки цветных металлов) в количестве 12 человек. Им вменялось в вину хищение платины, золота и серебра на сумму 154 986 рублей, причем только золота было украдено более килограмма. И такие примеры можно множить и множить¹⁵.

Перебои в снабжении населения хлебом были, вообще говоря, неизбывным явлением: в 1946 году трудящиеся знаменитого Уралмашзавода простаивали в очередях за хлебом по 4–5 часов. При этом хлеб был низкого качества, с большой влажностью¹⁶. В следующие годы положение с хлебом практически мало менялось. В 1947 году вездесущие «органы» снова зафиксировали большое количество «негативных» высказываний населения по этому поводу. Так, рабочий Милютин из Кировграда с горечью сказал: «...везде воруют, государство всех с малолетнего возраста приучает

¹⁰ ЦДООСО. Ф.4. Оп.43. Д.167. Л.90.

¹¹ Там же. Д.171. Л.85.

¹² Там же. Л.128.

¹³ Там же. Оп.45. Д.205. Л.9–10.

¹⁴ Речь идет о знаменитом официально разрешенном вещевом рынке, называемом в народе «барахолкой». Причину того, что власти терпели это (достаточно, кстати, уродливое) проявление рынка озвучил сам Б.Н.Ельцин, бывший в ту пору первым секретарем Свердловского обкома КПСС: «Он (рынок. – В.М.) позволяет нам держать спекуляцию под контролем».

¹⁵ ЦДООСО. Ф.4. Оп.45. Д.205. Л.3.

¹⁶ Там же. Л.203–204.

воровать. Детям дают по 300 граммов хлеба, они недоедают, всегда голодные и ищут, где что-либо украсть и покушать». Работница Невьянского райздравотдела с «хлебной» фамилией Пшеничная сокрушалась: «Я не знаю, скоро ли кончатся наши страдания с хлебом, что-то им конца не видно». А бригадир такелажников Невьянского механического завода был категоричен: «Хлеб отправляют за границу, а нас морят, держат на голодном пайке». Дальновиднее многих был рабочий Невьянского цементного завода Комовский: «Нужно... чтобы колхозники не сдавали хлеб государству, а продавали его на базаре свободной торговли»¹⁷.

Наступивший 1948 год мало что изменил в продовольственном обеспечении населения, которому по-прежнему не хватало основного продукта питания – хлеба. Так, сразу же после проведения денежной реформы, с января 1948 года, Министерство торговли сократило лимиты Свердловску по муке – на 1 000 тонн, а по всему городскому фонду области – на 2 000 тонн¹⁸. И без того неважное положение с обеспечением хлебом области сразу стало чрезвычайным. В одном из документов Свердловского обкома партии говорилось буквально следующее: «Особенно неблагоприятно положение с торговлей белым хлебом и хлебобулочными изделиями, которые в большинстве городов области и даже города Свердловска или вовсе отсутствуют, или продаются в незначительном количестве, в связи с чем в магазинах создаются большие очереди»¹⁹.

А в другом документе заместитель заведующего оргинструкторским отделом Свердловского обкома ВКП(б) Девиков сообщал первому секретарю обкома Недосекину: «В гор. Алапаевске за последние дни вследствие того, что завозимого в магазины хлеба хватает только для торговли в течение 2–3 часов, у магазинов создаются очереди в 200–300 человек. В результате давки в магазинах ломают окна, двери. 22 февраля в магазине ОРСа

¹⁷ ЦДООСО. Ф.4. Оп.43. Д.157. Л.6–8.

¹⁸ Там же. Оп.44. Д.240. Л.7.

¹⁹ Там же. Л.8.

металлургического завода от давки пострадали две женщины, которые увезены в больницу.

По сведениям госторготдела, городу ежедневно не хватает 5 тонн хлеба.

Еще более напряженное положение с продажей хлеба создано в гор. Каменске-Уральском. По указанию Облторготдела городу с 10 февраля сокращен лимит хлеба по сравнению с январем на 10 процентов. Об этом сообщили горторготделу только 20 февраля, и перерасход хлеба должен быть возмещен в течение десяти дней февраля. В продажу поступает 57 тонн хлеба вместо 85. Это создало неуверенность у населения в возможности получить хлеб. У магазинов задолго до открытия создаются большие очереди»²⁰.

Последний документ датирован 24 февраля 1948 года. То есть после войны прошло уже почти три года, была отменена карточная система, прошла денежная реформа, а положение с хлебом было практически тем же, что и в годы войны. Кстати, помимо хлеба с начала 1948 года нашей области были сокращены также и лимиты по рыбопродуктам – на 25 %, мясопродуктам – на 18 %, жирам растительным и животным – соответственно на 17 и 15 %. Видимо, некоторой компенсацией этому было увеличение лимитов на сахар (на 9 %) и кондитерские изделия (на целых 48 %)²¹. Но и в следующем, 1949-м, году, например в Красноуральске, весь весеннее-летний период в продаже отсутствовали свежее мясо, рыба, вареная колбаса и другие продтовары²².

Плачевно обстояло дело и с обеспечением продуктами питания в первые послевоенные годы, что отражено в огромном количестве архивных документов. Например, в «Информации о состоянии торговли в январе месяце 1948 года по г. Свердловску и области» говорилось следующее: «Повышенный спрос населения имеют такие продукты, как крупа, макаронные изделия, масло растительное и дешевые сорта кондитерских

²⁰ ЦДООСО. Ф.4. Оп.44. Д.240. Л.70.

²¹ Там же. Л.8.

²² Там же. Оп.45. Д.219. Л.3.

изделий – печенье и пряники. Крупы и макаронные изделия в торговую сеть в течение всего января месяца поступали в очень ограниченном количестве, и во всех городах и рабочих поселках за ними образуются очереди. При неполном использовании лимитов на продажу мяса и мясопродуктов спрос на них остается неудовлетворенным за отсутствием на базах Мясомолсбыта мяса выше средней и даже средней упитанности. В продаже отсутствуют свинина, сало шпиг, свино-копчености и колбасные изделия за исключением вареных сортов... Нет в продаже свежемороженой рыбы частиковых пород и сельдей. Из других продовольственных товаров отсутствуют в продаже... яйцо, сахар-рафинад, молоко, картофель, овощи, дрожжи, специи, халва, свежие и сушеные фрукты»²³.

Весь процитированный нами документ просто убивает своей безысходностью. Невольно возникает вопрос: **а что вообще было тогда на полках наших магазинов?** Частичный ответ на этот вопрос можно найти в том же документе, где говорится, что из-за высоких цен плохо реализуются **водка, вино, пиво и консервированные фрукты**. На одном из совещаний 1946 года первый секретарь обкома партии Недосекин высказался вполне конкретно, заявив, что «50 % товарооборота – спиртные товары».

Наиболее тяжелое положение было в глубинке: туда часто вообще ничего просто не доходило. Так, на одном из совещаний председатель Зайковского райпотребсоюза жаловался, что торговые организации района «...три месяца не получали крупы, кроме гороха»²⁴. На такую неразбериху централизованного снабжения рынок сельхозпродуктов (а какой-никакой, он все-таки был) реагировал широким разбросом цен: например, в марте 1947 года картофель можно было купить на рынке Верхотурья по 9 рублей, а в Североуральске – по 20 рублей за килограмм. В то же время килограмм мяса стоил в Бутке 30, а в Богдановиче – 60 рублей²⁵.

²³ ЦДООСО. Ф.4. Оп.44. Д.240. Л.9.

²⁴ Там же. Оп.41. Д.135. Л.184, 235. Д.240. Л.9.

²⁵ Там же. Оп.43. Д.167. Л.45.

О том, как жило население Свердловской области (да и всей страны) в первые послевоенные годы, можно судить по перечню вопросов, наиболее часто задававшихся на различных публичных мероприятиях: собраниях, политинформациях и т.д. (см. прил. 53–54). Они необыкновенно ярко высвечивают потребности советских людей в то, уже далекое от нас, время. Так как возможность задать такой «интересный» вопрос какому-нибудь заезжему лектору была далеко не у всех (да и задавать такие неоптимистические, упаднические вопросы было небезопасно), люди чаще задавали их друг другу. А затем, кстати, нередко сами же и отвечали на эти тяжелые вопросы. Такие «разговоры», естественно, фиксировались органами госбезопасности и доводились до сведения властей. Так, начальник Билимбаевского райотдела МГБ лейтенант Мешков спецзапиской от 30 ноября 1946 года под грифом «совершенно секретно» сообщал в обком партии об «отсталых» и «нездоровых» настроениях населения вверенного ему района:

– Правители нам говорят, что теперь после войны рабочим будет жить лучше. Трепались, что отменяют карточки, а делают наоборот, нечего сказать дождались улучшения (Белосток, работник ОКСа Труболитейного завода);

– Рабочему добавили 100 руб., а берут с него за продукты больше в два раза, вот и поживи (Оборин, шофер того же завода);

– 29 лет существует власть, а все же наше руководители не научились руководить хозяйством (Скорынин, модельщик того же завода);

– В России жизнь дороже, чем в Германии, здесь заработка не хватает на продукты (Синяк, работник Карьероуправления, репатриант)²⁶.

В обком партии потоком шли тревожные сообщения о том, что «трудящихся не удовлетворяет ассортимент товаров, имеющихся в магазинах. Особенно недовольны отсутствием крупы, макарон, муки. Они (трудящиеся. – *В.М.*) высказывают недовольство высокими ценами на винно-

²⁶ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.171. Л.70–71.

водочные и табачные изделия»²⁷. Впрочем, не хватало не только продуктов питания, но и обычной питьевой воды. Как отмечалось в одном из документов, датированном 1946 годом, «в некоторых городах трудящиеся пьют грязную воду». К таким «некоторым» относился, например, второй по величине город области – Нижний Тагил, жители которого в военное и послевоенное время пили воду прямо из... загрязненного городского пруда. И это продолжалось даже тогда, когда был построен водопровод, который не функционировал по чисто бюрократической причине – его никто не хотел брать на баланс. При этом речь идет всего лишь о простой питьевой воде. Если же говорить о различных безалкогольных напитках, то они также относились к категории дефицитных. Характерно в этом плане высказывание Недосекина, сделанное им в 1946 году: «Нужно немедленно... решить вопрос, чтобы мы свободно торговали газированной водой, квасом и пивом, а ведь в Свердловске вы не найдете **ни одного** (выделено нами. – В.М.) такого киоска»²⁸.

В особенно бедственном положении находились граждане, прибывшие в область в годы войны и после нее – репатриированные и набранные по оргнабору (как их тогда называли – «вербованные»). Много таких граждан работало на печально известном в 1940-х годах Дегтярском медном руднике, «славящемся» тяжелейшими жилищными условиями. Только из Воронежской области до 1 ноября 1946 года на рудник прибыло 1199 человек. В справке, озаглавленной «О бытовом устройстве вербованных рабочих на Дегтярском руднике» и подписанной заместителем заведующего отделом металлургии обкома ВКП(б) Шевченко, приводятся слова одного из таких граждан, некоего Бородина: «5 октября нас прибыла партия 130 человек. Никто нас не встретил. В течение 7 дней мы не получали никакого питания. С 12 октября, после оформления на работу, [мы] до сего времени не прикреплены к столовой и не получаем горячей пищи... Из этой партии многие убежали с рудника».

²⁷ ЦДООСО. Ф.4. Оп.44. Д.240. Л.39–40.

²⁸ Там же. Оп. 41. Д.138. Л.25. Д.235. Л.245.

В том же документе можно прочесть далее: «Демобилизованные из армии т.т. Киселева и Бакалова – обе награжденные медалями – заявляют, что на фронте в боевой обстановке они чувствовали постоянную заботу о себе, имели возможность мыться, менять белье и быть сытыми, а на руднике, работая в шахте, ходим грязные, полуголодные, спим на грязных постелях, в холодных бараках... Семейные рабочие не обеспечены насущно необходимой мебелью, нет столов, табуреток, нет кроватей, не все обеспечены топчанами и постельными принадлежностями... Не имея топчанов и постелей, многосемейные укладывают своих детей на холодном полу, многие дети простужены и болеют. У большинства семей нет кухонной и столовой посуды, нет ведер, тазов, корыт, умывальников, вода не подвозится, внутренние уборные в домах не работают. Абсолютное большинство детей школьного возраста не посещают школу из-за отсутствия верхней одежды и обуви, по этой же причине многие дети дошкольного возраста не посещают детские садики... Большая часть рабочих не имеет зимней одежды и обуви. Все эти завербованные рабочие-одиночки и семейные в большей своей массе либо демобилизованные из армии или семьи погибших на фронте. Значительная часть из демобилизованных имеет многократные правительственные награды»²⁹.

1948 год был отмечен в повседневной жизни советского народа одним событием, которое никак не способствовало облегчению его жизни и улучшению материального положения. С начала этого года постановлением Совета Министров СССР все продовольственные и промтоварные магазины страны были переведены на единые часы торговли и стали торговать только в течение рабочего дня. Естественно, это вызвало массовое недовольство населения.

В связи с этим событием в одном из документов того времени сообщалось, что так как «новые часы торговли хлебных и продовольственных магазинов совпадают с часами работы основной массы

²⁹ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.148. Л.65–66.

трудящихся на предприятиях и в учреждениях, а также ограниченностью дежурных магазинов, население высказывает по этому поводу много нареканий о невозможности покупать в рабочие дни хлеб и другие продукты. В хлебных и продовольственных магазинах городов Свердловска, Нижнего Тагила, Серова, Каменска-Уральского наблюдаются очереди до открытия магазинов, после перерыва и за час до закрытия магазинов»³⁰. Дежурных магазинов и впрямь было немного – например, в Нижнем Тагиле на весь город всего два, у которых сразу же стали собираться очереди в 100–150 и более человек³¹. Впрочем, в таких городах области, как Каменск-Уральский, Кировград, Первоуральск, Серов, дежурных магазинов не было вообще³².

Как сообщают источники, уже на второй день этого «нововведения», 7 января, в Орджоникидзевском районе Свердловска непрерывно звонили телефоны в райторготделе и райкоме партии. Особенно много было звонков от инженерно-технических работников УЗТМ и других предприятий, которые жаловались на то, что после работы не могут купить хлеба, так как работают с 9 часов утра до 6 часов вечера, а перерыв на работе совпадает с перерывом в магазинах.

В другом районе – Чкаловском – секретарь парторганизации завода «Вторчермет» Швецов сетовал на то, что «дежурного магазина вблизи завода нет. Рабочие кончают работу в 5 часов и к 6 часам едва успевают дойти до магазина, который к этому времени закрывается. Много молодежи, у которых ходить по магазинам днем некому, остаются без хлеба и продуктов»³³. Труднее же всего пришлось матерям-одиночкам, которые задавали вопрос: «Куда идти после работы – в ясли, детсад за ребенком, или скорее бежать за хлебом?»³⁴

³⁰ ЦДООСО. Ф.4. Оп.44. Д.240. Л.10.

³¹ Там же. Л.4.

³² Там же. Л.38.

³³ Там же. Л.2.

³⁴ Там же. Л.1.

В результате многие граждане стали в выходные дни чаще посещать колхозный рынок, который отреагировал на происходящее вполне рыночному – повышением цен. Так, секретарь Серовского горкома партии Исаев сообщал в обком ВКП(б), что на рынке «получился большой приток народа», в результате чего «цены повысились почти в два раза: если до этого мясо стоило 25–30 рублей за кг, молоко – 5–6 рублей литр, картофель – 8–10 рублей ведро, лук – 8–10 рублей кг, то в воскресенье мясо было уже 35–50 рублей кг, молоко 8–10 рублей, лук 15 рублей кг, картофель 20 рублей ведро»³⁵. Примерно та же картина наблюдалась в Каменске-Уральском, где цены на мясо и молоко повысились на 25 %³⁶. Но тот же хлеб нужен ежедневно, и его покупали втридорога у спекулянтов уже вечером после работы, как работница свердловской фабрики «Одежда» Федотова, которой пришлось отдать за булку хлеба 10 рублей³⁷.

Кстати сказать, убогий ассортимент продовольственных товаров привел к тому, что подчас советскому гражданину просто нечем было даже «закусить» выпитое спиртное. В одном из своих выступлений партийный руководитель области Недосекин, критикуя работников заготовительных и торгующих организаций, так сказал об этом: «Мы не умеем... солить огурцы и помидоры... Попробуйте найдите порядочный огурец – не найдете»³⁸.

В отчаянных попытках хоть как-то увеличить производство сельскохозяйственной продукции власти вынуждали крупные промышленные предприятия обзаводиться так называемыми подсобными хозяйствами – прежде всего растениеводческими и животноводческими. Естественно, что продуктивность таких хозяйств была очень низкой, о чем сказал однажды и сам Недосекин: «...садят картофель 2 тонны, получают одну тонну, получают 2–3 литра молока с коровы»³⁹.

³⁵ ЦДООСО. Ф.4. Оп.44. Д.240. Л.5.

³⁶ Там же. Л.39.

³⁷ Там же. Л.2.

³⁸ Там же. Д.135. Л.32.

³⁹ Там же. Л.243.

Например, в 1945 году в подсобных хозяйствах предприятий местной промышленности средняя урожайность картофеля и овощей была смехотворно низкой – соответственно 38 и 61 ц с га (6 млн 800 тыс. руб. убытка). Немногим лучше она была в хозяйствах предприятий черной металлургии: 51 и 73 ц (9 млн 392 тыс. руб. убытка). Но все рекорды неурожайности побили подсобные хозяйства продснаба Средуралмедьзавода – там получили 21 ц картофеля и 22 ц овощей (601 тыс. руб. убытка). Тем не менее, и после окончания войны партийные руководители (тот же Недосекин) вопреки фактам упорно твердили, что «если вести хорошо подсобное хозяйство, то ряд предприятий... имеют величайшие выгоды». Так, в пример другим ставили подсобное хозяйство Кировградского медьпродснаба (пос. Быньги), но и там картофеля собрали всего лишь 80 ц, а овощей – 150 ц с га. Думается, что выгоды имели прежде всего руководители предприятий, имеющих подсобные хозяйства. Не зря работница одного из свердловских заводов следующим образом выразилась по этому поводу: «Я работаю здесь 7 лет, а с подсобного хозяйства не получала ни одной картошки»⁴⁰.

Неэффективность подсобных хозяйств осознавали и сами их работники. В архивных материалах сохранилось письмо работницы подсобного хозяйства Нижнесалдинского металлургического завода Анастасии Демьяновны Дремлюги в обком партии. В нем она, малограмотная (как можно судить по письму) женщина, сообщала партийным властям о крайнем неблагополучии в хозяйстве: низкой продуктивности, примитивной агротехнике, некомпетентности руководства. Никаких последствий эта жалоба не имела – просто проверивший изложенные в письме факты инструктор обкома Белопеев спокойно отметил в своей справке, что «за последние годы подсобное хозяйство... получает исключительно низкие урожаи и низкую продуктивность животных». Они и впрямь были

⁴⁰ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.171. Л.40. Оп.44. Д.135. Л.39, 244.

неприлично низкими: ведь за 1946 год урожайность зерновых в хозяйстве составила 4 ц, кормовых и корнеплодов – 19 ц, овощей – 47 ц с га⁴¹.

4.3. Потребление продуктов питания

Послевоенные годы не случайно в литературе (и научной, и ненаучной) именуются не иначе, как «тяжелыми». И это совершенно справедливо, особенно если внимательно проанализировать уровень потребления продуктов питания в послевоенные годы. Представление о количестве потребляемого населением продовольствия дают приложения 40–46 и графики 9–11. Изучая их, можно сделать следующие выводы:

- довольно резкий рост потребления хлебопродуктов (особенно у колхозников) в 1948 году связан, конечно, с отменой карточной системы, в результате чего население смогло наконец-то покупать хлеб по государственным розничным ценам в необходимых ему количествах. В дальнейшем потребление хлеба в семьях ИТР и служащих снизилось;

- в противовес хлебопродуктам стало снижаться непомерное по физиологическим нормам потребление картофеля (особенно у колхозников);

- наиболее интересную динамику имело потребление мясопродуктов. В первый пореформенный год оно было ограничено по причине некоторого снижения доходов. В дальнейшем же потребление мяса стало быстро расти, особенно в 1949–1950 годах. При этом темпы роста у разных категорий граждан были различными. В результате семьи колхозников, потреблявшие в 1946 году мяса больше всех, к исходу десятилетия оказались по этому показателю на последнем месте. У остальных же категорий населения в эти годы произошел своеобразный «мясной бум»: например, служащие предприятий области в 1950 году потребили мяса в два с лишним раза больше, чем в 1948-м. Секрет такого «бума» печален и прост: потребление мясопродуктов населением области в послевоенные годы изначально находилось на запредельно низком уровне. И даже после упомянутого

⁴¹ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.147. Л.48–50.

График 8

Среднедушевое потребление хлеба и хлебопродуктов в семьях рабочих, ИТР и служащих промышленности и колхозников Свердловской области в 1946-1951 годах

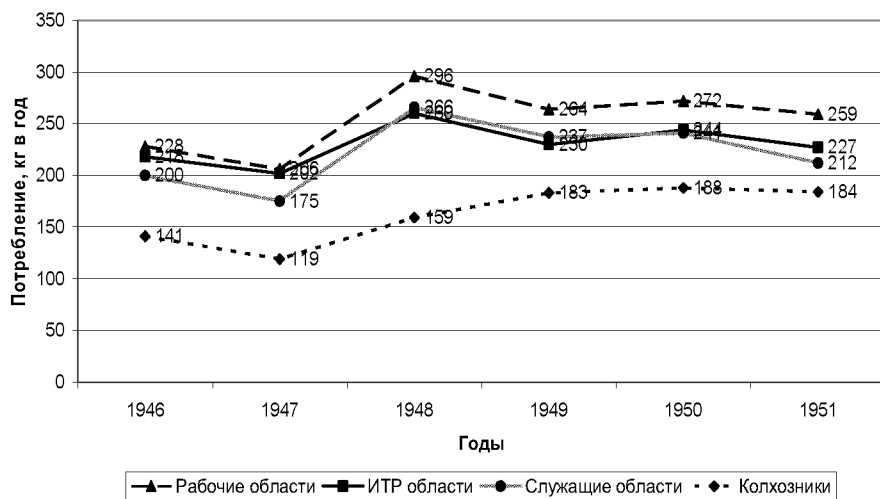

График 9

Среднедушевое потребление мяса и мясопродуктов в семьях рабочих, ИТР и служащих промышленности и колхозников Свердловской области в 1946-1954 годах

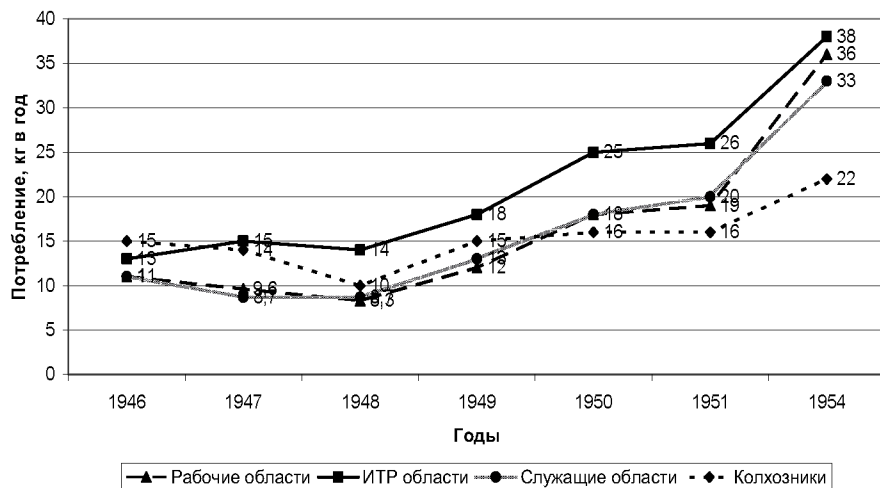
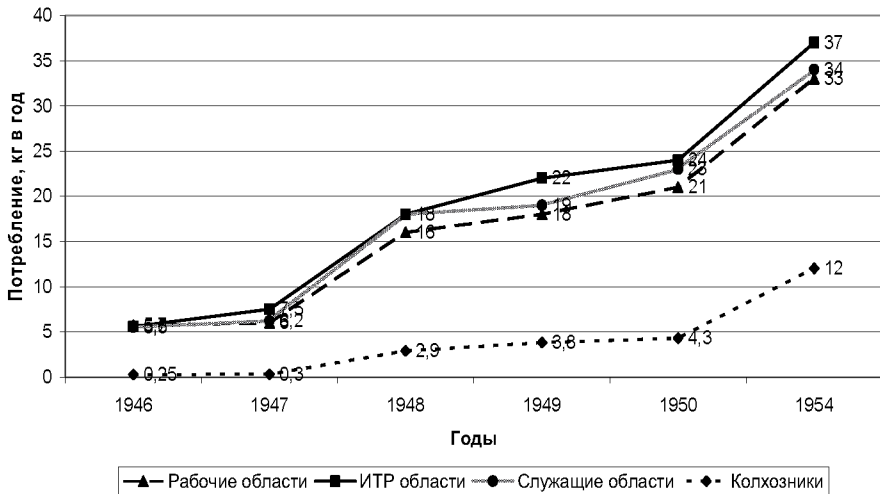

График 10

Среднедушевое потребление сахара и кондитерских изделий в семьях рабочих, ИТР и служащих промышленности и колхозников Свердловской области в 1946-1954 году

«бума» потребление населением мяса тем не менее никак не соответствовало физиологическим нормам;

- динамика потребления рыбопродуктов в указанные годы была неоднозначна, но можно утверждать, что в целом потребление этого вида продуктов питания снизилось;

- потребление молока и молочных продуктов в целом росло (за исключением колхозников);

- столь же быстро (и тоже по причине крайне низкого базового уровня потребления) в первом послевоенном пятилетии росло потребление яиц;

- также неуклонно в целом росло потребление фруктов – как свежих, так и сушеных. Исключение здесь, что интересно, опять составили семьи колхозников, у которых такого роста в общем не произошло;

- потребление овощей и бахчевых неуклонно снижалось. Дольше всех в этом плане «держались» колхозники, но в крайне неудачном 1950 году и у

них (несмотря на наличие ЛПХ) резко снизилось потребление этого вида продуктов;

– наконец, «специфические» расходы на покупку спиртоводочных и табачных изделий в целом не росли, а вторых – даже снижались. Это, с одной стороны, объясняется стабилизацией доходов населения, а с другой – массовым использованием суррогатов в качестве заменителей данных «продуктов». На этом фоне не может не привлечь внимание скачкообразное увеличение потребления сахара и кондитерских изделий за пять послевоенных лет: например, потребление сахара колхозниками возросло почти 15 раз (!), а потребление кондитерских изделий в рабочих семьях – в несколько раз. Конечно, на фоне голодных военных лет увеличение потребления такого необходимого продукта, как сахар, выглядит естественным. Но таким высоким темпам этого увеличения, думается, нет другого разумного объяснения, кроме как резко возросшие масштабы самогоноварения, для чего требовалось большое количество сахара. Наши выводы подтверждаются данными, которые приводит в своей монографии В.Ф.Зима. Так, он пишет, что лишь за два первых месяца 1947 года в стране за самогонование было привлечено только к уголовной ответственности 15 867 человек и изъято 12 864 самогонных аппарата⁴².

В минувшие, «застойные» для нашей страны, годы, говоря о потреблении продуктов питания, исследователи народного быта обычно замалчивали деликатный вопрос о потреблении алкогольных напитков. Проблема пьянства в стране хотя и признавалась (невнятно и глухо), но фактически не исследовалась. Мало того, находилось множество доброхотов – квасных патриотов, с готовностью оправдывающих поголовное пьянство «национальными традициями». Слегка перефразируя слова некогда известного советского писателя, можно сказать, что водка заняла свое место

---

⁴² Зима В.Ф. Указ. соч. С. 113.

в великолепном ряду народных традиций, оправдываемых смутно, но гордо⁴³.

Позднее, уже в «перестроечные» годы, нашлись желающие доказать недоказуемое – а именно, что российский (чаще употреблялся термин «русский») народ никогда не был склонен к пьянству и всегда отличался большим благонравием. Так, доцент Российской академии государственной службы при Президенте РФ в самом растиражированном еженедельнике пытается убедить нас в том, что россияне стали спиваться совсем недавно – только во второй половине XX века: «Исторически в России пили не очень много... Не могли наши предки много пшеницы на водку переводить. Потребление алкоголя растет во всех странах во время модернизации, когда появляется излишек продовольствия. В России люди впервые зажили нормально в 1960-е годы и **сразу же стали покупать все больше водки**» (выделено нами. – *В.М.*)⁴⁴.

Уважаемого доцента и других сторонников данной патриотичной теории можем отослать к уже давно забытой (она была издана в нашей стране в 1935 году), но необыкновенно увлекательной книге голландского путешественника XVII века Яна Стрейса⁴⁵. Парусных дел мастер и, судя по всему, большой любитель путешествий, он оставил потомкам исключительно интересные записки о своих странствиях, в том числе и по России времен царя Алексея Михайловича. Автора трудно заподозрить в пристрастном отношении к нашей державе, да и выдумать такие подробности достаточно нелегко. Впрочем, судите сами.

Вот что Ян Стрейс пишет о россиянах того далекого времени: «Они называют водку вином и считают ее самым почетным напитком; ее пьют без разбора мужчины и женщины, духовные и светские, горожане и крестьяне, до и после еды, целый день, как у нас вино; в нее добавляют перцу и считают это лекарством. Простой народ так падок на водку, что даже в сильные

⁴³ *Соболев Л.С.* Капитальный ремонт. М., 1962. С. 86.

⁴⁴ Аргументы и факты. 2006. № 23.

⁴⁵ *Стрейс Я.Я.* Три путешествия. М., 1935.

морозы пропивает, если нет денег, верхнюю одежду, и шапку, и более того – сапоги, чулки и рубаху и выходит из кабака или трактира в чем мать родила... Такая безнравственность и распущенность в прежние времена не считалась постыдной, а только потешной забавой»⁴⁶.

Но, чтобы уж совсем смутить уверовавших в изначальную святость наших предков, приведем еще одно беспощадное высказывание этого путешественника о «москвичах»: «Никогда они не бывают так дики, невоздержанны, как на масленице, которую проводят в жратве, пьянстве и разгуле, отчего возникают непорядки и бесчинства, вплоть до убийств. Так как это происходит зимой, то можно видеть русских, напившихся до потери сознания и замерзших на дороге; их перевозят... в божий дом (видимо, что-то наподобие современного морга. – *В.М.*). Невиданное зрелище являют замерзшие люди, лежащие на саях, без рук, ног или головы, истерзанные волками или медведями»⁴⁷.

На этом исторический экскурс в историю пьянства на Руси мы и закончим. Непредубежденному читателю должно быть понятно, что наш великий народ не был развращен алкоголем какими-то пришельцами. Он спивался постепенно, в течение веков и, видимо, не без удовольствия. Что же касается нашего региона, то динамика потребления алкоголя накануне и в ходе исследуемого периода представляется весьма интересной. Прежде всего, весьма примечателен тот факт, что довоенный уровень потребления водки был выше, чем в послевоенные годы.

Например, что касается колхозников, то в Свердловской области в 1940 году на одну наличную крестьянскую душу приходилось около 3 л водки в год, и этот показатель был превзойден только в 1957 (!) году⁴⁸. После же окончания Великой Отечественной войны потребление водки (а пили жители села в основном ее) практически не возрастало до 1953 года (см. табл. 4).

⁴⁶ *Стрейс Я.Я.* Указ. соч. С. 163–164.

⁴⁷ Там же. С. 175.

⁴⁸ Источник: ГАСО. ФР1813. Оп.1. Д.457. Л.63, 66, 72, 77. Оп. 14. Д.2796. Л.48, 49, 56, 57 (расчеты автора).

Таблица 4

**Среднедушевое потребление водки колхозниками Свердловской области
в 1940–1953 годах, л**

Годы	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953
Потребление водки	3,1	2,1	0,6	0,6	0,6	1,0	1,2	0,9	0,4	0,8	1,0	1,1	1,2	1,7

Источник: ГАСО. Ф.Р1813. Оп.1. Д.457. Л.63, 66, 72, 77. Д.513. Л.56–57, 60–61, 81–82, 85–86. Д.514. Л.64–65, 68–69, 82–83, 86–87. Д.515. Л.74, 77–78, 86–89. Д.516. Л.78, 81, 93, 98. Д.517. Л.82, 85, 91, 94. Д.518. Л.9–12. Оп.14. Д.47. Л.2–3, 9–10. Д.290. Л.34–35, 37–38. Д.401. Л.1–2, 18–19. Д.657. Л.11–12, 23–24. Д.914. Л.17–18А, 27–28. Д.1403. Л.1–2, 4–5, 12, 34, 322–323. Д.1916. Л.2–3, 5, 7–8, 10. Д.2866. Л.4–5.

Но из этого вовсе не следует, что крестьяне и другие категории населения стали меньше употреблять алкогольных напитков. Напротив, у нас, как мы уже отметили, есть веские основания утверждать обратное, а именно: в первые годы исследуемого нами периода произошел всплеск потребления алкогольной продукции. И главным доводом в пользу такого утверждения выступает резкое (в несколько раз) увеличение потребления сахара именно в 1948 году, то есть в момент минимального потребления «магазинной» водки.

Даже некоторое снижение цен на водку и другие спиртные напитки не меняло положения. Вот характерное высказывание, сделанное в 1949 году рабочим из Каменска-Уральского Никоновым после очередного снижения цен: «Цены на вино и другие водочные изделия хотя и значительно снижаются, но все же эти товары, по-моему, будут недостаточно ходовыми. Люди сейчас предпочитают варить брагу, поскольку она обходится во много раз дешевле»⁴⁹. Кстати, весьма заметным было повышение потребления сахара теми же колхозниками в 1948 году и в других регионах Урала: в Оренбургской области – в 5,7 раза по сравнению с предыдущим годом, а в Башкирии – даже в 14,7 раза⁵⁰. Для косвенной проверки данных выводов можно также обратиться к аналогичному показателю по Молотовской

⁴⁹ ЦДООСО. Ф.4. Оп.45. Д.219. Л.1.

⁵⁰ Рассчитано по: РГАЭ. Ф.1562. Оп. 324. Д.2228. Л.48, 49. Д.2663. Л.48, 49.

области, и мы увидим, что в 1946–1950 годах его динамика аналогична приведенной⁵¹.

Но зато: «В 1980 г. один из участников советского «Уранового проекта» Президент АН СССР А.П.Александров заявил: Теперь можно открыто и прямо сказать, что значительная доля трудностей, пережитых нашим народом в первые послевоенные годы, была связана с необходимостью мобилизовать огромные людские и материальные ресурсы, с тем, чтобы сделать все возможное для успешного завершения в самые сжатые сроки научных исследований и технических проектов для производства ядерного оружия⁵².

Говоря об особенностях рациона питания рабочих и колхозников, нельзя не сказать о динамике потребления продуктов питания в семьях колхозников. Действительно, анализируя указанные нами приложения, нетрудно заметить, что питание колхозных семей носило явный (сложившийся еще в военные годы) «картофельно-молочно-овощной» характер. В то же время крестьяне потребляли в меньшем (иногда – в значительно меньшем) количестве, чем городские жители – рабочие, такие продукты, как мясо, рыба, сахар, фрукты (мы уже не говорим о кондитерских изделиях и цитрусовых). Мало того – к 1951 году обозначилась тенденция к снижению потребления даже овощей и молока – основных продуктов питания крестьян. И тому были две главные причины.

Первая – общее состояние сельского хозяйства. Во второй главе мы уже говорили о том, с какими «успехами» сельское хозяйство области подошло к окончанию войны. Первый послевоенный год также начался для него тяжело. Вот некоторые характерные цифры только по животноводству: в Краснополянском районе только за январь–июнь 1946 года пало, было вынужденно забито и продано не от хорошей жизни 1 106 голов КРС, 1 765 овец и 2 256 свиней. За тот же период в районе пало 257 лошадей⁵³. В Каменском районе за 4 месяца 1946 года среднемесячный надой на корову

⁵¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.35. Д.2228. Л.47. Д.2663. Л.47. Д.3177. Л.46. Д.3714. Л.149.

⁵² **Симонов Н.С.** Указ. соч. С. 241.

⁵³ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.243. Л.2.

составил всего 35 литров, и за тот же период пало 337 голов КРС, 507 свиней, 1 673 овцы и 88 лошадей ...⁵⁴. И так далее, и тому подобное...

За первые мирные послевоенные годы в сельском хозяйстве области сколько-нибудь существенных изменений не произошло. Именно об этом говорилось на пленуме Свердловского обкома партии, состоявшемся 26–27 июля 1951 года. На нем подводились итоги работы сельского хозяйства области за предыдущий, 1950-й, год. В докладе председателя исполкома областного Совета депутатов трудящихся К.К.Николаева приводились такие убийственные факты:

«Одни только потери на уборке составили не менее 20–25 % всего количества зерна... [По Талицкому району] до 800 ц хлеба было испорчено по одному колхозу. Большое количество хлеба было сдано затхлого на спиртокомбинат... Средний надой на одну фуражную корову составил только 427 л [молока] или 23 % плана... [В колхозе им. Сталина Нижнесалдинского района] «... в 1947 году на трудодень не было выдано ни одной копейки, зерна 300 г; в 1948 году денег – 10 коп., зерна 600 г; в 1949 году денег – 10 коп., зерна – полкилограмма; в 1950 году – денег 30 коп., зерна – 430 г... В Шалинском районе большинство колхозов по организации труда и по производственному планированию стоят на уровне первых лет коллективизации 1931–33 годов, дошли до поденщины, уравниловки и обезличия. Сделанная работа в колхозах отсутствует, работают в колхозе скопом, скатились до того, что лишь бы человек в колхозе вышел на работу, а что он сделал, что он заработал – никого не интересует. Таково положение в колхозах Шалинского, Богдановичского, Красноуфимского и ряда других районов»⁵⁵.

Далее докладчик предложил «сразу после пленума провести во всех колхозах партийные собрания, где обсудить мероприятия по развертыванию массово-политической работы на уборке урожая... Расставить коммунистов на все решающие участки, выделить агитаторов». На это секретарь

⁵⁴ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.243. Л.115.

⁵⁵ Там же. Оп.49. Д.9. Л.12, 25, 52–53, 87, 92.

Североуральского горкома ВКП(б) Анисимов в своем выступлении приземленно возразил, что «люди у нас вербованные, а когда мы их снимаем с места, выдаем паспорта, они сразу смотрят, как бы уехать в Воронеж, в Тамбов, и меньше всего стремятся попасть в колхозы Свердловской области»⁵⁶. (Не надо забывать, что в стране еще действовало сталинское крепостное право.)

Но и в следующем году мало что изменилось. В одном из отчетных документов по итогам 1951 года отмечалось, что «в целом сельское хозяйство области продолжает отставать по основным, решающим участкам. В 1951 году не выполнен государственный план поставок хлеба, овощей и других сельскохозяйственных продуктов, не выполнен трехлетний план развития общественного продуктивного животноводства как по поголовью скота, так и по его продуктивности. Не выполнен также план накопления всех видов кормов и строительства животноводческих помещений, чем созданы тяжелые условия для зимовки скота»⁵⁷.

Прокомментировать приведенную выше цитату можно такими цифрами. План поставок государству в указанном году был выполнен только по одной позиции – мясу – на 101,2 %. По другим же видам сельскохозяйственной продукции процент выполнения был следующим: по яйцам – 97 %, сему – 95 %, молоку – 91 %, картофелю – 78 %, овощам – 76 %. Что же касается условий зимовки скота, то «тяжелые» – это в документе еще мягко сказано. Ведь в Свердловской области за 1951 год пало 35 800 голов КРС (9,4 % от общей численности стада), 80 900 свиней (15,2 %) и 83 800 овец (19,4 %). Огромный падеж овец и свиней был вызван, прежде всего, низкой обеспеченностью животных необходимыми помещениями: обеспеченность ими поголовья овец составляла 84,1 %, а свиней – 71,7 %⁵⁸.

При этом регулярно проводились пленумы обкома партии, «принимались меры», но заметного улучшения не наблюдалось: только за 6

⁵⁶ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.243. Л.53, 64.

⁵⁷ Там же. Оп.49. Д.136. Л.17.

⁵⁸ Там же. Оп.53. Д.171. Л.14.

месяцев уже 1953 года в области пало 13 000 коров, 34 700 свиней и 34 300 овец. Растущее поголовье общественного скота не обеспечивалось прочной кормовой базой, типовыми животноводческими помещениями. Сенокосные угодья в области были малопригодны и давали только 6–9 ц сена с га, причем заливных сенокосов (дающих повышенные урожаи сена) было только 36,5 тыс. га. За 1940–1953 годы площадь сенокосов сократилась на 23 тыс. га (фактически заросла лесом)⁵⁹.

В целом итоги 1953 года (последнего года исследуемого нами периода) для колхозного производства были плачевными, что констатировалось в справке сельхозотдела обкома партии: «В колхозах крайне низка урожайность зерновых и особенно овощей и картофеля. В 1953 году колхозы получили урожай зерновых 10,7 ц, овощей – 42,6 ц, картофеля – 32,6 ц с га... Надой молока на фуражную корову в колхозах области составил 965 л при плане 1 500 л, настриг шерсти на одну овцу – 1,7 кг, яйценоскость на одну несушку-курицу – 38,7 шт., на одну свиноматку получено 11 поросят. В колхозах Свердловской области крайне низки показатели по животноводству. В колхозах на 100 га сельскохозяйственных угодий приходится 12,2 головы КРС, в том числе 4,4 коровы... При этом на 100 га сельскохозяйственных угодий получено молока 41,3 ц, мяса – 6 ц в убойном весе... Плохо еще механизированы работы по сенокошению – 38 %, уборке картофеля – 46,5 %, силосованию – 61 %».

Далее обком партии, подводя итоги, самокритично признавал, что «сельское хозяйство области отстает от задач, поставленных XIX съездом партии... План роста общественного животноводства не выполняется, продуктивность его остается низкой, допускается падеж скота... Многие трудоемкие процессы сельскохозяйственного производства остаются немеханизированными и выполняются вручную»⁶⁰.

При этом опять же нельзя категорически сказать, что сельское хозяйство было совсем брошено властями на произвол судьбы. Например,

⁵⁹ ЦДООСО. Ф.4. Оп.53. Д.171. Л.13.

⁶⁰ Там же. Оп.49. Д.136. Л.22; Оп.52. Д.127. Л.121.

медленно, но неуклонно наращивалась его техническая оснащенность, центрами которой выступали машинно-тракторные станции – МТС. На 1953 год в области имелось 86 МТС, обслуживающие 693 колхоза с площадью пашни 1 280,7 тыс. га. Только за данный год в МТС области поступило 309 тракторов и 177 самоходных комбайнов. Численность работников МТС также непрерывно росла: в 1953 году там работало 17 383 человека, а уже в 1954-м – 22 391 человек. Но эффект был обратным: МТС области закончили 1953 год с чистым убытком в 1 473 тыс. рублей, что в 2,4 раза превысило убытки 1952 года. Из 86 МТС только 28 получили прибыль⁶¹.

Год от года росла и стоимость основных средств производства. Как отмечалось в одном из партийных документов, несмотря на труднейший военный период, с 1940-го по 1953 год основные средства производства колхозов увеличились с 225,6 до 667,6 млн рублей, а их денежные доходы – со 147 до 284,8 млн рублей⁶². Если взять в расчет количество трудоспособных колхозников в эти годы (246 059 и 155 100 человек соответственно⁶³), то легко рассчитать значительный рост фондовооруженности и зарплаты одного работающего колхозника: соответственно в 4,7 и 3,1 раза. Но, опять же, если учесть инфляцию и изначально низжайший уровень этих показателей, то даже и такой рост не мог радовать.

Таким образом, в первые послевоенные годы не произошло сколько-нибудь значительного роста и сельскохозяйственного производства, и материального благосостояния колхозников, хотя внешне, судя по количеству партийно-хозяйственных форумов, посвященных вопросам развития сельского хозяйства, партия и правительство постоянно держали эти вопросы в поле своего зрения. Р.П.Толмачева отмечала, что к концу четвертой пятилетки, то есть к 1950 году, в целом по стране и на Урале в частности «...наметилась тенденция к снижению темпов развития сельского

⁶¹ ЦДООСО. Ф.4. Оп.53. Д.171. Л.12–16.

⁶² Там же. Л.10.

⁶³ Там же. Л.9.

хозяйства»⁶⁴. Достаточно сказать, что в 1950 году посевные площади и валовое производство колхозов страны составляли 97 % от уровня 1940-го, а поголовье скота возросло всего на 2,5 млн голов⁶⁵.

Но зато: «...строительство Всесоюзного НИИ экспериментальной физики (п/я Арзамас-16), известного также под названиями Филиал Лаборатории № 2 и КБ-11, началось со сметы в сумме 30 млн руб., утвержденной постановлением Совета Министров СССР № 1286–25 от 21 июня 1946 года. Фактически за июнь–декабрь 1946 г. было израсходовано 88 млн руб. и 5 тыс. американских долларов. Создание системы охраны КБ-11, как особо секретного режимного предприятия, потребовало дополнительно еще 6 млн руб.

В конце 1947 г. строительные работы на объекте п/я Арзамас-16 в основном были завершены. В эксплуатацию вошли: цеха первого и второго опытных заводов, лабораторные корпуса, казематы и полигоны, специальный аэродром, телефонная станция, ТЭЦ, железная дорога, объекты коммунального и дорожного хозяйства, несколько десятков жилых домов. В начале 1948 г. производственная и жилая часть Арзамаса-16, представлявшая собой шестиугольник с общим периметром 56,4 км, была отделена от внешнего мира заборами колючей проволоки, сторожевыми вышками и контрольно-пропускными пунктами. О том, в какую сумму обошлось завершение строительства объекта п/я Арзамас-16, в литературе больше не упоминается»⁶⁶.

Крохотный просвет появился лишь в 1947 году: с 1 января Постановлением СМ СССР во всех регионах Урала повышались цены государственных закупок у колхозов. Так, 1 кг сдаваемой государству свинины теперь стоил 7,2–9 рублей, а литр молока – 1 рубль⁶⁷. Это сразу же положительно сказалось на животноводстве: за года поголовье КРС худобедно выросло на 3,3 %, лошадей – на 3,5 %, овец – на 6,2 %, свиней – на 10,9 %⁶⁸.

Вторая причина – отношение власти к колхозному крестьянству. Мы уже говорили о неудовлетворительном обеспечении населения в послевоенные годы, но надо подчеркнуть, что сельское население нашей страны **всегда** обеспечивалось хуже городского. Это подтверждают строки

⁶⁴ Толмачева Р.П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы... С. 217.

⁶⁵ Вербицкая О.М. Указ. соч. С. 52.

⁶⁶ Симонов Н.С. Указ. соч. С. 242–243.

⁶⁷ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.243. Л.31.

⁶⁸ Там же. Оп.43. Д.222. Л.10.

из документа Свердловского обкома партии, датированного 1948 годом, где говорится, что «к моменту отмены карточной системы сельская торговая сеть во многих районах не была своевременно обеспечена товарами, раймаги и лавки оказались пустыми»⁶⁹.

Коммунистическая идеология всегда рассматривала крестьянство прежде всего как класс собственников, а следовательно, как класс «реакционный» в отличие от «передового» класса наемных рабочих-пролетариев. В соответствии с этим идеологическим догматом и осуществлялась аграрная политика нашего государства, направленная в первую очередь на то, чтобы, во-первых, никоим образом не допустить появления даже незначительной прослойки зажиточных фермеров-земледельцев и животноводов, а во-вторых, превратить крестьянство в безгласное и послушное орудие осуществления своей экономической политики.

При этом предполагалось заставить крестьян обеспечивать продуктами питания не только самих себя, но и (разумеется, по дешевым ценам) все население страны, а промышленность – необходимым для ее нужд сырьем. Именно эти цели преследовали политика «военного коммунизма», потом – насильственно проведенная коллективизация, а в дальнейшем, вплоть до 1956 года, – крепостнический уклад сельского хозяйства. Поэтому вполне можно согласиться с В.П.Поповым, который назвал рассматриваемую нами проблему взаимоотношений Советского государства и крестьянства «ключевой для понимания истории России»⁷⁰.

На фоне беспросветной колхозной нужды в сельском хозяйстве наблюдалась тотальная криминализация производства. Непрерывные проверки соблюдения законности (и Устава сельхозартели в частности) раз за разом регистрировали нарушения всего и вся. Например, типичными нарушениями производственно-финансовой деятельности колхозов в то время были:

⁶⁹ ЦДООСО. Ф.4. Оп.44. Д.240. Л.46.

⁷⁰ Попов В.П. Указ. соч. С. 7.

- бесплатная или за низкую плату выдача продуктов;
- неэквивалентный обмен скота;
- отсутствие учета горючего;
- недостачи;
- расхищение леса;
- самовольная порубка деловой древесины;
- незаконная оплата;
- незаконное начисление трудодней⁷¹.

В архивных документах можно обнаружить описание множества примеров таких нарушений, имевших место буквально во всех районах Свердловской области. Приведем лишь некоторые из них.

Богдановичский район: «Растаскивание колхозного имущества происходит в виде взятия у колхозников бесплатно или за низкую плату колхозного скота, зерна и продуктов. В результате чего в течение года (в районе. – *В.М.*) отпущено бесплатно продуктов на 2 714 рублей... В колхозе им. Кирова Барабинского сельского совета имели место факты разбазаривания колхозных продуктов. Так, например, в 1951 году было отпущено бесплатно: механику Билейской МТС Жигалову продуктов на 532 руб., медицинскому фельдшеру Третьякову на 160 руб., землеустроителю Кайгородову на 276 руб., агроному сортучастка Шубину – на 77 руб. Всего было отпущено бесплатно на 1 900 руб.»⁷².

«В колхозе им. Буденного по инвентаризации на 1 января 1952 года выразилась недостача на сумму 18 619 руб.: плугов конных – 4 шт., хомутов – 22 шт., телег – 11 шт., борон – 56 шт., рам парниковых – 9 шт. седелок – 12 шт., окупчиков – 1 шт. ... В 1951 году был утерян (? – знак наш. – *В.М.*) бык в возрасте 1,5 года, кур 184 головы, поросят 4 головы, гусей 14 шт., овец 1 голова, но мер к взысканию с виновных лиц никаких не принято»⁷³.

⁷¹ ЦДООСО. Оп.50. Д.217. Л.13.

⁷² Там же. Л.13–14.

⁷³ Там же. Л.14–15.

«На 1 января 1952 года колхозы (района. – В.М.) остались должны колхозникам зерном 4 682 ц, деньгами – 1 013 тыс. руб. Колхозники остались должны колхозам зерном 2 511 ц, деньгами 585 тыс. руб.»⁷⁴.

Бисертский район: в колхозе «Память Ильича» в 1951 году и в начале 1952 года «разбазарено поросят 154 головы... Списано незаконно в так называемые «отходы»: ржи – 61,8 т, пшеницы – 106,1 т, овса – 56,4 т, ячменя – 366 кг»⁷⁵. Далее в справке подробно перечисляются уголовные деяния председателя другого колхоза – «Яна-Ул» – некоего Ханова (исключенного из ВКП(б) и отданного под суд), который в течение 1951 года разбазарил лично себе и прочим лицам 9 дойных коров и нетелей, 6 лошадей, 4 овцы и 22 головы свиней. При его бездействии в колхозе за год падеж скота составил: лошадей – 11, КРС – 62, овец – 80 и свиней – 10 голов. При этом убытки от падежа скота списывались на колхоз, виновные в падеже не выявлялись и не наказывались⁷⁶.

Красноуральский район: в 1951 году «достижения» районного сельского хозяйства были более чем убогими. Так, урожай зерновых культур составил 6,3 ц, картофеля и овощей – около 30 ц с гектара, надаивалось в среднем 809 л молока от коровы, настриг шерсти составил 1,3 кг с овцы, а каждая курица-несушка принесла всего 42 яйца... В колхозе «Первомаец» только в марте–апреле пала четверть поголовья овец – 39 голов. Падеж был скрыт и выявлен только в ноябре...⁷⁷

Нижнесергинский район: колхозной землей пользуются единоличники, а колхоз внес деньги за колхозников по подписке на заем 1951 года в сумме 5 000 рублей⁷⁸.

И подобные примеры можно приводить до бесконечности.

Скуднейшая колхозная жизнь прямо способствовала растаскиванию колхозной собственности самими колхозниками, но имели место и

⁷⁴ ЦДООСО. Оп.50. Д.217. Л.17.

⁷⁵ Там же. Л.32.

⁷⁶ Там же. Л.34–36.

⁷⁷ Там же. Л.104–105.

⁷⁸ Там же. Л.142.

неприкрытое вымогательство и поборничество со стороны начальников всех рангов. Проявлялось это, прежде всего, в «получении» продуктов сельскохозяйственного производства по пониженным ценам или даже совсем бесплатно. Именно так поборничали в подведомственных им колхозах, как сообщалось в информации начальника Свердловского областного земельного отдела Бызова, «...многие руководящие работники районов, призванные по долгу службы беречь колхозную общественную собственность и бороться с нарушениями устава». В этой информации и других документах можно найти массу примеров хотя бы по Туринскому району:

– народный судья Туринского района по фамилии Борода купил в колхозах 217 кг хлеба, 800 кг картофеля, 22 кг мяса, двух ягнят – и все это по номинальным ценам. При этом на момент проверки так и не рассчитался полностью, оставшись должным 240 рублей;

– секретарь исполкома Туринского райсовета Кибирева приобрела в колхозе «Комбайн» 256 кг муки, 21 кг мяса, 8 кг масла, 368 штук яиц и корову за 1351 рубль;

– начальник транспортного отдела Уральского военного округа Таксис за 3 трудных для страны года – 1943, 1944 и 1945-й – приобрел в колхозе «Красная звезда» все того же Туринского района 711 кг пшеничной муки, 590 кг гороха, 860 кг картофеля и овощей, 39 кг мяса, 40 кг масла, 44 кг меда и другие продукты по низким ценам на общую сумму 18 815 рублей. Ну как тут не вспомнить известную поговорку: «Кому война, а кому мать родна»...

И это только в одном районе! Но так было, к сожалению, везде. Например, в соседнем – Сухоложском – творились те же безобразия. В одном из документов, где речь идет о колхозе «Рассвет», прямо говорится, что «в этом колхозе брали все, начиная от секретаря райкома ВКП(б) тов. Лисицкого, председателя исполкома тов. Нечаева, директора завода Чекакина, прокурора Тарасова, кончая конюхом РайЗО». За 1945–1946 годы по данному колхозу установлено 172 случая поборничества⁷⁹.

⁷⁹ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.235. Л.46.

В Пышминском районе в колхозах «отоваривались» секретарь РК ВКП(б) по кадрам Румянцев, заведующий орготделом того же РК Серков, народный судья Суханов и другие должностные лица⁸⁰, а в Шалинском – народный судья Ширякин (в итоге был отозван с занимаемой должности с формулировкой «за систематические поборы в колхозах»)⁸¹.

В еще одном районе – Висимском – председатель исполкома райсовета Чугунов и заведующий РайЗО Мартынов, используя административный ресурс, просто принудили собрание колхозников в колхозе «Память Ленина» согласиться с передачей 30 тонн сена в пользу возглавляемых указанными лицами организаций.

В другом – Синячихинском – районе заведующий оргинструкторским отделом РК ВКП(б) Дандэ, опережая свое время, совершил коммерческую операцию, вполне достойную 1990-х годов. Он купил корову в колхозе «Красный Октябрь» за 1 250 рублей и тут же перепродал ее соседнему колхозу «Пролетарий» за 2 000 рублей. Разницу положил себе в карман.

Но ему было все-таки далеко до прокурора Краснополянского района Макаревича. Этот блюститель закона захватническим путем накопил на колхозных сенокосах 5 т сена, дождался, когда сено в колхозах стало (естественно!) заканчиваться и продал его колхозу «Вперед» Липовского сельсовета. Причем продал по 100 рублей за центнер и через «черную» кассу, получив наличными 5 000 рублей⁸².

Отдельные должностные лица не брезговали и материальными ценностями. Так, заведующий Тугулымским районным отделом животноводства Смагин, помимо прочего, в колхозе «РККА» (давали колхозам и такие вычурные названия) Мугайского сельсовета взял «напрокат» гармонь стоимостью 600 рублей, да так и забыл возвратить...⁸³ И такие примеры можно множить и множить.

⁸⁰ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.248. Л.113, 118–120.

⁸¹ Там же. Оп.43. Д.171. Л.18.

⁸² Там же. Оп.41. Д.242. Л.36, 159.

⁸³ Там же. Д.235. Л.85, 232–233.

О руководителях колхозов в плане личной честности что уж говорить – сама жизнь толкала их на нарушения действовавших тогда законов. Отсюда и последствия: только в августе–сентябре 1946 года в Свердловской области к уголовной ответственности было привлечено 22 председателя колхоза (к ноябрю их число возросло до 31). Среди них: председатель колхоза «Колос» Богдановичского района Рубцов (продал за наличные деньги, промтовары и продукты 2,5 га пахотных земель и 60 га сенокосных угодий), председатель колхоза им. Молотова Коптеловского района Налимов (незаконно передал в пользование организациям и частным лицам 208 га земель), председатель колхоза «Никитинский» Красноуральского района Леушканов (имея разрешение на передачу 30 га земельных угодий, разбазарил 151 га), председатель колхоза им. Сталина Сталинского района города Нижнего Тагила Красулин (продал и передал в пользование организациям и частным лицам 410 га сенокосных угодий), председатель колхоза им. Карла Маркса Тугулымского района Шарыпов (за вознаграждение роздал частным лицам и организациям 184 га сенокосных угодий) и ряд других⁸⁴.

В оправдание областных властей и правоохранительных органов можно сказать, что по числу осужденных председателей колхозов Свердловская область далеко не была лидером (в оправдание – потому что далеко не всегда председателей судили за дело). У нас не было, например, таких безобразий, как в Приволжском районе Астраханской области, где за 1946 год под суд попали 11 из 22 (!) председателей колхозов. Всего же в первом послевоенном году в стране было осуждено 9 511 председателей (по нашим подсчетам, почти 5 % от их общего количества. – *В.М.*)⁸⁵.

4.4. Личное подсобное хозяйство как специфическое социально-экономическое явление командно-административной экономики

В нашей монографии мы уже неоднократно по разным поводам упоминали аббревиатуру «ЛПХ» – личное подсобное хозяйство. Это своеобразное (и, если хотите, – уродливое) экономическое явление было

⁸⁴ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.172. Л.31,35. Д.235. Л.236.

⁸⁵ Попов В.П. Указ. соч. С.41–42.

порождено советской командно-административной системой и сопровождало ее до своего крушения в 1991 году. Своим появлением ЛПХ были обязаны, прежде всего, низкому уровню материальной обеспеченности населения Советского Союза.

Вообще термин «личное подсобное хозяйство», по нашему мнению, является абсолютно надуманным, искусственным, никоим образом не отражавшим **реальной** роли личного хозяйства в повседневной жизни советских людей. Это вычурное словосочетание понадобилось командно-административной системе для того, чтобы всемерно принизить роль ЛПХ, представить его как атавизм частнособственнических настроений и убедить общество в его полной обреченности и исторической бесперспективности. Определение «подсобное» многократно встречается в различных постановлениях правящей тогда КПСС и правительства.

Так, в Постановлении ЦК КПСС и СМ СССР от 6 марта 1956 года «Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников и организаций колхозного производства и управлении делами артели» говорится, что **«личное приусадебное хозяйство колхозного двора должно носить подсобный характер** (выделено нами. – *В.М.*)... необходимо стремиться, чтобы роль общественного хозяйства в доходах колхозников во всех колхозах систематически увеличивалась... а приусадебный участок и доходы, получаемые от него, действительно играли подсобное значение и удовлетворяли, главным образом, личные потребности колхозника в свежих овощах, фруктах, ягодах»⁸⁶. Но пожелания партийно-хозяйственных идеологов никак не сходились с реальной действительностью, а в ней, например, колхозные семьи существовали именно благодаря наличию у них ЛПХ.

Советское государство, исповедовавшее коммунистическую идеологию, среди прочих приоритетов преследовало цель оторвать крестьянина от основного средства производства – земли, превратив тем

⁸⁶ КПСС в резолюциях... Т. 9. С. 93–94.

самым колхозную деревню в аграрный придаток уродливо разраставшегося промышленного комплекса. Осуществив насильственную коллективизацию деревни, партийные и государственные органы, по существу, вернулись к политике военного коммунизма. При ней стремление крестьянина быть хозяином на земле рассматривалось как проявление частнособственнических пережитков и всячески ущемлялось, внутриколхозная демократия носила чисто декоративный характер, а над самими колхозами дамокловым мечом висела разветвленная система ведомственного и партийного бюрократического аппарата.

Необходимо заметить, что термин «ЛПХ» чаще всего употреблялся и употребляется для обозначения хозяйства жителей сельской местности. Действительно, если городские жители *хотя бы теоретически* могли прожить только на зарплату, то в деревне выжить без ЛПХ было невозможно. При этом натуральные доходы от своего ЛПХ крестьянин-колхозник получал в основном в виде продуктов растениеводства и животноводства и, кроме того, от охоты, рыболовства, собирательства, некоторых кустарных работ. Рассчитывать на колхоз в 1940–1950-х годах не было никакого смысла: средняя урожайность в колхозах области в 1953 году была крайне низкой: по зерновым – 10,7 ц, овощам – 42,6 ц, картофелю – 32,6 ц с га⁸⁷. Сложилась ситуация, когда промышленная Свердловская область просто-напросто не могла сама себя прокормить. Поэтому в 1954 году областные власти вынуждены были констатировать, что «в настоящее время за счет внутриобластного производства удовлетворяются потребности:

- в овощах – на 39 %;
- в картофеле – на 43 %;
- в молочных продуктах – на 43 %;

...Требуется в 2,5–3 раза увеличить производство этих продуктов внутри области»⁸⁸.

⁸⁷ ЦДООСО. Ф.4. Оп.53. Д.171. Л.12.

⁸⁸ Там же. Л.35–36.

Исключительная роль ЛПХ в крестьянском подворье достаточно подробно освещена в работах уральских исследователей села, а также в советской и российской историографии⁸⁹. Причем все без исключения исследователи подчеркивали, что основную долю своих доходов, в том числе и денежных, крестьянин получал от своего подворья.

Надо сказать, что система отношений крестьян с колхозами в основном сложилась еще в упомянутые «коллективизационные» 1930-е годы. Первым шагом по пути фактического закрепощения крестьянства было Постановление ЦИК и СНК СССР от 27.12.1932 года, согласно которому эта категория населения была лишена паспортов и, следовательно, не могла свободно передвигаться по территории страны. В марте следующего, 1933-го, года было запрещено и отходничество из колхозов. Окончательно же колхозно-крепостная система оформилась в 1935 году, когда Вторым Всесоюзным съездом колхозников был утвержден главный документ, регламентирующий жизнь крестьянина-колхозника, – Примерный Устав сельскохозяйственной артели. Согласно ему, из обобществленных земельных угодий в личное пользование каждого колхозного двора выделялся небольшой (от 0,25 до 1,0 га) участок земли.

На практике размер этого участка, например, для Урала, в среднем составлял не более половины гектара. Средние же размеры земельных наделов в ЛПХ колхозников Нечерноземья, например, в 1950 году были следующими: до 25 соток – 21 % хозяйств, 26–30 соток – 17 % хозяйств, 31 и более соток – 62 % хозяйств⁹⁰. Здесь нелишне сказать, что именно на рубеже 1940–1950-х годов приусадебные участки имели наибольшую площадь. Так, в Свердловской области в 1950 году средняя площадь посевов приусадебного участка составила 1 992 кв. м (то есть чуть менее 20 «соток») и была меньше, чем, например, у колхозников Башкирии, примерно на 25 % и меньше, чем у

⁸⁹ См., например: *Бакунин А.В., Денисевич М.Н.* Развитие личных подсобных хозяйств населения...; *Денисевич М.Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале...; *Шмелев Г.И.* Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. М., 1971; *Он же.* Личное подсобное хозяйство: возможности и перспективы. М., 1983; *Он же.* Личное подсобное хозяйство. М., 1985.

⁹⁰ *Безнин М.А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье... С. 89.

колхозников Оренбуржья, – более чем на 20 %⁹¹. Этот небольшой участок земли да имевшиеся в хозяйстве скот и птица и были, без всякого преувеличения, кормильцами крестьянской семьи, хотя в упоминаемом нами уставе приусадебному участку придавалась подчеркнуто «подсобное» значение. Между тем накануне коллективизации, в 1928 году, на долю единоличных крестьянских хозяйств приходилось 97 % основных средств производства в сельском хозяйстве, не считая земли¹⁶.

В то же время отличительной особенностью Среднего Урала была высокая обеспеченность садами и огородами *рабочих и служащих*. По сравнению с другими регионами, здесь эта категория населения имела большие площади под ЛПХ, чем колхозники: в 1950-х годах их удельный вес составлял примерно 75 %⁹². (Кстати, в упомянутом 1950 году в Нечерноземье доля продукции, произведенной на приусадебных участках колхозников, рабочих и служащих, составляла 51 % всей сельскохозяйственной продукции: 38 % дали ЛПХ колхозников и 13 % – других категорий населения⁹³.)

Советское государство, исходя из тезиса «подсобности» ЛПХ, постепенно уменьшало и так не слишком большие размеры земельных наделов. В первое послевоенное десятилетие это делалось под видом усиления «контроля за соблюдением социалистической законности». При этом процесс усиления данного контроля в послевоенной деревне развивался по нарастающей, причем в обратной пропорции к росту благосостояния крестьянства: чем больше нищало село, тем строже спрашивали за малейший «шаг в сторону».

В одной из своих монографий мы уже рассказывали, как власти реализовывали в послевоенный период Постановление СМ СССР от 19.09.1946 года, изыскивая нарушения «колхозной демократии». В начале 1950-х годов, в дополнение к еще действовавшим указам и постановлениям,

⁹¹ РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.3721. Л.14, 16, 17.

⁹² Там же. С. 119.

⁹³ *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. С. 79.

16.02.1952 года вышло Постановление СМ СССР № 871 «О мерах по устранению недостатков и ошибок в руководстве делом распределения натуральных и денежных доходов, укрупнения и развития общественного хозяйства колхозов». В соответствии с ним на колхозы обрушился новый вал проверок, обследований и ревизий, во многом касающихся именно ЛПХ. Ответным результатом их был целый дождь справок, отчетов и информационных писем в адрес областных властей.

Вот только две выдержки из таких справок, датируемых 1952 годом и посвященных итогам проверок колхозов различных районов Свердловской области:

– **Белоярский район:** «В колхозе «Авангард» незаконно пользуются приусадебной колхозной землей десятки граждан, занимая 4,8 га, в колхозе им. Ленина – 2,85 га, в колхозе им. Буденного – 2,5 га»⁹⁴,

– **Богдановичский район:** «В колхозе им. Буденного колхозница Казанцева Анисья Прохоровна вместо установленных 0,80 га имеет приусадебный участок 1,67 га». (Далее в справке следует список из нескольких неколхозников, «захвативших» вместо положенных 0,15 га от 0,21 до 0,71 га⁹⁵.)

Оставить без последствий такое «обогащение» колхозников государство не могло. Поэтому с начала 1950-х годов на Среднем Урале (как, кстати, и во всей стране) со все нарастающей скоростью начался процесс сокращения площадей крестьянских наделов. Так, общее количество приусадебной земли у крестьян Нечерноземья уменьшилось с 1 599,1 тыс. га в 1950 году до 668,5 тыс. га в 1965-м, то есть сократилось на 58 %⁹⁶. При этом сокращение размеров приусадебного фонда сопровождалось уменьшением числа крестьянских дворов. Однако первый процесс шел интенсивнее второго, в результате чего сокращалась обеспеченность колхозников землей. Таким образом, в 1950 году в среднем по Нечерноземью

⁹⁴ ЦДООСО. Ф.4. Оп.50. Д.217.Л.5.

⁹⁵ Там же. Л.12.

⁹⁶ *Безнин М.А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье... С. 89.

размер земельного участка крестьянского двора составлял 0,34 га, а к началу 1960-х годов – уже менее 0,30 га⁹⁷. Да и эти площади использовались не полностью – в реальности они были еще значительно меньше.

Процесс сокращения площадей ЛПХ колхозников имел и обратную сторону: городские жители и наиболее активные колхозники все чаще покушались на пустующие земли, в том числе общественные. Надо сказать, что подобные «самовольные захваты общественных земель» происходили всегда (о чем мы говорили и в предыдущей главе). При этом особенно не хватало сенокосных угодий. В силу этого иногда председатели колхозов разрешали колхозникам выкашивать общественные угодья, что рассматривалось как криминал. Так, в 1953 году правление колхоза «Урал» Гаринского района Свердловской области разрешило сенокосение колхозникам на колхозных лугах площадью 150 га, в результате чего колхозники заготовили для своих коров 147 тонн сена. Проверкой земельных органов это было признано незаконным, и в результате сено было изъято. В колхозе им. Калинина Бисертского района 42 хозяйства колхозников и 90 хозяйств рабочих и служащих самовольно расширили приусадебные участки на 14,9 га⁹⁸.

Конечно, упомянутые выше репрессии были уже только слабым отражением репрессий 1930-х годов. Но, как тогда, так и теперь, тоталитарный режим не смог заставить крестьян эффективно работать в колхозах. Даже при беглом знакомстве со статистикой доходов и расходов крестьянских семей, продуктивности ЛПХ и данными об использовании труда колхозников бросается в глаза, что эффективность крестьянского труда в ЛПХ была значительно выше, чем на работах в колхозе, хотя времени на свое хозяйство у крестьянина часто почти не оставалось.

В том, что труд в ЛПХ был более эффективен, нет ничего удивительного: ведь здесь крестьянин (да и не он один) *работал на себя*. В одной из своих предыдущих монографий мы уже перечисляли три основные

⁹⁷ Бзнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье... С. 86.

⁹⁸ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 53. Д.171. Л.32.

функции ЛПХ: это, во-первых, производство сельскохозяйственных продуктов, одна часть которых потреблялась семьей колхозника, а другая поступала на рынок; во-вторых, это источник денежных средств; и наконец, в-третьих, ЛПХ является естественной, сложившейся веками, формой трудового самовыражения сельского населения. В условиях же сталинской крепостной системы ЛПХ было единственной надеждой крестьянина на выживание: благодаря им, например, в 1940 году крестьяне Урала обеспечивали свои потребности в мясопродуктах – на 92 %, в картофеле – на 95 %, в молоке – на 99 %. В том же году колхозники региона получили от ЛПХ 54,8 % совокупного денежного дохода⁹⁹.

В последующие годы эти цифры мало изменялись: даже в 1980-х годах (в последние годы существования Советского государства, так много сделавшего для всемерного ущемления подсобных хозяйств) колхозники Урала в своих ЛПХ производили 23,9 % всей сельскохозяйственной продукции региона. В том числе они производили: 28 % мяса, 27 % молока, 20 % яиц, 65 % картофеля, 35 % овощей. Но самое главное состояло в том, что все это колхозники производили, располагая **всего лишь 1,6 % посевных площадей**¹⁰⁰. Что и говорить, цифры впечатляющие и наводящие на определенные размышления по поводу эффективности колхозного производства... К слову сказать, именно крайняя экономическая неэффективность и привела колхозы к их закономерному и печальному концу: в конце 1980-х годов на Урале более 80 % из них являлись убыточными¹⁰¹.

Двойной стандарт, органично присущий советскому обществу во всех сферах экономики и социальной жизни, ярко проявлялся в том, что на словах осуждались администрирование, бюрократизм и ущемление прав граждан, а на деле последние были всего лишь бесправными исполнителями воли партийно-хозяйственного аппарата. Жизнь убедительно доказала, что

⁹⁹ Уральская историческая энциклопедия... С. 228.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же. С. 271.

дальнейшее развитие крестьянского подворья и существование командных методов управления сельским хозяйством были несовместимы. Истинное же отношение власть имущих к ЛПХ хорошо характеризует обнаруженная нами следующая выдержка из заключения по итогам переписи скота в Свердловской области на 1.01.1948 года: «...обращают на себя внимание значительные нарушения Устава сельскохозяйственной артели, имеющиеся в Свердловской области: 1951 хозяйство имеют по 2 коровы, 8 хозяйств имеют по 3 коровы»¹⁰². Иными словами, рассматривался как криминал тот факт, что в громадной области 8 (!) хозяйств имеют по 3 коровы (всего в области на 1.01.1948 года в подворьях колхозников числилось 80,9 тысячи коров, а все поголовье КРС составляло 121,1 тыс. голов).

Политика государства на ущемление ЛПХ приносила свои горькие плоды. Так, в одном из сообщений Облстатуправления первому секретарю Свердловского обкома партии Недосекину говорилось, что «за последние годы наблюдается систематическое сокращение численности продуктивного скота, находящегося в личной собственности всех категорий трудящихся... **Особенно резкое сокращение произошло за 1950 год** (выделено нами. – В.М.). Против 1949 года количество крупного рогатого скота сократилось на 20 %, свиней на 25,5 %, овец на 23,9 %, коз на 2,5 %. Сокращение скота личного пользования трудящихся имело место как в сельской, так и в городской местности, как у колхозников, так и у рабочих и служащих. На сокращение численности скота... существенное влияние оказывают два фактора. Первое – это улучшение снабжения трудящихся через торговую сеть всеми необходимыми продуктами животноводства после отмены карточной системы и систематического снижения розничных цен... Вторым и, пожалуй, самым существенным фактором... является неупорядоченность в вопросе кормовой базы».

Далее в сообщении подробно разъясняется, что имеется в виду под «неупорядоченностью»: резкое сокращение выдачи кормов на трудодни (в

¹⁰² ГАСО. Ф.Р1813. Оп.1. Д.1321. Л.6.

1950 году против 1949 года на один трудодень было выдано меньше сена в 4 раза – 0,24 кг, соломы и мякны – в 3 раза – 0,77 кг), нехватка и несвоевременное выделение сенокосных угодий, дефицит времени у владельцев скота, отсутствие розничной торговли кормами и другие. В итоге в сообщении делался тревожный вывод о том, что «сокращение численности скота личного пользования трудящихся отрицательно сказывается на объеме государственных поставок животноводческой продукции и суживает внутриобластные продовольственные и сырьевые ресурсы»¹⁰³. (Динамику снижения уровня обеспеченности крестьянских дворов скотом и птицей, их продуктивности, а также динамику приобретения кормов можно увидеть в приложениях 25–30.)

Но зато: суммарные расходы по советскому «Урановому проекту» только за 1947–1949 годы составили «... более 14,5 млрд руб. Когда-нибудь станут известны более полные и более аргументированные сведения о расходах на создание ядерного оружия в СССР за период с 1942 по 1951 г., с точным разделением на «прямые» и «косвенные», а пока и эта цифра – 14,5 млрд руб. – может многое сообщить заинтересованному историку или экономисту»¹⁰⁴.

Впрочем, в послевоенный период, как это уже было в прошлом (например, при проведении коллективизации) порой предпринимались импульсивные меры и противоположной, «позитивной» направленности. Так, февральский (1947 года) Пленум ЦК ВКП(б) в Постановлении «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период» определил меры, направленные на рост общественного и личного стада и их продуктивности. Эти меры, в частности, предусматривали закупку в ЛПХ рабочих и служащих значительного количества коров и продажу их на льготных условиях колхозникам, их не имеющим.

Кроме того, пленум потребовал организовать в этих целях в течение 1947–1948 годов помощь кредитом бескоровным колхозникам для приобретения ими телок, оказывать им помощь в обеспечении кормами и

¹⁰³ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 49. Д.135. С.75–76.

¹⁰⁴ Симонов Н.С. Указ. соч. С. 242.

пастбищами, а также зоотехническую и ветеринарную помощь. Но все эти слова остались на бумаге, а эффект от решений пленума был крайне незначительным, если не сказать – отрицательным. Так, на 01.01.1949 года по сравнению с 01.01.47 года поголовье коров в хозяйствах колхозников Оренбургской и Свердловской области уменьшилось соответственно на 5,2 и 5,5 тысячи голов, а в Башкирии – увеличилось всего на 3,5 тысячи¹⁰⁵.

Производство основных продуктов сельского хозяйства в ЛПХ, а также другие многочисленные цифровые данные, касающиеся функционирования ЛПХ колхозников Свердловской области в исследуемый период, приведены в прил. 25–37. При их рассмотрении можно сделать следующие выводы:

- в подворье свердловских колхозников происходили структурные изменения: поголовье КРС неуклонно снижалось, уступая место свиньям, кроликам и птице;

- постоянно росло число хозяйств, не имеющих скота. Бездумная (если не сказать – безумная) политика властей в отношении ЛПХ и частнособственнического животноводства не могла не принести свои горькие плоды: уже в 1952 году в Свердловской области 14 % колхозных хозяйств не имели вообще никакого скота, а 45 % не имели коров⁶⁵. Колхозники отучались держать скот, имея печальный опыт соприкосновения с нелепыми и непоследовательными действиями властей. В перспективе уже тогда, в далекие 1950-е годы, вырисовывалась «социалистическая» деревня без скота, так как все решения руководящих органов подталкивали его владельцев к «легкой» жизни, не обремененной заботами о кормах, выпасах, содержании и т.д.

- продуктивность скота и птицы была явно неудовлетворительной;

- основной выращиваемой в ЛПХ культурой был картофель, а основным продуктом животноводства – молоко. Удельный вес посевов картофеля по сравнению с других культур был подавляющим, и по этому показателю Свердловская область была безусловным лидером в РСФСР.

¹⁰⁵ РГАЭ. Ф.1562. Оп. 324. Д.2228. Л.224. Д.3177. Л.233, 235–236.

Неудивительно, что именно картофель преобладал в структуре потребляемых крестьянами продуктов питания и составлял основную массу товарной продукции крестьянских хозяйств. Именно преобладание картофеля как основной культуры в структуре посевов было характерной чертой послевоенного времени;

– в структуре посевов на приусадебных участках колхозников почти полностью отсутствовали плодово-ягодные насаждения, выращивать которые климатические условия Свердловской области в целом позволяли. Объяснить это, на наш взгляд, можно несколькими причинами: во-первых (и это главная причина), тяжелым налоговым бременем, заставлявшим колхозников вырубать сады и кустарники; во-вторых (касательно ягодных насаждений), возможностью сбора плодов в лесах; в-третьих, низкой культурой земледелия; в-четвертых, ростом поголовья свиней, для которых основным кормом был именно картофель; и, наконец, в-пятых, историческим приоритетом картофеля как основного продукта питания и товарного продукта крестьянских ЛПХ.

– колхозники практически полностью обеспечивали себя продуктами питания.

При изучении ЛПХ возникает вопрос: каким же образом колхозникам удавалось и отбывать трудовую повинность в общественном производстве, и с еще более высокой отдачей трудиться в подсобном хозяйстве? Здесь надо учитывать то, что ЛПХ велось усилиями всей крестьянской семьи, включая детей, подростков, стариков, многодетных женщин и даже инвалидов, так как кооперация при выполнении работ по обслуживанию ЛПХ изначально предполагала и совместное потребление, и распределение произведенных продуктов. По подсчетам Г.И. Шмелева, в конце 1950-х годов на долю вышеуказанного «ограниченного контингента» колхозных семей приходилось около 50 % всех работ в ЛПХ¹⁰⁶.

¹⁰⁶ Шмелев Г.И. Личное подсобное хозяйство и его связи... С. 48.

Интересно, что интенсивность труда колхозников Урала, как нам удалось установить, сильно отличалась по регионам. Например, годовая выработка часов на одну наличную душу в колхозе и МТС колхозниками Свердловской области превосходила аналогичные показатели по Башкирии и Оренбуржью. Соответственно, у колхозников Свердловской области оставалось меньше времени на работу в ЛПХ. Правда, постепенно эта разница сглаживалась, но даже в 1960 году среднестатистический колхозник Свердловской области отработал на треть больше времени в колхозе и МТС и на четверть меньше в ЛПХ, чем колхозник той же Башкирии¹⁰⁷. Неудивительно поэтому, что, согласно принятой классификации, ЛПХ Башкирии по степени развитости относились к третьему, наиболее высокому уровню, а ЛПХ Среднего Урала – к слабейшему, первому. Промежуточное положение между ними занимали ЛПХ Оренбургской области¹⁰⁸.

Такая разница в выработке трудодней в масштабах региона и страны объясняется несколькими причинами, главнейшими из которых, на наш взгляд, были две. Это, во-первых, жесткость политики, проводимой местными властями, в вопросах выполнения планов заготовок и обеспечения населения городов продуктами питания. А во-вторых, это недостаточность трудовых ресурсов в среднеуральской деревне (средняя численность колхозной семьи здесь, кстати, была наименьшей). Кроме того, в какой-то степени на данный показатель, видимо, влияли и другие причины: климатические условия, уровень промышленного развития, исторические и культурные традиции населения.

Основной же тенденцией в распределении рабочего времени уральских колхозников на протяжении почти всего исследуемого периода было непрерывное увеличение количества времени, отработанного в ЛПХ, и уменьшение времени работы в колхозе. Эта тенденция сохранилась и в

¹⁰⁷ РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.78, 80, 81, 165, 167, 168. Д.2228. Л.80, 82, 83, 165, 167, 170. Д.2663. Л.81–83, 166–168. Д.3177. Л.80, 82, 83, 165, 167, 168. Д.3714. Л.97, 99, 100, 199, 201, 202; Оп.26. Д.88. Л.35, 36, 130, 131, 178, 179. Д.357. Л.103, 119, 125. Д.443. Л.213, 214, 223, 224, 227, 228. Д.536. Л.213, 214, 219, 220, 225, 226. Д.633. Л.121, 122, 123, 271, 272, 273. Д.752. Л.169–171. Д.841. Л.30, 36, 42, 187, 193, 205. Д.933. Л.102–104, 206–208; ГАСО. Ф.Р1813. Оп.14. Д.914. Л.21. Д.1916. Л.11, 13 (расчеты автора).

¹⁰⁸ Уральская историческая энциклопедия... С. 228.

последующие годы, так что в 1985 году уральские колхозники отработали в своих ЛПХ уже почти втрое больше времени, чем в 1940-м¹⁰⁹.

После сентябрьского (1953 года) Пленума ЦК КПСС произошло увеличение продуктивности ЛПХ, чему способствовал ряд проведенных в соответствии с его решениями мероприятий, несколько ослаблявших диктат государства в сельскохозяйственной политике. Достаточно сказать, что в течение 3 лет, с 1953-го по 1956 год, после ослабления налогового пресса и других позитивных мер, валовая продукция ЛПХ увеличилась в 1,5–1,8 раза, и, видимо, этот рост был бы еще большим, но его сдерживали ограничения ЛПХ в площадях и материальной базе¹¹⁰.

Но, как известно, с середины 1950-х годов вектор политики в отношении к ЛПХ изменился в сторону их ограничения и последующей ликвидации. Это произошло прежде всего потому, что командно-административную систему совершенно не устраивал быстрый рост продуктивности ЛПХ. Решения, принятые руководством страны во главе с Н.С.Хрущевым и Г.М.Маленковым в сентябре 1953 года, могли бы совершить перелом в дальнейшем развитии (правильнее сказать – в угасании) сельского хозяйства в стране, но этого не произошло, они были сведены на нет последующими их же пагубными решениями. Последний шанс для спасения сельского хозяйства, который предоставила история руководству страны, использован не был, хотя вопросы развития сельского хозяйства обсуждались только с 1953-го по 1960 год на 10 из 15 пленумов ЦК КПСС¹¹¹.

Чтобы выполнить обязательные поставки, уплатить сельскохозяйственный налог, страховые платежи, стоимость облигаций государственных займов, а также, наконец, просто чтобы иметь наличные деньги, колхозники продавали часть продукции своих ЛПХ. Объемы продаж были, конечно, очень небольшими, им просто неоткуда было взяться, что

¹⁰⁹ Уральская историческая энциклопедия... С. 228.

¹¹⁰ Зима В. Ф. Указ. соч. С. 107.

¹¹¹ Арутюнян Ю. В. Новый этап развития сельского хозяйства СССР и его место в истории советского общества. М., 1961. С. 3.

видно на примере Свердловской области в исследуемый период (прил. 39). Сравнивая это приложение с приложениями 35-36, где представлены сведения о поступлении продукции от ЛПХ, можно наблюдать интересную динамику продаж продукции ЛПХ колхозников Свердловской области в начале исследуемого периода. Так, несложно заметить, что в 1950-х годах стабильно росли продажи зерновых и картофеля.

Представление об общей площади земельных наделов ЛПХ населения Урала и структуре посевов в исследуемый период дают прил. 31–34. Из них видно, что распределение земельных наделов между городским и сельским населением резко различалась по регионам: если в Башкирии и Оренбуржье большей частью наделов владели колхозники, то в Свердловской области – наоборот, горожане. Действительно, отличительной особенностью Среднего Урала была высокая обеспеченность садами и огородами рабочих и служащих. Безусловно, такое соотношение было обусловлено явно выраженным промышленным характером нашей области и меньшим удельным весом сельского населения.

Вообще, первые садово-огородные товарищества горожан в Свердловской области возникли, как сообщает М.Н.Денисевич, еще в 1928 году, но в последующие годы они были ликвидированы¹¹². Толчок к их возрождению и дальнейшему развитию дала... Великая Отечественная война. Именно тогда в стране широкое развитие получило огородничество как вынужденная мера борьбы с голодом. Как это уже бывало и прежде в критические моменты истории Советского государства, власть на время презрела свои же идеологические догматы во имя победы в войне. Уже 7 апреля 1942 года Государственный Комитет Обороны своим постановлением разрешил местным органам власти предоставлять во временное пользование землю под огороды рабочим и служащим – до 0,15 га на семью. О

---

¹¹² Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале... С. 95.

популярности огородов говорит тот факт, что в 1945 году ими владели 91 % семей рабочих и служащих¹¹³.

В том же году в Свердловске, на Уралмашзаводе, воссоздается первый коллективный сад рабочих и служащих, а к концу 1940-х годов их насчитывалось уже более 100. Эта инициатива получила поддержку властей, которая в 1949 году была оформлена постановлением Правительства, в соответствии с которым данные земельные участки были освобождены от налогообложения¹¹⁴. Конечно, такая «милость» властей была вынужденной и обставлялась многочисленными оговорками и ограничениями (которые, кстати, никогда не отменялись).

4.5. Потребление непродовольственных товаров

Под непродовольственными промтоварами обычно понимают так называемые товары широкого потребления (ТШП). Здесь надо сказать, что в исследуемый нами период значительную их часть производили предприятия местной промышленности. По иронии судьбы, мощный толчок развитию этой отрасли экономики Свердловской области дала... война, за годы которой валовой выпуск продукции местной промышленности вырос в 3,5 раза, а по ТШП – даже в 8 раз (с 3,8 до 31,4 млн рублей). Конечно, это не значит, что ситуация с ТШП стала лучше в 8 раз, так как в основе советской статистики был упомянутый пресловутый «вал», то есть общая стоимость произведенной продукции. При этом ассортимент выпускаемых изделий был на втором (если не на третьем) плане. Так, в одном из документов по итогам 1945 года отмечалось, что «не выполнены такие важнейшие позиции, как изготовление саней, бочкотары, шорных изделий, гончарной посуды»¹¹⁵. Уже сам перечисленный ассортимент, архаичный даже для своего времени, дает наглядное представление о том, **что** представляли собой эти самые ТШП...

¹¹³ *Денисевич М.Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале... С. 87.

¹¹⁴ Там же. С. 95.

¹¹⁵ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.222. Л.3.

С окончанием войны в местной промышленности произошел спад производства, что в общем было вполне объяснимо: нельзя работать постоянно в режиме военного времени. В результате план по ТШП на 1945 год в области был выполнен только на 76,5 %. При этом вдруг обнаружилось, что данная сфера экономики области чрезмерно криминализована и в ней в массовом порядке происходят растраты, присвоение средств директорами и бухгалтерами, велики убытки от списания недоброкачественной продукции и т.д. Как говорится в одном из архивных документов, «в результате преступной деятельности бывших директоров предприятий, такие промкомбинаты, как Еланский, Верхнесалдинский, Ирбитский, Петрокаменский, Тагилстроевский, Сажинский, Талицкий и Туринский остались без оборотных средств», то есть попросту были разворованы¹¹⁶.

Отсюда (хотя, конечно, не только «отсюда») удручающая ситуация с непродовольственными товарами. Об этом в одном из документов обкома партии говорилось так: «В магазинах Свердловска нельзя купить хороших столовых приборов (ножи, вилки, ложки), лампочек, корыт для стирки белья, металлических игрушек, электроприборов и т.д. Совершенно плохо обстоит дело с развитием производства мебели. Предприятия Горместпрома за 6 месяцев (1946 года. — *В.М.*) изготовили 8 701 стул и 3 027 столов, что совершенно не может удовлетворить минимальных потребностей населения города, не говоря уже о таких изделиях, как письменные столы, шифоньеры, диваны, тумбочки и т.д. ...Качество выпускаемой продукции по многим предприятиям неудовлетворительное, а в ряде случаев изделия непригодны к употреблению». Далее в документе перечислялись предприятия местной промышленности, выпускающие недоброкачественную продукцию: Ленинский промкомбинат (фурнитура), Кировский (дамские босоножки), Тугулымский (обувь), Белоярский и Ирбитский (трикотаж), завод «Уральский пролетарий» (мебель)¹¹⁷.

¹¹⁶ ЦДООСО. Ф.4. Оп.44. Д.222. Л.3, 23.

¹¹⁷ Там же. Оп.41. Д.222. Л.44–46.

В обком партии потоком шли письма с сообщениями о катастрофическом положении с обеспечением населения промтоварами. Так, на кирпичном заводе «Новострой» в Свердловске в первом послевоенном году не хватало не только огромного количества мебели (150 тумбочек, 200 табуреток и столько же коек), но и постельных принадлежностей, которые редко стирались¹¹⁸. А, например, секретарь партийной организации Сосьвинского завода автоприцепов П.Одегов сообщал, что работники завода (в основном эвакуированные) «часто не имеют постельного белья», что ощущается «острая нуждаемость» рабочих в одежде и обуви, что получаемые заводом продукты и промтовары разворовываются, что люди доведены до крайней степени нужды. В качестве примера он привел семью эвакуированного инженера Чистова, семья которого «не имеет ни верхней, ни нижней одежды»¹¹⁹.

В 1947 году положение как будто несколько улучшилось: продажа населению различных тканей и швейных изделий возросла более чем вдвое¹²⁰, но товаров все равно не хватало. В одном из документов обкома партии говорилось, что «реализация промышленных товаров в городах и рабочих поселках области в январе месяце (1948 года. – В.М.) имеет значительное замедление вследствие узкого ассортимента промтоваров и низкого качества таких товаров, как швейные изделия, кожаная обувь и шерстяные ткани. ...По промтоварам повышенный спрос предъявляется на модельную обувь дамскую и мужскую, резиновые и фетровые боты, детский трикотаж, хлопчатку набивную, дешевые сорта папирос, спички и мыло хозяйственное, которые в магазинах, как правило, отсутствуют по причине недостаточности фондов и необеспеченности их завоза в область»¹²¹.

В упомянутом документе выражается также недоумение по поводу того, что в январе вдруг резко снизился покупательский спрос населения. Так, выручка от торговли промтоварами за 16 дней января по области упала

¹¹⁸ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.220. Л.39.

¹¹⁹ Там же. Оп.41. Д.148. Л.34–35.

¹²⁰ Там же. Оп.44. Д.240. Л.43.

¹²¹ Там же. Д.222. Л.10.

по сравнению с аналогичным периодом декабря с 251,5 млн до 182 млн рублей¹²². Здесь авторы документа явно лукавят. Конечно, такое падение спроса произошло не «вдруг» – ведь накануне прошла конфискационная денежная реформа, обобравшая и без того небогатых граждан нашей страны. Откуда же тут было взяться спросу?

Надо также сказать, что ежегодные снижения цен не делали промтовары более доступными. Вот характерное высказывание, сделанное Водочниковым, слесарем из Каменска-Уральского, в 1949 году после очередного такого их снижения: «Очень хорошо, что цены на многие товары вновь снижаются. Я уже предварительно подсчитал, что в течение трех месяцев могу вполне выделить необходимое количество средств на покупку велосипеда и радиоприемника, но где можно достать эти вещи? Их почти никогда не бывает в магазинах Каменска-Уральского, а поехать за ними в областной центр совершенно не имею возможности». (Действительно, в 1950 году только 2 % советских граждан имели, например, радиоприемники с коротковолновым диапазоном¹²³.)

В июле того же года секретарь Красноуральского горкома ВКП(б) Баранов сообщал в обком, что хотя в городских магазинах отсутствуют в продаже мужские и женские пальто, а также костюмы и обувь для детей как дошкольного, так и школьного возраста, но имеются и положительные моменты: «Растраты и хищения снижены в первом полугодии более чем в два раза»¹²⁴. Так и хочется спросить: уж не потому ли, что в магазинах Красноуральска просто нечего было воровать?

Причем «достать» необходимые промтовары часто не могли даже крупные предприятия и организации, у которых были на это средства. Так, в июне 1951 года на совещании профсоюзного актива области секретарь обкома профсоюза работников горнодобывающей промышленности Микова в своем выступлении говорила об отсутствии необходимой мебели в летних

¹²² ЦДООСО. Ф.4. Оп.44. Д.222. Л.10.

¹²³ Там же. Оп.45. Д.219. Л.1–2; *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006. С. 132.

¹²⁴ ЦДООСО. Ф.4. Оп.45. Д.219. Л.3.

пионерских лагерях, в которых отдыхали дети рабочих, ИТР и служащих: «...у нас до сих пор топчаны, к нашему стыду, усеянные клопами. В Березовске, в этом комбинате ордена Ленина, топчаны, в Исе топчаны, в Асбесте мы имеем топчаны и нигде не можем купить кровати»¹²⁵.

И совсем уж плохим положение с ТШП было в деревне. В одном из документов обкома партии от 1948 года прямо говорилось, что «в такие районы сельской местности, как Махневский, Режевской, Красноуфимский, Ачитский, Буткинский, Туринский... товары завозятся несвоевременно, допускаются перебои в торговле солью, спичками, керосином, сахаром, промышленными товарами и др. ...В сельской торговой сети отсутствуют в продаже такие необходимые товары, как веревка, топоры, пилы, гвозди, вилки и ножи, чугунная и сшивная посуда, иголки, обозный инвентарь, спорттовары и культтовары»¹²⁶.

Впрочем, и в целом по РСФСР положение с потреблением непродовольственных товаров сельским населением было удручающим. По данным О.М.Вербицкой, в 1946–1947 годах покупку одной какой-либо единицы готовой одежды в год могли себе позволить 8–13 человек из 100 колхозников республики, купить готовое платье или брюки могли 24–29 человек, кожаную обувь – 11–22 человека, белья – 4–5 человек⁴⁵. Понятно, что в таких условиях не могло быть и речи о наличии в семьях колхозников в то время автомобилей, мотоциклов и (за редким исключением) даже велосипедов. Мы не случайно употребили термин «непродовольственные товары» вместо термина «промышленные товары», так как значительная часть из приобретенных колхозниками предметов белья, одежды, обуви и других товаров была непромышленного, кустарного производства.

И, хотя объемы потребления непродовольственных промтоваров населением постоянно росли, но и в 1950 году уровень этого потребления был явно недостаточным. Например, колхозники в среднем приобрели в этом

¹²⁵ ЦДООСО. Ф.4. Оп.49. Д.120. Л.126, 128, 130.

¹²⁶ Там же. Оп.44. Д.240. Л.46.

году: обуви – одну пару на члена семьи, носков – две пары на трех человек, а туалетного мыла – стограммовый кусочек на двух человек... (прил. 48). Поэтому каждая покупка была событием для крестьянской семьи. Одежду колхозники носили долго, штопая, перешивая и перелицовывая ее и передавая от старших детей младшим. Недостаток тканей промышленной выработки восполнялся в какой-то мере домотканым полотном.

Что касается обуви, то ее многие семьи шили сами или же плели лапти. Кстати, производство самодельной валяной и другой обуви в Уральском регионе получило особенное распространение в Башкирии, где, например, в 1946 году 97% всей приобретенной обуви составляла обувь валяная и «прочая», то есть самодельная. Значительным в послевоенные годы был удельный вес товаров кустарного производства и в других регионах Урала. Так, в Оренбургской области в том же 1946 году приобретенная кустарная обувь составила 45 % всей приобретенной. Удельный же вес приобретенных тканей кустарного производства составил в Свердловской и Оренбургской областях, а также в Башкирии в 1947 году соответственно 55, 70 и 80 %. Правда, удельный вес некоторых видов кустарных товаров резко снизился после отмены карточной системы в декабре 1947 года. Например, сразу после этого события – в 1948 году – количество приобретаемых тканей кустарного производства в Свердловской, Оренбургской областях и Башкирии сократилось до 1 %, 8 % и 29 % соответственно. Интересно, что при этом приобретение кустарной обуви даже в 1950 году составило в Оренбургской области 38 %, а в Башкирии – 84 %, то есть снизилось за четыре года незначительно⁴⁹. Это, конечно, объясняется прежде всего высокими розничными ценами на обувь.

К сказанному можно еще добавить, что всеобщий дефицит промтоваров усугублялся еще и нелепостями советской бюрократической системы. Так, на одном из совещаний в 1951 году представители трудовых коллективов сетовали на то, что ряд промтоваров продаются юридическим лицам только за наличный расчет. В результате возникали трудности с

обеспечением тех же ведомственных пионерлагерей посудой и спортивным инвентарем¹²⁷.

Трудности наращивания производства ТШП иллюстрирует документ под названием «Краткие итоги работы местного хозяйства области за 1951 год»¹²⁸. В нем отмечалось, что «задание Правительства по дополнительному выпуску изделий широкого потребления не было обеспечено... Из общего дополнительного задания 31 332 тыс. руб. предприятия выпустили различных изделий всего на 4 036 тыс. руб. или на 12,8 %. Совершенно неудовлетворительно выполнен промышленными системами план освоения новых изделий: из 83 изделий, предусмотренных планом 1951 года... фактически освоено только 24... Не освоено целый ряд простейших изделий, как, например, кухонные и гладильные доски, бельевые прищепы, костыли для картин и прочее (хотя в целом план по местной промышленности был выполнен на 104,9 %, сверх этого выпущено продукции на 38,1 млн руб.)»¹²⁹.

Далее в документе говорится, что предприятия «Облместпрома» выполнили план по выпуску: посуды алюминиевой – на 19 %, чулкам и носкам – на 24 %, ткани хлопчатобумажной – на 29 %, посуде чугунной – на 52 % (зато по электромоторам – на 110 %, по мебели – на 130 %, по чугунному литью – на 153 %, по рамам лесопильным – на 170 %). Предприятия «Облпромсовета»: по валенкам – на 60 %, по верхнему трикотажу – на 60 %, посуде оцинкованной – на 62 %, обуви – 66 % (зато по пиломатериалам – на 140 %, по гвоздям разным – на 249 %). Предприятия «Облкоопинсоюза»: по чулкам и носкам – на 3 %, по игрушкам – на 36 %, по безалкогольным напиткам – на 39 % , по валенкам – на 49 % (зато по пуговицам – на 136 %, по гвоздям – на 143 %)¹³⁰.

Приведенный из документа отрывок очень наглядно демонстрирует органический порок советской затратной экономики, в условиях которой важнее всего был так называемый **вал**, то есть общий объем выпущенной

¹²⁷ ЦДООСО. Ф.4. Оп.49. Д.120. Л.171.

¹²⁸ Там же. Д.136. Л.1.

¹²⁹ Там же. Л.3.

¹³⁰ Там же. Л.8–12, 15.

продукции. За провал же плана по ассортименту с руководителей предприятий спрашивали гораздо менее строго. Таким образом, страна перемалывала все больше сырьевых ресурсов и при этом занималась самолюбованием, искренне считая, что чем больше стали, чугуна, проката, машин, оборудования и прочего будет произведено, тем она будет сильнее, а жизнь людей в ней – обеспеченнее.

Представление об уровне потребления семьями рабочих и колхозников и других категорий населения Свердловской области некоторых непродовольственных промтоваров и топлива дают приложения 47–50. Их анализ позволяет сделать следующие выводы:

– потребление промтоваров населением Свердловской области (в том числе рабочими и колхозниками) в первые послевоенные годы стабильно росло, оставаясь, тем не менее, на неудовлетворительном уровне и будучи ниже научно обоснованных норм потребления. Впервые в нашей стране работой по установлению таких норм занялся Госплан СССР во второй половине 1950-х годов. В результате был создан примерный гардероб одежды для различных групп населения страны. Так, годовая потребность в тканях, по расчетам советских ученых, составляла около 58 м (при стандартной ширине отреза 1,4 м). Причем 64 % этого количества должны были быть хлопчатобумажными, 18 % – шелковыми, 18 % – шерстяными и льняными¹³¹. Все это количество материи необходимо было для пошива не только одежды, но и белья, постельных принадлежностей, штор, занавесок и т.д. Рациональная годовая потребность в обуви составляла 3,3 пары (причем в это количество включались все виды новой обуви от домашних тапочек до сапог), в чулочно-носочных изделиях – 9,0 пар, в верхнем трикотаже – 1,65 единиц¹³²,

– больше всех потребляли промтоваров семьи ИТР областного центра, так как они имели и большие денежные доходы. В наихудшем положении находились семьи колхозников из-за своих низких доходов;

¹³¹ *Синютин В.М.* На пути к рациональному потреблению непродовольственных товаров. М., 1964. С. 72.

¹³² Там же. С. 116.

– жители области потребляли тканей больше, чем жители областного центра (что, впрочем, неудивительно: жители Свердловска имели больше возможностей покупать готовые предметы одежды);

– потребление топлива также увеличивалось, что говорит о недостаточной благоустроенности жилого фонда (об этом мы еще скажем в пятой главе).

Глава V. Жилищные условия после войны: первобытный коммунизм

Жилищная проблема была еще одной из разряда тех, которые командно-административной системе за все время ее существования решить так и не удалось. Можно вспомнить в связи с этим, на какие ухищрения и откровенные подлоги шли советские граждане для того, чтобы попасть в заветную очередь на жилье: прописывали к себе правдами и неправдами различных родственников, заключали фиктивные браки и разными способами занижали площадь своего жилья. Крайней мерой был умышленный поджог.

После окончания Великой Отечественной войны состояние жилого фонда области было удручающим, особенно фонда местных Советов. Это может показаться удивительным: ведь на уральские города не падали авиационные бомбы и в них не велись боевые действия. Объяснить такое состояние жилого фонда можно только тем, что большая его часть была еще дореволюционной постройки. В советский же период строилось в основном «временное» жилье – обычно в виде бараков и «строений барачного типа».

То, что окончание войны не принесло облегчения материальных условий жизни, подтверждается многими свидетельствами очевидцев. Это напрямую относится и к жилищным условиям граждан. Например, ставший впоследствии генерал-полковником авиации и заместителем главнокомандующего Военно-Воздушными Силами СССР В.В.Решетников так вспоминал об условиях жизни семей в его авиационном полку в первом послевоенном году: «Страшно бедствовали семьи, особенно те, что снимали углы и комнаты в деревенских хатах. Военторговские магазины пустовали, а обрушившаяся на народ послевоенная дороговизна могла доконать кого угодно...»¹

Не менее интересно прочитать его же впечатления от прибытия в те же места после окончания военной академии **через десять с лишним лет**

---

¹ Решетников В.В. Что было – то было. ООО «Издательство «ЭКСМО». М., 2005. С. 376–377.

спустя: «Уже давно в том гарнизоне исчез расформированным мой родной фронтовой полк, чуть подрост и изменил свой облик авиагородок, прорезалась и вышла к шоссе магистраль мощная дорога, но все так же вся округа утопала в чудовищной грязи, а к ночи дома и улицы погружались во мрак, из которого не в состоянии был вытащить их уже терявший последние силы все тот же старый дизелек».

А далее В.В.Решетников описывает, как он, командир дивизии межконтинентальных турбовинтовых и дальних реактивных бомбардировщиков (!), прилагал титанические усилия для организации жилищного строительства и электрификации военного городка, так как «убогие и ветхие, давно отжившие свой век, списанные с баланса деревянные бараки все еще служили «жилым фондом», а деревенские хаты по-прежнему переполнялись офицерскими семьями. Кажется, не было вечера, когда бы меня не атаковали несчастные женщины, умоляя хотя бы пообещать им квартиру...»

Но зато: *«Зато аэродром – как чудо: три с половиной километра стометровой ширины толстого железобетона, рулежки, стоянки, аэродромные постройки, трехэтажный КДП»².*

Не будет большим преувеличением сказать, что для определения жилищных условий населения Свердловской области после Великой Отечественной войны подходит только одно слово – «катастрофические». На областном совещании строителей, состоявшемся в Свердловске в июне 1946 года, прямо говорилось, что «на ряде наших предприятий многие тысячи рабочих живут в общежитиях с 2-х ярусной системой (то есть вынуждены спать на двухъярусных нарах. – В.М.). При норме 6 кв. м на человека в ряде городов и поселков имеется 2,5–3 кв. м на человека, а на таком крупном заводе, как Новотагильский металлургический, – 2,1 кв. м, на коксохимическом заводе – 2 кв. м, **а есть еще хуже**» (выделено нами. – В.М.)³. На том же совещании отмечалось, что в период войны основная масса

² Решетников В.В. Указ. соч. С. 410, 412–413.

³ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 41. Д.138. Л.16.

построенного жилья (а всего за 1941–1945 годы в области его было построено 980 тысяч кв. м) носила так называемый «временный» характер – это были либо бараки, либо так называемые «строения каркасно-барачного типа». (Наверное, именно тогда и родилась в народе поговорка, гласящая, что нет ничего более постоянного, чем временное жилье.) Между тем в области в 1947 году уже насчитывалось 33 города и 71 рабочий поселок⁴.

В связи со сказанным интерес представляет выдержка из докладной записки секретаря Карпинского ГК ВКП(б) Лопатина, которую он составил накануне первой годовщины Победы: «В военный период предприятия нашего города получали рабочую силу по мобилизации из различных районов Советского Союза. Так как в это время главное внимание обращалось на увеличение добычи угля и совершенно недостаточно – на жилищно-бытовые условия, то ни один вопрос бытового обслуживания населения у нас в городе не решен. Не хватает жилья – сейчас у нас на двух- и трехъярусных нарах проживает до пяти тысяч рабочих, нет водопровода, разрушается хлебозавод, не построена больница».

А дальше партийный глава скромного районного городка из уральской глубинки демонстрирует похвальную дальновидность, которой так не хватало большинству его товарищей по партии: «Сейчас настало время, когда законы военного времени... будут отменены, и закрепить рабочих нужно созданием им лучших материально-бытовых, жилищных условий и улучшением культурного обслуживания»⁵. Товарищ Лопатин ничего не приукрасил – весь Карпинск после войны представлял собой сплошное нагромождение общежитий: их было 127, и проживало там без малого 10 000 человек. При этом в общежитиях, например, Жилтреста в некоторых комнатах проживало по пять семей⁶ (интересно, каких же размеров были эти комнаты?).

⁴ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 43. Д.197. Л.107

⁵ Там же. Оп.41. Д.148. Л.55.

⁶ Там же. Л.1–2.

Аналогичная картина наблюдалась и в других городах области. Например, секретарь партийной организации Сосьвинского завода автоприцепов П.Одегов, сообщал в обком, что работники завода (в основном эвакуированные) «живут в непригодных для жилья помещениях»⁷. А в Каменске-Уральском в общежитии шмотного завода не было даже воды⁸. Немногом легче было и в областном центре: здесь в особенно тяжелых условиях находились те, кто проживал в общежитиях различных организаций.

При этом в таких крупных городах области, как Нижний Тагил, Каменск-Уральский и других, «непригодные для жилья» временки составляли 25–30 % жилого фонда. Но это средние цифры. А, например, в том же Нижнем Тагиле у 9 основных предприятий жилой фонд на 51 % состоял из временного жилья и только на 49 % – из постоянного. Как было подчеркнуто на упомянутом выше совещании строителей, сотни тысяч квадратных метров такого «жилья» подлежали немедленному списанию за ветхостью⁹. В справке, которую в феврале 1946 года подписал начальник облжилуправления Засим, говорилось: «Изношенность отдельных зданий в городах настолько велика, что, например, в некоторых домах в Ирбите рушились стены, потолки»¹⁰.

Мы уже говорили о том, что в годы войны Свердловская область приняла сотни тысяч эвакуированных граждан, а после войны – многие тысячи репатриированных граждан и набранных по оргнабору. Условия проживания этих рабочих были, наверное, самыми нелегкими. В уже упомянутой справке заместителя заведующего отделом металлургии обкома ВКП(б) Шевченко говорилось, что «в совершенно невыносимые условия поставлены семейные рабочие. 90 % из них размещены в домах, не подготовленных к зиме... Печи не отремонтированы, поэтому нет никакой разницы между температурой внешней и температурой внутри этих домов...

⁷ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.148. Л.34–35.

⁸ Там же. Оп.43. Д.152. Л.33.

⁹ Там же. Д.138. Л.16.

¹⁰ Там же. Д.148. Л.32.

Рабочие дрова не получают, и чтобы обогреть свое жилище и приготовить пищу, вынуждены воровать на шахтах и в цехах топливо»¹¹.

Положение усугублялось тем, что сразу после окончания войны темпы строительства жилья резко снизились. И тому было вполне понятное объяснение: завершилась тяжелейшая война, закончился период чрезвычайщины, и стимулы военного времени перестали действовать, а новых стимулов строителям никто не предлагал. Были и другие причины такого положения: явная нехватка подрядных строительных организаций, примитивная производственная база ремонтно-строительных контор городских Советов, нехватка элементарных стройматериалов (ощущался острый дефицит сантехнического оборудования, деревоматериалов, стекла, алебастра и даже олифы¹²).

Наконец, просто не хватало рабочих рук: в том же Нижнем Тагиле в 1947 году на всем жилищно-бытовом строительстве работало всего 7 каменщиков, 5 плотников, 13 штукатуров и 16 столяров¹³. В результате был провален план по вводу жилья в 1945-м и последующих годах (впрочем, и в военные годы эти планы недовыполнялись)¹⁴. Так, в Каменске-Уральском в 1945 году план по вводу жилья из всех предприятий выполнил только УАЗ, а в Нижнем Тагиле в 1946 году этот план был выполнен всего на 58 %¹⁵. Нехватку рабочих рук власти пытались восполнить за счет досрочно освобождаемых заключенных ГУЛАГа: 10 января 1947 годы состоялся Указ ПВС СССР «Об освобождении из-под стражи заключенных и передачи их для работы в угольную промышленность». При этом кое-что перепало и строителям – например, тресту «Тагилстрой» было передано сразу 1 227 человек¹⁶. Хорошим подспорьем оказались и немецкие военнопленные, которые строили основательно, надежно и качественно.

¹¹ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.148. Л.65–66.

¹² Там же. Д.220. Л.18. Оп.43. Д.197. Л.21.

¹³ Там же. Оп.43. Д.197. Л.58.

¹⁴ Там же. Оп.41. Д.138. Л.16.

¹⁵ Там же. Оп.43. Д.197. Л.20, 57.

¹⁶ Там же. Д.171. Л.138.

Кстати, говорить о качестве вновь построенного жилья в большинстве случаев не приходилось: оно заведомо не могло быть хорошим хотя бы из-за низкого качества стройматериалов. Например, в справке от 1946 года, подписанной заместителем заведующего отделом строительства и стройматериалов Свердловского обкома ВКП(б) Стихиным, об упомянутом заводе «Новострой» говорились такие, во что трудно даже поверить: «...технологическая дисциплина на заводе совершенно неудовлетворительная... Качество кирпича низкое... Брак и бой доходят до 45 %. Сортность и марка кирпича определяются на глаз»¹⁷.

Хронический дефицит стройматериалов толкал на всемерное упрощение принципов, форм и методов строительства. После исследуемого нами периода – уже в середине 1950-х годов – все это выродилось в «борьбу с излишествами в строительстве и архитектуре». В результате в недрах обкома партии родился документ, где было написано буквально следующее: «Чтобы сделать удобно и красиво, не нужно тратить много денег (! – знак наш. – *В.М.*). Настоящая красота проста и разумна, но для ее создания нужно затратить много труда и знаний. Привлекательный вид зданий и сооружений должны создаваться за счет органической связи архитектурных форм с назначением зданий и сооружений, хороших их пропорций, а также правильного использования материалов, конструкций и деталей, а также качеством работ»¹⁸.

Приведенная цитата взята нами из постановления Свердловского обкома КПСС «О ходе выполнения Свердловской областной партийной организацией директив партии и Правительства по улучшению строительства» от 1956 года. Думается, даже не надо комментировать это нагромождение косноязычия, верхоглядства и глупости. Но из данной цитаты можно сделать один важный логический вывод: людские труд и знания с точки зрения партийных идеологов ничего не стоили.

¹⁷ ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.220. Л.37–38.

¹⁸ Там же. Оп.55. Д.173. Л.82.

В связи с процитированным нельзя не вспомнить, что визитной карточкой Свердловска, а теперь – Екатеринбурга, как раз с 1950-х годов стала оригинальная башня, венчающая здание так называемого «серого» дома – здания городской администрации. Но далеко не все знают, что именно из-за нее в начале 1950-х годов были неприятности у руководства области, в том числе и у тогдашнего первого секретаря обкома партии А.М.Кутырева (и не только из-за горисполкомовской башни. За известную всем екатеринбуржцам баню в стиле ампира по улице Первомайской, 71, построенную пленными немцами в 1951 году, досталось тоже). Все-таки башню областные власти сносить не стали (и хотя бы этим заслужили благодарность всех следующих поколений уральцев), а взыскания пережили.

Что же касается строительства жилых домов, то катастрофическая нехватка жилья предельно снижала требования к его качеству. О том, что требования к жилью в исследуемый период были более чем невзыскательны, говорит интересная фраза, сказанная на совещании профсоюзного актива, посвященного вопросам улучшения материально-бытового обслуживания, в июне 1951 года. Ее произнес председатель обкома профсоюза работников потребкооперации Курбатов по поводу общежития для строителей Серовской ГРЭС: «По своему замыслу жилье, бесспорно, хорошее. Общежития предусмотрены из комнат **не более чем на семь человек** (выделено нами. – В.М.)»¹⁹.

Таким образом, уровень комфорта жилья в исследуемый период был весьма далек от тех условий, в которых проживало большинство населения развитых стран. Характерный пример: как о великом достижении, в письме И.Сталину в конце 1947 года руководство области сообщало, что из 36 городов области 14 имеют канализацию, а 8 – водопровод²⁰. Здесь можно еще добавить, что даже в городах не все жилые дома были электрифицированы. Особенно же низок уровень электрификации был в сельской местности, даже в крупных колхозах и совхозах.

¹⁹ ЦДООСО. Ф.4. Оп.49. Д.120. Л.107.

²⁰ Там же. Оп.43. Д.222. Л.22.

Не секрет, что материальный и культурно-бытовой уровень жизни населения советской страны особенно низким был в сельской местности. В первые послевоенные годы в среднеуральских деревнях и селах еще и речи не было о строительстве капитальных домов, газификации, цивилизованном теплоснабжении и других неотъемлемых атрибутах достойного человека жилья. А то, что принято называть «удобствами», располагалось исключительно на улице (соответственно, и температура воздуха там всегда равнялась уличной).

Что уж говорить обо всем этом, если уральское село в те годы еще **только привыкало** к использованию электричества. Например, накануне Великой Отечественной войны в среднем лишь 3,1 % колхозов Урала были электрифицированы. При этом наивысшим этот показатель был в Свердловской области – 9,9 %, а самым низким – в Курганской – всего 0,1 % (прил. 6). Как видим, накануне великой войны уральские колхозники (читай – все жители села) жили практически без электричества. Нетрудно представить, как это отражалось на бытовых условиях жизни сельского населения. Кроме того, это резко отрицательно сказывалось и на уровне его потребления, так как снижало экономический потенциал ЛПХ колхозников.

Правда, после войны положение стало довольно быстро меняться. Наиболее активно электрификация села осуществлялась, естественно, в самой промышленно развитой области – Свердловской. Надо отметить, что она была единственным регионом Урала, где электрификация села началась еще в годы войны, и уже в 1946 году количество электрифицированных колхозов составило 53 % от их общего числа, а в 1950-м – 87 % (прил. 6–7). Только за «полупослевоенный» 1945 год в нашей области было электрифицировано 1 007 колхозов (почти половина от общего числа) и 38 МТС, построено и введено в эксплуатацию 118 гидроэлектростанций общей мощностью 3 300 киловатт, 1 300 километров высоковольтных и 3 000 километров низковольтных линий электропередач, 475 трансформаторных

подстанций. В следующем, 1946-м, году был электрифицирован еще 791 колхоз²¹.

Всего за 1945 и 1946 годы во всех 45 районах области было построено и введено в эксплуатацию 168 ГЭС общей мощностью 5 661 квт, 453 ТЭС на местном топливе общей мощностью 12 854 квт, построено 1 344 трансформаторных подстанции, 3 520 километров высоковольтных и 5 500 километров низковольтных линий электропередач. Из 2 161 колхоза области было электрифицировано 1 789, а также 67 МТС. В сельской местности было установлено 240 тысяч световых точек, электрифицировано 9 000 животноводческих ферм, 1 900 колхозных кузниц и мастерских, 2 000 школ, 600 больниц, 750 клубов и изб-читален и свыше 120 тысяч домов колхозников²².

Темпы электрификации оставались высокими и в дальнейшем: к концу 1947 года в области числились введенными в действие 170 ГЭС и 625 ТЭС общей мощностью 22 393 киловатт и 1 582 трансформаторных подстанций мощностью 35 551 киловольтампер. Электрическую энергию получали уже 2 083 колхоза, 10 совхозов и 84 МТС, которые располагали 6 800 электромоторами общей мощностью 30 000 киловатт. Электричеством освещались 138 000 домов колхозников, 9 000 животноводческих ферм, 1 900 кузниц и мастерских, 2 000 школ, 600 больниц и фельдшерских пунктов, 967 сельских клубов²³.

Таким образом, по темпам осуществления электрификации Свердловская область была впереди большинства областей, краев и республик РСФСР, где даже в 1953 году электричеством пользовались только 20 % колхозов⁵⁷. В Свердловской же области эта цифра составляла 81 % (прил. 6). В 1950-х годах быстро электрифицировались и колхозы других областей Урала. В то же время нельзя не сказать, что электрификация

²¹ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 41. Д.172. Л.1,12.

²² Там же. Оп.43. Д.172. Л.46.

²³ Там же. Д.222. Л.11.

колхозов, например, Свердловской области, была завершена только в 1965 году (правда, все-таки раньше, чем это произошло в целом по СССР).

Лидерство Свердловской области подтверждается и тем, что соседние регионы обращались к ее властям за помощью. Нам удалось найти в архиве одно из таких обращений: в нем руководство Катайского района Курганской области просит первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) В.И.Недосекина оказать помощь в приобретении необходимого для строительства оборудования, а также командировать к ним опытных специалистов-энергетиков²⁴.

Помимо промышленного характера экономики Свердловской области высокие темпы электрификации объяснялись и еще одной причиной, о которой в прежние времена не принято было говорить. Речь идет об использовании труда огромной армии заключенных ГУЛАГа, численность которой на Урале была весьма значительной. Судя по архивным данным, вклад этих безвестных заключенных в развитие электрификации области был немалым: только на строительстве Речкаловской ГЭС ими с мая по декабрь 1945 года произведена выемка 113 000 кубометров грунта, обваловано и заполнено глиной 13 400 кубометров ряжей, построено здание ГЭС площадью 1300 квадратных метров. А на строительстве ГЭС в колхозе «Заря» Ачитского района с июля по декабрь того же года заключенными сооружена насыпь земляной плотины объемом 107 000 кубометров, выполнены другие работы²⁵.

Впрочем, сам процент электрификации еще мало о чем говорил. Не только статистические, но, в первую очередь, партийные и хозяйственные органы всех уровней всячески стремились зависить темпы электрификации села. Нередко после того, как колхоз объявлялся электрифицированным, в нем еще длительное время не работал ни один электродвигатель и не горела

---

²⁴ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 41. Д.145. Л.49.

²⁵ Там же. Д.172. Л.4.

ни одна электролампочка. Поэтому статистика электрификации уральского села достаточно противоречива.

Так, в Свердловской области целое десятилетие – с 1948-го по 1958 год – доля электрифицированных колхозов оставалась практически неизменной. Это явилось, по нашему мнению, следствием двух взаимосвязанных причин. Во-первых, как действующие рассматривались все хотя бы время от времени работающие, пусть и с предельно ненадежным и изношенным оборудованием, электростанции. А во-вторых, в результате такого «учета» данные по электрификации колхозов в 1950 году получились сильно искаженными по сравнению с фактическими в сторону увеличения, и поэтому их пришлось «выравнивать» целое последующее десятилетие. В результате, как видно из прил. 6, в 1953 году процентный показатель электрификации был ниже, чем в 1950-м.

Лукавство советской статистики как в зеркале видна в записке облстатуправления в адрес областных властей, датированной 1951 годом. В ней после констатации приятного факта, состоявшего в том, что «число колхозов, пользовавшихся электроэнергией в 1950 году, составляет 86,8 % к общему числу колхозов» (719 из 828), следовал холодный душ: «В течение 1950 года в колхозах бездействовало 1812 электромоторов, или 24,5 % к их общему числу... Продолжительность пользования электроэнергией колхозов крайне неравномерна. В течение всего года (1950-го. – *В.М.*) пользовались электроэнергией 43,0 % колхозов, от 10 до 11 месяцев – 8,7 %, от 7 до 9 месяцев – 16,2 %, от 4 до 6 месяцев – 17,8 %, от 1 до 3 месяцев – 13,7 % и меньше одного месяца – 0,6 % колхозов»²⁶.

В переводе на общедоступный язык это означает, что в 1950 году **постоянно** (то есть днем и ночью) использовали электроэнергию менее половины потребляющих ее коллективных хозяйств области (302 из 702), а почти треть из этих «пользующихся» (225 из тех же 702) на самом деле пользовались ею в среднем не более 12 часов в сутки (прил. 8). Причинами

²⁶ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 49. Д.135. С. 115.

такого ограниченного пользования электричеством были слабость материальной базы, изношенность оборудования и низкая квалификация обслуживающего персонала, отчего часто и случались перебои с подачей электроэнергии.

Поэтому далеко не всегда электрификация колхоза «по документам» означала, что в окнах домов колхозников загорался электрический свет, так как «электрифицированным» считалось хозяйство, где хоть как-то использовалось электричество. Присутствовала такая показуха и в Свердловской области, где и в конце исследуемого периода – в 1953 году – колхозы Свердловской области в среднем пользовались электричеством всего 257 дней, то есть 70 % времени²⁷. Так официальная советская статистика старательно приукрашивала действительность. Но, даже по ее данным, накануне полета Ю.А.Гагарина в космос **каждый девятый колхоз** Свердловской области не был электрифицирован. Несоответствие между данными различных источников относительно электрификации колхозных дворов также отметила в одной из своих работ Л.Н.Мазур²⁸.

Таким образом, в начале исследуемого нами периода многие (а до середины 1950-х годов – большинство) жители села Свердловской области (как, впрочем, всего Урала и страны в целом) не могли использовать электричество в повседневной жизни. В этом отношении в значительно лучшем положении находились рабочие совхозов, а особенно – городских предприятий, для которых электричество было привычной, облегчающей жизнь принадлежностью быта. Косвенным подтверждением того, что электрическая лампочка окончательно заменила керосиновую лампу в крестьянской избе только в конце 1950-х годов, служит динамика потребления керосина: в Свердловской области этот показатель постоянно

²⁷ ГАСО. Ф.Р1813. Оп.8. Д.140. Л.1.

²⁸ Уральское село в XX веке: Сборник статей и информационных материалов. Екатеринбург, 1994. С. 107.

рос все послевоенные годы и стал снижаться только с 1958 года²⁹ (правда, в той же Башкирии это снижение стало происходить с 1961 года³⁰).

...А в это время территории цивилизованных стран буквально сияли электрическим светом. Вот как вспоминал об этом известный певец А.Н.Вертинский, долгое время проведший в эмиграции: «Америка залита электричеством. Вы видите сотни закрытых магазинов, освещенных в течение ночи тысячами ламп, которые ослепляют вас. Странное впечатление производят большие и малые города, когда вы, например, путешествуете на автомобиле. Проехав несколько сот километров по прекрасным шоссе-ным дорогам в темноте... вы, наконец, видите перед собой ярко освещенный город. Он красив, как в сказке. Вам он кажется миражем в пустыне. Въезжая в город, вы попадаете в волшебный мир огней – синих, красных, зеленых, желтых. Это целая неоновая симфония красок»³¹. Таким образом, ко всем материальным трудностям и лишениям послевоенных лет, которые испытывало население области, добавлялись еще и трудности неустроенного быта, отсутствие элементарных с точки зрения цивилизованного общества удобств, облегчающих жизнь.

Динамика размеров жилого фонда Свердловской области показана в табл. 5. Из нее видно, что эти размеры за 25 лет возросли почти в 1,5 раза. В то же время рост численности ее населения можно оценить как не менее чем двукратный (прил. 1). Поэтому, чтобы довести норму обеспечения жильем даже до убогих стандартов, принятых в СССР (напомним, что и в 1980-х годах в очередь на получение жилья ставили только тех граждан, у которых в семье приходилось **не более 6,5 м²** жилой площади), жилой фонд области надо было практически **удвоить**.

Первая послевоенная пятилетка (четвертая по счету) для всей страны была (формально) прежде всего пятилеткой восстановления и строительства:

²⁹ Источники: ГАСО. Ф.Р1813. Оп.14. Д.914. Л.18, 19. Д.1403. Л.6, 7. Д.1916. Л.4, 9. Д.2236. Л.58, 69. Д.2743. Л.76. Д.2744. Л.18. Д.2796. Л.85, 86. Д.2858. Л.5. Д.2920. Л.211. Д.3009. Л.65.

³⁰ Текущий архив Федеральной службы государственной статистики. Бюджетный отдел. Динамические ряды бюджетов колхозников.

³¹ *Вертинский А.Н.* Дорогой длиною... М., 1990. С. 249–250.

из 250 млрд рублей централизованных капитальных вложений в народное хозяйство 153 млрд предполагалось израсходовать на строительномонтажные работы, из которых 43 млрд – на строительство жилья. Из указанных 153 млрд рублей 8 млрд предназначались Свердловской области. (Опять же нельзя сказать, чтобы это были большие деньги: даже в нелегкие 1941–1945 годы капитальные вложения в области составили 6,3 млрд рублей.)

Таблица 5

**Жилой фонд г. Свердловска и Свердловской области
в 1926–1951 годах (на начало года), тыс. кв. м**

№№ п/п		Годы		
		1926	1940	1951
1.	г. Свердловск – всего	681	1935,1	2660,7
	в том числе:			
	– местных Советов	62,9	447,1	472,0
	– других ведомств	273,7	1075,5	1693,4
	– частновладельческие	344,4	412,0	495,3
2.	Область – всего	2478,6	4094,2	7217,3
	в том числе:			
	– местных Советов	100,4	219,0	279,8
	– других ведомств	369,5	1816,0	4031,3
	– частновладельческие	1999,7	2059,2	2906,2

Источник: ЦДООСО. Ф.4. Оп.55. Д.174. Л.115.

При этом большая часть средств (аналогично союзному бюджету) предназначалась для строительства и модернизации промышленных предприятий, таких как Алапаевский станкостроительный завод, Богословский алюминиевый комбинат, Ирбитский мотоциклетный завод, Уральский завод тяжелого химического машиностроения и ряда других. Строительство жилья даже в труднейшие послевоенные годы еще не было приоритетной задачей – таковой оно впервые стало только после смерти И.Сталина.

Подтверждение этому выводу легко обнаружить в архивах: если посмотреть справки, информации, письма партийных органов за любой наугад выбранный год из исследуемого нами периода, то документов, относящихся к вопросам жилищного строительства, там окажется не так уж много. Вместо этого можно найти бумаги: о реконструкции и расширении

производственных мощностей, о планах ввода пусковых промышленных объектов, о производстве древесно-стружечных плит, о строительстве объектов трубной промышленности, о строительстве тепломагистралей, о вводе в действие новых мощностей черной и цветной металлургии, цементной и химической промышленности, об увеличении пропускной способности железнодорожных веток и т.д. и т. п.

Поэтому что касается жилья, то за четвертую пятилетку предполагалось построить (и было, действительно, построено) более 2 млн м² жилой площади, то есть примерно 0,6 м² на одну проживающую в области душу. Прямо скажем – немного. Забегая вперед, надо сказать, что в ходе «пятилетки послевоенного восстановления» было восстановлено далеко не все, особенно там, где действительно надо было заново восстанавливать огромные массивы жилья. Например, в своих воспоминаниях Е.С.Катукова пишет, что уже в 1951 году в Бобруйске (Белоруссия) «... не хватало жилья, и многие семьи офицеров **жили еще в землянках** (выделено нами. – В.М.)»³².

Надо сказать, что капиталовложения в жилищное строительство в послевоенный период постоянно наращивались (табл. 6), и уже в 5-й пятилетке (1951–1956 гг.) в жилищное строительство области было вложено 2 млрд 881 млн рублей (из общего объема капитальных вложений 15 605 млн)³³. В целом за первую половину 1950-х годов в области было сделано, как будто, немало: капитальные вложения в жилищное строительство возросли в 1,7 раза, производство стеновых материалов – в 1,8 раза, цемента и асбеста – в 2 раза, стекла оконного – более чем в 3 раза, шифера – более чем в 6 раз, введены в эксплуатацию 8 кирпичных заводов мощностью 173 млн штук кирпича в год и т.д. За 1951–1955 годы было введено жилой площади (тыс. кв. м): в Свердловске – 520, в Нижнем Тагиле – 338, Краснотурьинске – 134 и Первоуральске – 73. Именно в это время у руководства области возникла идея объединить все существующие

³² Катукова Е.С. Памятное. М., 2002. С. 346.

³³ ЦДООСО. Ф.4. Оп.55. Д.174. Л.114.

подрядные строительные организации, ОКСы и УКСы в единую строительную организацию – «Главсредуралстрой»³⁴.

Таблица 6

**Темпы развития жилищного строительства
в Свердловской области в 1946–1953 годах**

Годы	Всего введено жилой площади, <i>тыс. кв. м</i>	В том числе:				Капвложения в жилищное строительство <i>млн руб.</i>
		За счет гос. ассигнований	Индивидуальное строительство			
			Всего	В том числе:		
				В городе	На селе	
1946	326	229	97	76	21	185
1947	415	302	113	85	28	241
1948	519	396	123	77	46	242
1949	527	403	124	83	41	291
1950	527	421	106	73	33	364
1951	632	507	125	84	41	530
1952	618	480	138	95	43	553
1953	690	535	155	96	59	589
1960*	1787	1186	445.5	382	63.5	1630

* Для справки.

Источник: ЦДООСО. Ф.4. Оп.55. Д.174. Л.106–107, 114; Ф.376. Оп.2. Д.159. Л.67 (расчеты автора).

Но и всего перечисленного по большому счету было все-таки мало, так как все показатели жилищного строительства были изначально крайне низкими. А поэтому и в середине 1950-х годов, уже после исследуемого нами периода, темпы ввода жилья были еще низкими. В это время среднедушевая обеспеченность жилой площадью по области составила всего лишь 4,8 кв. м (в том числе по районам – 5,2, а по Свердловску – 4,4. При этом более 20 тысяч человек проживали в 512 бараках и 460 землянках (!), подлежащих **немедленному сносу**³⁵). Нелишне будет напомнить, что в 1928 году в среднем по Уралу на одного человека приходились все те же 4,8 кв. м жилой площади – и это при санитарной норме 8 кв. м, установленной еще в 1920-х годах³⁶. Можно констатировать, что почти за три десятилетия в сфере жилищного строительства никаких кардинальных перемен не произошло.

³⁴ ЦДООСО. Ф.4. Оп.55. Д.173. Л.101, 103, 131.

³⁵ Там же. Л.17, 47.

³⁶ Бакунин А.В. Избранные труды... С. 286.

По сути, первое послевоенное десятилетие в смысле строительства было своего рода «учебным». Перелом наметился позднее – когда развернулось массовое строительство так называемых «хрущевок». Их появление было, с одной стороны, вынужденной мерой, позволившей снизить невероятную остроту жилищной проблемы, но, с другой, – это было повторение вчерашнего дня градостроительной культуры. Вот что вспоминает по этому поводу В.И.Манойлин: «Практику в Калининграде я проходил, работая мастером на восстановлении одного из цехов крупного немецкого завода. Рядом с заводом восстанавливались и жилые дома, в которых раньше жили немцы – рабочие этого завода. Я впервые увидел маленькие одно- и двухэтажные квартирки с высотой до потолка 2,4 метра, с крохотной кухонькой и душевой. Первое впечатление было такое: вот капиталисты, хоть и гады, а для рабочих делают квартиры отдельные, с санузлами, а не так как у нас — барак с уборной на улице. Второе впечатление – все нормы нарушают, высота маленькая, ванной нет, кухня – не развернуться, издеваются над людьми. Когда при Хрущеве началось массовое жилищное строительство, я вспомнил эти немецкие дома – «хрущевки» были их точной копией»³⁷.

В исследуемый же нами период на повестке дня стояло множество вопросов, связанных даже не со строительством, а прежде всего с обустройством, из которых одним из самых злободневных был вопрос об общежитиях. О крайне неудовлетворительных условиях проживания в них нередко говорилось с высоких трибун различных партийных и профсоюзных совещаний. Так, в июне 1951 года состоялось совещание профсоюзного актива области совместно с хозяйственными руководителями по вопросам улучшения материально-бытового обслуживания трудящихся.

На этом совещании секретарь обкома профсоюза работников горнодобывающей промышленности Микова в своем выступлении отмечала, что «чувства ответственности за создание нормальных жилищно-бытовых

³⁷ Манойлин В.И. Базирование военно-морского флота СССР. СПб., 2004. С. 81.

условий до сих пор нашим руководителям не привито. Проверка показала, что ряд предприятий... наплеватьски относятся к вопросам жилища и быта. ...Очень тяжелое положение в Асбесте, катастрофическое положение с жильем»³⁸. На этом же совещании прокурор области Поспелов отмечал абсурдные факты плохого отопления леспромхозовских общежитий, расположенных в лесу, из-за нехватки... дров³⁹.

В декабре 1952 года на 8-й областной партконференции отмечалось, что в тресте «Алапаевскдревмет» большая текучесть рабочей силы из-за отсутствия жилья, а на Северском металлургическом заводе не имеют жилья около 700 рабочих⁴⁰. О том же говорилось и в информационном письме обкома партии, направленном во все горкомы и райкомы КПСС в марте 1953 года: «За последние месяцы на предприятиях области увеличилось количество самовольных уходов с работы. Установлено, что основными причинами самовольных уходов с производства являются неудовлетворительные жилищно-бытовые условия рабочих, **особенно прибывших по вербовке из других местностей** (выделено нами. – В.М.), и плохая организация труда.

...Такое положение стало возможным потому, что горкомы, райкомы КПСС и первичные партийные организации слабо осуществляют контроль за деятельностью организаций, не требуют от руководителей предприятий устранения крупных недостатков в организации труда и создания нормальных условий для рабочих, не обращают внимания партийных, профсоюзных и комсомольских организаций на необходимость развертывания массово-политической работы и социалистического соревнования»⁴¹.

В другом документе Свердловского обкома партии за тот же 1953 год отмечалось, что «крайне неудовлетворительно ведется жилищное строительство, особенно в Свердловске, Нижней Туре, Каменске-Уральском,

³⁸ ЦДООСО. Ф.4. Оп.49. Д.120. Л.126, 128, 130.

³⁹ Там же. Л.135.

⁴⁰ Там же. Оп.50. Д.123. Л.2, 85.

⁴¹ Там же. Оп.52. Д.127. Л.81.

Алапаевске, Асбесте, Нижнем Тагиле, Серове, Верхней Пышме и в Кушвинском районе. ...Наибольшее количество жалоб трудящихся связано с острым недостатком жилой площади. Часть рабочих живет в подвальных помещениях или скученно. В области имеется большое число зданий барачного типа, плохо благоустроенных и приходящих в ветхость»⁴². Естественно, документ заканчивался дежурными фразами: «Партийными организациями области намечены меры по усилению заботы о строительстве жилого фонда для трудящихся. Работа строительных организаций взята под постоянный контроль горкомов и райкомов партии»⁴³.

Из всех категорий рабочих в самых тяжелых условиях жили те, кто вынужден был проживать в различных общежитиях, а особенно те, кто попал на различные стройки по так называемому оргнабору («вербованные»). Многочисленные «стройки коммунизма» нуждались в дешевой рабочей силе, каковой зачастую являлись жители села, стремившиеся покинуть его из-за беспросветной нужды и несправедливости. Но их путь к «легализации» в условиях городов был нелегким, так как отношение к ним со стороны принимающих организаций нередко было абсолютно безответственным. В этой связи интерес представляет прил. 56, где хорошо описаны жуткие, без преувеличения, условия жизни рабочих СМУ-4 в Свердловске в 1951 году.

Зато: *«В 1951–1955 гг. объем производства радиолокационной техники был запланирован в размере 33 470 млн руб. в ценах на 1.01.1951 года. Причем, если в 1950 г., по отчету, он составлял 1 100 млн руб., то в 1955 г. должен был составить 11 300 млн руб., то есть показатель роста устанавливался более чем в 10 раз! По приказам Военного ведомства советская радиоэлектронная промышленность только в системе Министерства промышленности средств связи обязывалась в годы пятой пятилетки произвести 28 радиолокационных станций (РЛС) дальнего обнаружения, 1995 подвижных РЛС обнаружения самолетов противника и наведения на цель истребительной авиации, 23 440 наземных запросчиков радиолокационного опознавания самолетов, 312 РЛС радионавигации и слепой посадки самолетов.*

Радиолокационные заводы Министерства судостроительной промышленности СССР получили заказ на производство в 1951–1955 гг.

⁴² ЦДООСО. Ф.4. Оп.52. Д.127. Л.119, 122.

⁴³ Там же. Л.122–123.

2 141 шт. корабельных и береговых РЛС, 2 550 шт. приборов радиолокационного опознавания и навигационной аппаратуры. Радиолокационные заводы Министерства авиационной промышленности получили заказ на производство за тот же период 13 415 шт. радиолокационных самолетных станций и 26 040 приборов навигации и опознавания»⁴⁴.

---

⁴⁴ *Симонов Н.С.* Указ. соч. С. 259.

Заключение

Данная монография посвящена исследованию материальных условий жизни двух самых многочисленных категорий советского общества – промышленных рабочих и колхозного крестьянства в рамках Свердловской области в послевоенный период. Необходимо отметить, что изучение данной проблемы является важной составляющей исследования проблемы уровня жизни населения Советского Союза в целом. Кроме того, рассмотрение материальной сферы жизнедеятельности граждан необходимо для осмысления экономической истории страны как на уровне отдельного региона, так и в масштабе всей ее территории.

Проблематика экономической истории рабочего класса и крестьянства является объектом внимания ученых различных отраслей знания, прежде всего – историков, социологов и экономистов. Сейчас, уже в новом веке, исследование различных аспектов жизненного уровня рабочих и крестьянства, а также других категорий населения представляет особенный интерес еще и потому, что в обществе объективно имеются все предпосылки для непредвзятого, подлинно научного изучения данных проблем.

Разработка указанной проблемы в пределах Свердловской области позволяет расширить и углубить научные представления о материальных условиях жизни как важного элемента ее качества, создать объективную, свободную от идеологических штампов картину материального бытия семей рабочих и крестьян-колхозников Среднего Урала после окончания Великой Отечественной войны – в 1946–1953 годах. Этот период в научной литературе получил название «период послевоенного восстановления». Завершение его, то есть выход экономики страны на довоенные показатели ее развития, совпал со значительными изменениями в социально-политической жизни страны, прежде всего – с ее либерализацией, процессом, получившим название «оттепели».

В настоящее время историческая наука имеет в своем распоряжении массу исследований, посвященных в той или иной мере проблемам изучения уровня материального благосостояния рабочего класса и крестьянства

различных регионов нашей страны, в том числе и в рассмотренный нами период времени. Но в большинстве случаев эти исследования имеют такие хронические недостатки, как локальность, разрозненность и несистематизированность, даже если это касается отдельно взятого региона. Вместе с тем сегодня, возможно, как никогда раньше, ощущается недостаток в исследованиях комплексного, обобщающего характера, особенно по отдельным периодам истории Урала и страны в целом.

При этом, помимо всего прочего, проблема материальных условий жизни всегда несла на себе отчетливый штамп политизированности, что прямо или косвенно толкало разработчиков данной проблемы на уступки идеологическим догмам своего времени. В первую очередь это касается работ, опубликованных в период существования СССР: именно им был присущ высокий уровень ангажированности, сервильности, элементарной научной недобросовестности и стремления избежать острых дискуссий по принципиальным вопросам.

Что касается исследованного в данной монографии временного периода, то на сегодня здесь можно считать достаточно хорошо разработанными только некоторые аспекты материальных условий жизни колхозников. Так, относительно подробно исследованы развитие материально-технической базы колхозного производства, использование труда колхозников и производительность труда в общественном и личном хозяйствах, качественный и количественный уровни питания, обеспеченность непродовольственными промышленными товарами, уровень потребления, а также доходов и расходов колхозных семей. Кроме того, подвергнуты научному анализу проблемы отношений Советского государства и крестьянства, экономической политики партийных и государственных органов в аграрном вопросе, прежде всего – политики в отношении личных подсобных хозяйств и доходов сельского населения.

В то же время на сегодня в исторической литературе, посвященной крестьянству Среднего Урала, еще не получил достаточного освещения ряд проблем. К ним относятся, например, такие, как обеспечение сельского

населения жильем, развитие торговли и потребительской кооперации, совершенствование коммунальной и транспортной инфраструктур и ряд других. Если же выйти за границы рассматриваемой проблемы, то нельзя не отметить также крайне слабый уровень изучения условий жизни некоторых категорий сельских жителей: учителей, врачей и младшего медицинского персонала. При этом исследованию подлежит прежде всего уровень доходов, расходов и потребления указанных семей.

Что же касается семей промышленных рабочих, то здесь мы имеем еще большее поле для возможных исследований. На сегодня материальные условия жизни этой категории населения в послевоенный период исследованы только фрагментарно, без четкого разделения на подкатегории, каковыми являются рабочие промышленных предприятий Свердловска (Екатеринбурга) и рабочие других предприятий области, а также рабочие совхозов. Кроме того, в рамках этих подкатегорий никем еще не исследованы доходы и расходы мало- и высококвалифицированных рабочих, структура этих доходов и расходов, особенности потребления продуктов питания и непродовольственных товаров и многие другие вопросы. А если опять-таки выйти за рамки обозначенной в нашей монографии проблемы, то мы увидим практически полную неизученность уровня материальной обеспеченности таких категорий населения (в большинстве своем – городского), как семьи инженерно-технических работников и служащих. Возможно, отмеченные упущения в какой-то мере восполнит предлагаемая монография.

В связи с вопросом о необходимости исследования материальных условий жизни населения необходимо подчеркнуть, что всестороннее изучение динамики их показателей невозможно без привлечения материалов бюджетных обследований, проводившихся органами государственной статистики в течение длительного времени по всей территории страны и положенных в основу данной работы. Эти материалы, хранящиеся в архивах субъектов Российской Федерации, отличает прежде всего высокий уровень информационной насыщенности, делающий их незаменимым источником при изучении вопросов

уровня материального благосостояния населения, источником, имеющим широкие возможности для исследования комплекса исторических проблем.

Массив бюджетов определенной категории населения за обозначенный период времени – это уникальная в своем роде база для выявления и всестороннего анализа динамики наиболее значимых показателей уровня материальной обеспеченности граждан. Сопоставление данных бюджетов различных периодов времени предельно наглядно характеризует динамику количественных и качественных показателей материального уровня жизни населения. Кроме того, привлечение материалов бюджетных обследований в качестве первоисточников позволяет избежать различного рода ошибок, неточностей и искажений в трактовке материальных условий жизни выбранной для исследования категории населения.

В то же время работа с массивами бюджетных данных требует от исследователей большого терпения, наличия навыков экономического анализа и научной честности, так как на протяжении многих лет истории бюджетных обследований подвергались изменениям не только их методики и формы, но и сами принципы. При этом важное значение имеет анализ достоверности и полноты бюджетных обследований. В нашей работе этот анализ убеждает в достаточно высокой надежности данных бюджетных обследований по сравнению с любыми другими известными нам источниками. Достоверность представленной в них информации обеспечивается отработанной методикой выборки единиц статистического наблюдения, достаточной их репрезентативностью, а также соблюдением принципа единства (ведь даже статистические формы бюджетных бланков для проведения обследований были едиными для всей страны).

Кроме того, необходимо отметить, что работа с материалами бюджетных обследований требует привлечения экономико-статистических методов исследования. Это необходимо, в первую очередь, потому, что зачастую оценить содержание всего массива документов традиционными методами оказывается невозможно. В частности, в данной работе чаще всего применялся

метод группировок. Именно в результате логической и математической обработки исходного материала была выявлена динамика и тенденции различных показателей, характеризующих степень материальной обеспеченности рабочих и колхозников, а также других категорий населения, взятых нами для сравнения.

Подводя итоги нашего исследования, необходимо отметить, что количественный и качественный уровень материальной обеспеченности рабочих и колхозников Свердловской области в исследуемый период неизбежно определялся прежде всего последствиями только что закончившейся Великой Отечественной войны. Эти последствия даже для Среднего Урала, находившегося в глубоком тылу, были чрезвычайно тяжелыми и оказали свое негативное влияние на долгие последующие послевоенные годы. Достаточно сказать, что уровень потребления предвоенного, 1940-го, года был достигнут только к 1953–1954 годам. Но и окончание войны не принесло населению ощутимого облегчения.

Вообще на уровень доходов, расходов и потребления населения всегда влияют три фактора: во-первых, общее состояние экономики страны, во-вторых, социально-экономическая политика государства и, в-третьих, – различные форс-мажорные обстоятельства (стихийные бедствия в виде засухи, наводнений, эпидемий и т.д., а также экономических кризисов). Из этих трех факторов в послевоенные годы важнейшим, по нашему мнению, был второй. Именно противоречивая и непоследовательная социально-экономическая политика Советского государства, основанная на идеологических догматах коммунистического учения, не позволила обеспечить устойчивый рост уровня жизни советского народа после окончания Великой Отечественной войны.

Надо сказать, что исследованный нами период был достаточно насыщен мероприятиями социально-экономического характера, прямо повлиявшими на материальные условия жизни населения. Основными из них были:

- урегулирование пайковых и коммерческих цен (сентябрь 1946 года);
- конфискационная денежная реформа (декабрь 1947 года);

- реформа оптовых цен (1949 год);
- регулярные размещения государственных займов;
- периодические снижения розничных цен;
- непроизводительные бюджетные расходы;
- налоговая политика государства.

Все эти мероприятия были подробно рассмотрены нами в третьей главе настоящей работы. При этом особое внимание было уделено конфискационной денежной реформе 1947 года, которая явилась выражением продуманной политики правящего режима. Результаты реформы были противоречивы, но можно утверждать, что в целом (в совокупности с другими мероприятиями) она по многим показателям привела к стагнации и даже снижению уровня жизни большинства населения страны. Что касается семей промышленных рабочих, то большую часть исследуемого периода – до начала 1950-х годов – для них была характерна стагнация уровня доходов, расходов и потребления. После этого начался их стабильный рост, продолжавшийся и за пределами интересующего нас временного интервала.

Особенно же реформа и сопутствующие ей мероприятия ухудшили материальное положение крестьянства. Этому напрямую способствовали аннулирование «подподушечных» денежных накоплений и широко рекламировавшиеся снижения розничных цен на продукты питания. Именно из-за этого колхозники вынуждены были реализовывать продукцию своих ЛПХ по заведомо низким ценам. Кроме того, факторами, сдерживавшими рост материального благосостояния колхозников в исследуемый период, были жесткая налоговая политика государства, предельно низкая оплата труда за работу в общественном производстве и негативная политика государства по отношению к ЛПХ.

В силу этих причин колхозники значительно меньше, чем рабочие и вообще городские жители, потребляли одежды, обуви, других товаров широкого потребления. Крайне неудовлетворительное материальное положение колхозного крестьянства было изначально предопределено его

униженным правовым положением в советском обществе: до второй половины 1950-х годов правовое положение крестьянина-колхозника фактически мало чем отличалось от положения крепостного. Он должен был почти бесплатно работать на государство, сам обеспечивать себя всем необходимым и не имел возможности свободно передвигаться по территории страны.

В завершение следует особо подчеркнуть, что **все годы исследованного нами периода уровень потребления материальных благ семей промышленных рабочих и колхозников был заведомо ниже его научно обоснованных норм.** Поэтому в целом материальные условия жизни бывших объектами нашего внимания категорий населения Свердловской области следует признать неудовлетворительными с любых точек зрения. Динамика показателей, характеризующих уровень потребления материальных благ, была подробно изложена и проанализирована нами в четвертой и пятой главах настоящей монографии.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что задачи, поставленные нами в ходе настоящего исследования, успешно выполнены.

Источники и литература

I. ИСТОЧНИКИ

1. Опубликованные источники

Законодательные и нормативные документы, документы КПСС и Правительства, материалы совещаний

1. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. – М., 1936.
2. Закон Верховного Совета СССР «О сельскохозяйственном налоге» от 8 августа 1953 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1953. № 7.
3. Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели» от 19 сентября 1946 г. // КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 55–61.
4. Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О новом снижении розничных цен на продовольственные и промышленные товары» // Правда. 1951. 1 марта.
5. Постановление Совета Министров СССР «О выпуске государственного займа развития народного хозяйства СССР (выпуск 1951 года)» // Правда. 1951. 4 мая.
6. Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О новом снижении розничных цен на продовольственные товары» // Правда. 1952. 1 апреля.
7. Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О новом снижении розничных цен на продовольственные и промышленные товары» // Правда. 1953. 1 апреля.
8. Постановление сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР» // КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 303–345.
9. Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию животноводства и снижению норм обязательных поставок продуктов животноводства государству хозяйствами колхозников, рабочих и

- служащих» от 21 сентября 1953 г. // Экономическая жизнь СССР. Т. 2. С. 463.
10. Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС «О расширении производства промышленных товаров широкого потребления и улучшения их качества» // Правда. 23 октября 1953 г.
  11. Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС «О расширении производства продовольственных товаров и улучшения их качества» // Правда. 30 октября 1953 г.
  12. Декреты Советской власти: В 12 т. – М., 1986.
  13. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957): В 4 т. – М., 1958.
  14. История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР, 1917–1958 гг. В 2 т. – М., 1959.
  15. Концепция территориальной схемы градостроительного планирования и развития Свердловской области до 2040 года и задачи в XXI веке. – Екатеринбург, 2004.
  16. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1986). – М., 1988.
  17. Ленинская аграрная политика КПСС: сборник важнейших документов (март 1965–июль 1978). – М., 1978.
  18. Ленинская политика КПСС. Сборник документов. – М., 1978.
  19. Примерный Устав сельхозартели. – М., 1953.
  20. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: В 14 т. – М., 1983.
  21. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938–1975: В 4 т. – М., 1976.
  22. Сессии Верховного Совета СССР (стенографические отчеты).
  23. Хронологическое собрание Законов, Указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. – М., 1958.

Статистические публикации и справочные издания

1. *Анимица Е.М.* Весь Урал. – Екатеринбург, 1996.
2. *Безнин М.А.* Крестьянская торговля на рынках Нечерноземья в 1950–1965 гг. (Методические рекомендации и материалы к спецсеминару по истории советского общества в 3-х частях). – Вологда, 1990.
3. *Безнин М.А.* Материальное положение колхозников российского Нечерноземья в 1950–1965 гг. (Методические рекомендации и материалы к спецсеминару по истории советского общества, ч. 1. – Вологда, 1988.
4. *Безнин М.А.* Материальное положение рабочих и колхозников. 1950–1965 гг. (Методические рекомендации и материалы к спецсеминару по истории советского общества). – Вологда, 1989.
5. Большая Советская Энциклопедия. Изд. 1-е в 65 тт. – М., 1926–1947.
6. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. – М., 1992.
7. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. – М., 1963.
8. Книга рекордов Гиннеса. 1988. – М., 1989.
9. *Мотревич В.П.* Валовая продукция сельского хозяйства Урала (1941–1960 гг.). – Свердловск, 1991.
10. *Мотревич В.П.* Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сборник материалов. – Екатеринбург, 2002.
11. *Мотревич В.П.* Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941–1950). – Свердловск, 1993.
12. Народное хозяйство Свердловской области: Статистический сборник к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. – Свердловск, 1967.
13. Народное хозяйство СССР: Статистический ежегодник. – М., 1960.
14. Народное хозяйство в 1922–1972 гг.: Юбилейный статистический сборник. – М., 1972.
15. Народное хозяйство и культурное строительство Башкирской АССР: Статистический сборник. – Уфа, 1959.

1. Народное хозяйство Курганской области: Статистический сборник. – Челябинск, 1957.
2. Народное хозяйство Пермской области за годы Советской власти: Статистический сборник. – Пермь, 1967.
3. Народное хозяйство Свердловской области: Статистический сборник. – Свердловск, 1962.
4. Народное хозяйство Челябинской области: Статистический сборник. – Челябинск, 1961.
5. Народное хозяйство Чкаловской области: Статистический сборник. – Чкалов, 1957.
6. Оренбургская область за 25 лет: Статистический сборник. – Оренбург, 1960.
7. Основные показатели социального развития и повышения уровня жизни населения СССР: Статистический сборник. – М., 1976.
8. Полная хронология XX века. – М., 1999.
9. Россия в войнах XX века: статистическое исследование / Рук. авт. кол. Кривошеев Г.Ф. – М., 2001.
10. Российский энциклопедический словарь: В 2 кн. / Гл. ред. А.М.Прохоров. – М., 2000.
11. Свердловская область в цифрах, 1966–1970 годы: Статистический сборник. – Свердловск, 1971.
12. Сегодня и завтра. Цифры и факты об уровне жизни советского народа. – М., 1962.
13. Сельское хозяйство СССР: Статистический сборник. – М., 1960.
14. Сельское хозяйство СССР (1913–1970 гг.). – М., 1971.
15. Страна Советов за 50 лет: Сборник статистических материалов. – М., 1967.
16. **Уралов В.М.** Уровень жизни нашего народа в 1913–1993 гг.: Аналитический справочник. – М., 1995.
17. Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000.
18. Хрестоматия по отечественной истории (1946–1995). – М., 1996.

34. Численность населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. – М., 1990.
35. Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917–1965. / Под ред. С.Г.Струмилина. Изд. 2-е, доп.: В двух кн. – М., 1967.

2. Неопубликованные источники

Архивные материалы

Архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области (ТОФСГС). Динамические ряды бюджетов рабочих промышленности 1952–1968 гг.

Архив Управления Федеральной службы безопасности (УФСБ) по Свердловской области. Ф.1. Оп.1. Дд. 467, 565.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 374 – Фонд ЦСУ РСФСР. Оп. 31.

ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. Р1813 – Фонд Облстатуправления Свердловской области. Оп.1. Дд. 175, 227, 453, 457, 513–518, 1321, 1325. Оп. 8. Д. 140. Оп. 14. Дд. 2, 47, 216, 290, 354, 401, 568, 657, 900, 914, 824–826, 1403, 1916, 2236, 2324, 2743–2744, 2756, 2789–2790, 2793, 2796, 2818, 2837, 2858, 2866, 2920, 2936, 3002, 3009.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562 – Фонд ЦСУ СССР. Оп. 26. Дд. 88, 93, 224, 234, 345, 357, 440, 443, 535, 536, 632–633, 749, 752, 838, 841, 930, 933. Оп. 324. Дд. 1830, 1838, 2228, 2235, 2663, 2670, 3177, 3183, 3714, 3721.

Текущий архив Федеральной службы государственной статистики. Бюджетный отдел. Динамические ряды бюджетов колхозников.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф.4 – Фонд Уральского (Свердловского) обкома КПСС. Оп.41. Д.135, 138, 145, 147–148, 168–169, 171–172, 174, 176, 220, 222, 224, 232, 235, 240, 242–243, 248–249. Оп.43. Д.152–153, 157, 166–167, 171–172, 197–198, 222, 229. Оп. 44. Д.135, 222, 234, 240. Оп.45. Д.139, 205, 219. Оп.49. Дд. 9–10, 106,

120, 127, 130, 135–136. Оп.50. Дд.123, 217. Оп.52. Д.127. Оп.53. Д.112, 171. Оп.55. Дд. 173–174. Ф.376 – Фонд промышленного обкома КПСС. Оп.2. Д.159.

II. НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

1. *Агеенко К.П., Бобылев П.Н., Манаенков Т.С. и др.* Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа. – М., Воениздат, 1975.
2. *Алексеев В.В., Букин С.С.* Рост благосостояния рабочих Сибири в условиях строительства развитого социализма. – Новосибирск, 1980.
3. *Арутюнян Ю.В.* Новый этап развития сельского хозяйства СССР и его место в истории советского общества. – М., 1961.
4. *Базаров А.А.* Дурелом, или Господа колхозники: В 2 т. – Курган, 1997.
5. *Бакунин А.В.* Избранные труды. – Екатеринбург, 2004.
6. *Бакунин А.В., Денисевич М.Н.* Развитие торговли на Урале в послевоенные годы (1946–1950). – Свердловск, 1980.
7. *Бакунин А.В., Денисевич М.Н.* Развитие личных подсобных хозяйств населения: тенденции и перспективы (30-е–80-е годы). – Свердловск, 1990.
8. *Безнин М.А.* Значение бюджетных обследований в изучении истории колхозного крестьянства и совхозных рабочих 50-х–60-х годов (на материалах российского Нечерноземья) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XX. – Л., 1989.
9. *Безнин М.А.* Крестьянский двор в российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. – Вологда, 1991.
10. *Белова Н.Ф., Дмитриев И.И.* Семейный бюджет: статистический аспект. – М., 1990.
11. *Белянов В.А.* Личное подсобное хозяйство при социализме. – М., 1970.
12. *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х годов–начало 60-х годов. – М., 1992.
13. *Волков И.М.* Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. – М., 1972.
14. *Денисевич М.Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале. – Свердловск, 1991.

15. Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 5. – Екатеринбург, 2005.
16. **Дроговоз И.** Воздушный щит Страны Советов. ООО «Харвест». – Минск, 2004.
17. Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. – Вологда, 2001.
18. **Зима В.Ф.** Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. – М., 1996.
19. История народного хозяйства Урала (1946–1985 гг.). – Свердловск, 1990. Часть II.
20. **Корнилов Г.Е.** Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Свердловск, 1990.
21. **Кузнецов В.Н.** Атомный проект за колючей проволокой. – Екатеринбург, 2004.
22. **Мамяченков В.Н.** Доходы и потребление крестьянства Свердловской области в 1950-х годах. Депонирована в ИНИОН РАН 22.04.2005. №59239.
23. **Мамяченков В.Н.** Жилищное строительство в Свердловской области в первое послевоенное десятилетие (1946–1955 гг.) как важный фактор социальной политики. «II Емельяновские чтения»: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 2007. С. 166.
24. **Мамяченков В.Н.** Продовольственное обеспечение населения Свердловской области в условиях послевоенного кризиса (1946–1950). Вестник ЧелГУ. №5(106). История. Вып.23. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2008. С. 58–70.
25. **Мамяченков В.Н.** Роковые годы. Материальное положение колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы (1946–1960). – Екатеринбург, 2002.
26. Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни, 1917–1985 гг. – Свердловск, 1988.

27. Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975). – Свердловск, 1981.
28. **Мотревич В.П.** Развитие сельского хозяйства на Урале в 1940-е годы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук в форме научного доклада. – Екатеринбург, 1993.
29. **Мотревич В.П.** Экономическая история России. – Екатеринбург, 2004.
30. **Мотревич В.П.** Развитие сельского хозяйства Урала в первые послевоенные годы (1946–1950). – Свердловск, 1990.
31. **Островский В.Б.** Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. – Саратов, 1967.
32. **Попов В.П.** Крестьянство и государство (1946–1953). – Париж, 1992.
33. **Пятунин М.** Забота партии о благе народа. – Свердловск, 1953.
34. Развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма (1938–1958 гг.). – Свердловск, 1982.
35. Развитие сельского хозяйства в Свердловской области за годы Советской власти (1917–1987гг.). – Свердловск, 1987.
36. **Салмин Н.А.** Интернационализм в действии. Часть 1. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2001.
37. **Саматов В.А. и др.** История советского Урала, 1946–1975. – Свердловск, 1983.
38. **Симонов Н.С.** Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. – М., 1996.
39. **Синютин В.М.** На пути к рациональному потреблению непродовольственных товаров. – М., 1964.
40. **Смирнов С.В.** Повышение благосостояния трудящихся. – Свердловск, 1955.
41. Советская деревня в первые послевоенные годы. – М., 1978.
42. Совхозы Урала в период социализма 1938–1985гг.: Сборник научных трудов. – Свердловск, 1986.

43. *Толмачева Р.П.* Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946–1950 гг.). – Томск, 1979.
44. *Травинцев А.Н.* Развитие сельского хозяйства в Свердловской области. – Свердловск, 1958.
45. Уральское село в XX веке: Сборник статей и информационных материалов. – Екатеринбург, 1994.
46. *Чернявский У.Г.* Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великой Отечественной войне. – М., 1964.
47. *Чигвинцев И.Н.* Неуклонный рост жизненного уровня советского народа. – Свердловск, 1957.
48. *Шандра В.А.* Повышение материального и культурного уровня жизни народа. – Свердловск, 1956.
49. *Шмелев Г.И.* Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. – М., 1971.
50. *Шмелев Г.И.* Личное подсобное хозяйство: возможности и перспективы. – М., 1983.
51. *Шмелев Г.И.* Личное подсобное хозяйство. – М., 1985.

III. МЕМУАРНАЯ, ПУБЛИСТИЧЕСКАЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов Ф.А.* Собрание сочинений: В 6 т. – Л., 1990.
2. *Антипенко Н.А.* На главном направлении. – М., 1967.
3. *Буковский В.* «И возвращается ветер....» Письма русского путешественника. – М., 1990;
4. *Бурлацкий Ф.М.* Вожди и советники. – М., 1990.
5. *Василий Селюнин, Николай Шмелев.* Истоки. Авансы и долги. – М., 1990.
6. *Верт Н.* История Советского государства. 1900–1991. – М., 1996.
7. *Вертинский А.Н.* Дорогой длиною... – М., 1990.
8. *Воскресенская З., Шаранов Э.* Тайна Зои Воскресенской. – М., 1998.
9. *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. – М., 2006.

10. *Григоренко П.Г.* В подполье можно встретить только крыс. – Нью-Йорк. 1981.
11. *Губарев В.С.* Секретный атом. – М., 2006.
12. *Зверев А.Г.* Записки министра. – М., 1973.
13. *Катукова Е.С.* Памятное. – М., 2002.
14. *Королев Ю.А.* Кремлевский советник. – М., 1995.
15. *Крючков В.А.* Личное дело. – М., 2003.
16. *Леонов Н.С.* Лихолетье. – М., 1995.
17. *Манойлин В.И.* Базирование Военно-морского флота СССР. – СПб., 2004.
18. *Марченко А.* Мои показания. – М., 2005.
19. *Млечин Л.М.* Брежнев. – М., 2008.
20. *Назибин Ю.М.* Дневник. – М., 1996.
21. *Наумов В. и Сизачев Ю.* Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. – М., 1999.
22. *Никонов Н.Г.* Дальние берега: Повести. – Свердловск, 1980.
23. *Носов Е.И.* В чистом поле...: Повести, рассказы. – М., 1980.
24. *Овечкин В.В.* Избранные произведения: В 2 т. – М., 1963.
25. *Панова В.Ф.* Собрание сочинений: В 5 т. – М., 1969.
26. *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945–1985. – М., 2007.
27. *Решетников В.В.* Что было – то было. – М., 2005.
28. *Сахаров А.Д.* Воспоминания: В 2 т. – М., 1996.
29. *Смыслов О.С.* Василий Сталин. Заложник имени. – М., 2003.
30. *Соболев Л.С.* Капитальный ремонт. – М., 1962.
31. *Соколов Б.В.* Берия: судьба всесильного наркома. – М., 2003.
32. *Солженицын А.И.* Малое собрание сочинений: В 8 т. – М., 1991.
33. *Стрейс Я.Я.* Три путешествия. – М., 1935.
34. *Тендряков В.Ф.* Собрание сочинений: В 4 т. – М., 1978.
35. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. – М., 2003.
36. *Хоскинг Дж.* История Советского Союза. 1917–1991. – М., 1995.

37. *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. – М., 1999.
38. *Шукин В.М.* Собрание сочинений: В 3 т. – М., 1984.
39. *Яковлев А.Н.* Горькая чаша. – М., 1994.
40. *Яковлев А.Н.* Сумерки. – М., 2003.

IV. ЛИТЕРАТУРА ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

1. *Анурьев Ю.П.* Новоуральск. Годы и судьбы. – Екатеринбург, 1995.
2. *Кулагина Г.А.* Свидетель века. – Екатеринбург, 2005.
3. Мы приближали Победу / Под ред. Толмачевой Н.С. – Екатеринбург, 2000.

V. ТРУДЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

World Development Indicators. –Washington, 1999.

VI. ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. *Денисевич М.Н.* Индивидуальное хозяйство в политике Советского государства в 30-е–первой половине 80-х (на материалах Урала). Дис ... д-ра ист. наук. – Екатеринбург, 1993.
2. *Мамяченков В.Н.* Материальное положение колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы (1946–1960). Дис ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 1999.
3. *Мотревич В.П.* Развитие сельского хозяйства на Урале в 1940-е годы. Дис ... д-ра ист. наук в форме научного доклада. – Екатеринбург, 1993.
4. *Толмачева Р.П.* Колхозы Урала в послевоенные годы. Дис ... д-ра ист. наук. – Свердловск, 1982.

VII. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

1. Америка.
2. Аргументы и факты.
3. Наш современник.
4. Новая и новейшая история.

5. Новый мир.
6. Правда.
7. Труд.
8. Уральский рабочий.
9. Факты.

VIII. ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

1. <http://airwar.ru>
2. <http://duel.ru>
3. <http://www.kommersant.ru>
4. <http://newsria.narod.ru>
5. <http://rus-lib.ru>

Приложение

Табличный материал

Приложение 1

Динамика численности и соотношения городского и сельского населения Свердловской области в 1926—1959 годах

	Годы		
	1926	1939	1959
Численность населения, тыс. чел.	1638	2 610	4 044
В том числе городское, %	33,7	59,5	76,0
В том числе сельское, %	61,3	40,5	24,0

Источник: Свердловская область в цифрах, 1966–1970 годы: Статистический сборник. Свердловск, 1971. С. 7; *Мотревич В.П.* Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года... С. 288.

Приложение 2

Динамика численности сельского населения Урала в исследуемый период, тыс. чел.

Республики, области	Годы					
	1939*	1946	1947	1950	1951	1959*
Башкирия	2618,6	1933,4	2002,6	1944,3	1944,0	2059,6
Удмуртия	898,8	662,0	680,4	689,3	739,2	744,3
Курганская	–	636,8	650,0	615,8	654,0	670,9
Чкаловская**	1296,7	1058,0	971,8	957,4	1019,9	1005,0
Пермская	1259,9	1136,4	987,0	1047,2	1187,0	1226,4
Свердловская	1007,7	801,2	830,4	810,8	923,1	970,4
Челябинская	1619,6***	520,5	540,9	556,2	599,0	703,3
Весь Урал	8701,3	6748,3	6663,1	6621,0	7066,2	7379,9

* Для справки   ** после 1957 г. - Оренбургская   *** Вместе с Курганской областью.
Источники: *Анимациа Е.М.* Весь Урал: Справочник. Екатеринбург, 1996. С. 12; *Корнилов Г.Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 30; *Мотревич В.П.* Сельское хозяйство Урала в показателях статистики... С. 75; *Он же.* Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года... С. 20, 78, 126, 180, 232, 288; Численность населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1990. С. 20–21.

Приложение 3

Средняя численность семей рабочих и колхозников Свердловской области в исследуемом периоде, чел.

Категории семей	Годы								
	1940*	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953
Рабочие (все категории)	3,60	н/св	н/св	н/св	н/св	н/св	н/св	3,53	3,58
Рабочие промышленности	3,59	н/св	н/св	н/св	н/св	3,52	н/св	3,44	3,47
Колхозники	4,30	3,54	3,65	3,49	3,43	3,44	3,47	3,61	3,59

* Для справки.
Источники: ГАСО. Ф.Р1813. Оп.1. Д.457. Л.52. Д.518. Л.5. Оп.14. Д.47. Л.15А. Д.290. Л.27. Д.401. Л.6А. Д.657. Л.1. Д.914. Л.21. Д.1403. Л.56. Д.1916. Л.11. Д.2789. Л.35; Динамические ряды бюджетов рабочих промышленности 1952–1968 гг. ТОФСГС по Свердловской области.

Приложение 4

**Потребление основных продуктов питания колхозниками
Свердловской области в годы Великой Отечественной войны
(на одну наличную душу), кг/год**

Виды продуктов	Годы					
	1940*	1941	1942	1943	1944	1945
Хлебопродукты	243	223	176	129	114	137
Картофель	124	165	236	374	362	416
Овощи и бахчевые	38	41	56	80	81	92
Кормовые корнеплоды	0,2	0,1	0,9	3,2	4,2	1,7
Мясопродукты	21	17	13	12	9	11
Молокопродукты	135	141	161	204	235	221
Яйца, шт.	81	62	51	45	26	31
Сахар	2,0	1,4	0,1	0,06	0,03	0,2
Кондитерские изделия	1,2	1,2	0,02	0,02	0,01	0,07
Рыба всякая	3,0	1,8	0,3	1,1	1,2	0,8
Фрукты и ягоды свежие	3,9	2,7	н/св.	0,6	1,1	2,0

* Для справки

Источники: *Денисевич М.Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале... С. 81, 176, 177; *Корнилов Г.Е.* Указ. соч. С.178; Материально-бытовое положение трудящихся... С.63; ГАСО. Ф.Р1813. Оп.1. Д.457. Л.63, 66, 72, 77. Д.513. Л.56–57, 60–61, 81–82, 85–86. Д.514. Л.64–65, 68–69, 82–83, 86–87. Д.515. Л.74, 77–78, 86–89. Д.516. Л.78, 81, 93, 98. Д.517. Л.82, 85, 91, 94.

Приложение 5

**Приобретение некоторых непродовольственных промтоваров
колхозниками Свердловской области
в годы Великой Отечественной войны (на одну наличную душу в год)**

Годы	Ткани, м	Обувь, пар	Чулки и носки, пар	Спички, коробок	Мыло:		Керосин, л
					хозяйственное, кг	туалетное, кг	
1940*	5,2	1,1	н/св	н/св	0,9	0,1	2,3
1941	5,8	1,1	0,9	н/св	0,7	0,1	1,3
1942	0,7	0,5	0,05	н/св	0,3	0,02	0,3
1943	1,0	0,6	0,1	3,0	0,3	0,01	0,3
1944	0,6	0,6	0,1	8,3	0,3	0,006	0,2
1945	0,9	0,6	0,2	9,8	0,4	0,007	0,5

* Для справки.

Источники: *Корнилов Г.Е.* Указ. соч. С. 177; Материально-бытовое положение трудящихся... С. 65; ГАСО. Ф.Р1813. Оп. 1. Д. 457. Л. 64–65, 74–75. Д. 513. Л. 58–59, 83–84. Д. 514. Л. 66–67, 84–85. Д. 515. Л. 75–76, 77–87, 90–91. Д. 516. Л. 79–81, 95–96, 98. Д. 517. Л. 81, 85–86, 92–94.

Приложение 6

Электрификация колхозов Урала в исследуемый период

Республики, области	Количество электрифицированных колхозов по годам (в процентах от общего количества)				
	1940*	1946	1948	1950	1953
Башкирия	1,3	3,2	6,1	9,0	н/св
Удмуртия	1,2	5,8	16,1	28,6	н/св
Курганская	0,1	1,1	3,8	9,0	15,0
Свердловская	9,9	53,0	80,4	86,8	81,0
Чкаловская	0,8	1,6	5,0	11,1	20,5
Пермская	2,3	8,7	21,9	29,9	37,0
Челябинская	3,8	11,9	26,4	37,3	50,0

* Для справки.

Источники: *Мотревич В.П.* Развитие сельского хозяйства Урала в первые послевоенные годы (1946–50 гг.). Свердловск, 1990. С. 35; *Толмачева Р.П.* Колхозы Урала в 1950-е годы... С. 45, 48; Народное хозяйство Курганской области: Статистический сборник. Челябинск, 1957. С. 104; Оренбургская область за 25 лет... С. 56; Народное хозяйство Свердловской области... С. 131; Народное хозяйство Пермской области за годы Советской власти: Статистический сборник. Пермь, 1967. С. 145; Народное хозяйство Челябинской области: Статистический сборник. Челябинск, 1961. С. 100 (расчеты автора).

Приложение 7

**Состояние электрификации
сельского хозяйства Свердловской области в 1950 году**

	Всего хозяйств на 01.01.1951 г.	Из них пользовались электроэнергией в 1950 году	Доля электрифицированных хозяйств, %	
			на 01.01. 1950 г.	на 01.01.1951 г.
Совхозы	29	28	95,2	96,6
МТС	86	84	98,8	97,7
Колхозы	828	719	72,4	86,8

Источник: ЦДООСО. Ф.4. Оп. 49. Д.135. Л.116.

Приложение 8

**Распределение колхозов Свердловской области по продолжительности
пользования электроэнергией в течение 1950 года**

	Пользовались электроэнергией (месяцев)						Итого
	все 12	10–11	7–9	4–6	1–3	менее 1	
Все колхозы (без колхозов, электрифицированных в 1950 году*)	302	61	114	125	96	4	702
% к итогу	43,0	8,7	16,2	17,8	13,7	0,6	100,0

* В 1950 году было электрифицировано 17 колхозов.

Источник: ЦДООСО. Ф.4. Оп. 49. Д.135. Л.117.

**Государственные розничные цены в СССР на продукты питания
в исследуемый период, руб./кг**

Виды продуктов	Годы					
	1940*	1947	1949	1950	1952	1953
Мука ржаная (обойная, I с.)	2,00	4,80	4,40	2,80	2,50	2,25
Мука пшеничная (обойная, I с.)	н/св	8,00	7,20	4,20	3,60	3,25
Хлеб ржаной	н/св	3,00	2,70	1,70	1,50	1,35
Хлеб пшеничный	н/св	4,40	4,00	2,40	2,00	1,80
Пшено и крупа гречневая**	н/св	9,00	8,10	5,60	4,75	4,27
Макароны (из пшеничной муки, I с.)	н/св	10,00	9,00	5,70	4,80	4,30
Картофель	0,60	1,00	1,00	0,90	0,90	0,45
Капуста квашеная	н/св	1,80	1,80	1,50	1,50	0,75
Фрукты свежие (яблоки, I с.)***	н/св	20,50	20,50	16,40	13,10	6,55
Фрукты сушеные (урюк)	н/св	23,00	23,00	18,40	14,70	11,80
Молоко (цельное)	2,30	3,33	3,38	2,67	2,43	2,43
Сметана (30% жирн., I с.)	н/св	21,67	21,67	15,60	14,07	14,07
Сыр голландский (45% жирности)	н/св	58,00	50,00	36,00	28,80	28,80
Творог (жирный, I с.)	н/св	9,50	9,00	6,50	5,83	5,83
Масло сливочное (несоленное)	н/св	62,00	56,00	33,20	28,30	25,50
Мargarin (столовый, I с.)	н/св	33,00	33,00	19,30	16,40	14,80
Масло растительное (нерафинированное, I с.)	12,90	29,00	29,00	26,10	20,90	18,80
Яйцо (столовое, I с.), десяток	5,00	13,33	13,33	10,20	8,67	7,80
Мясо (говядина ср.уп., I с.)	10,40	30,00	27,00	17,40	14,80	12,60
Сахар****	5,50	14,25	14,25	12,35	11,15	10,05
Конфеты (фруктово-ягодная смесь)	н/св	23,00	23,00	20,40	18,40	16,60
Печенье (из муки в/с)	н/св	22,00	20,00	14,40	12,70	11,40
Чай (грузинский, I с.)	н/св	160,00	160,00	130,00	104,00	84,00

* Для справки

** Средняя цена на пшено и гречневую крупу.

*** Цена выведена из летних и зимних цен на яблоки в соотношении 1:1.

**** Средняя цена на сахар-рафинад и сахарный песок.

Источники: *Алексеев В.В., Букин С.С.* Рост благосостояния рабочих Сибири в условиях строительства развитого социализма. Новосибирск, 1980. С. 97–98; *Уралов В.М.* Уровень жизни нашего народа в 1913–1993 гг.: Аналитический справочник. М., 1995. С. 24–25.

**Государственные розничные цены в СССР на непродовольственные
промтовары в исследуемый период, руб./единицу товара**

Виды товаров	Годы				
	1940*	1947	1949	1951	1953
Пальто зимнее	388,00	840,90	740,00	592,00	592,00
Пальто демисезонное	196,00	569,31	501,00	390,00	390,00
Костюм двубортный	410,00	1005,60	885,60	796,60	796,60
Костюм х/б двубортный	82,00	192,00	192,00	167,00	167,00
Брюки х/б	36,00	84,00	84,00	73,00	63,50
Телогрейка ватная	41,00	102,00	102,00	87,00	76,50
Рубашка верхняя рабочая	18,33	52,55	52,55	44,67	38,00
Рубашка рабочая верхняя праздничная	35,00	86,00	86,00	71,00	61,50
Рубашка нижняя	14,40	32,00	32,00	27,80	24,10
Кальсоны	17,50	40,00	40,00	34,80	30,00
Носки	3,00	7,00	7,00	5,95	4,25
Кепи	25,00	107,23	91,15	59,25	53,30
Полуботинки праздничные (на кожаной подошве)	130,00	260,00	221,00	221,00	203,00
Ботинки рабочие (на резиновой подошве)	50,00	97,00	97,00	82,00	74,00
Галоши мужские, I сорт	22,00	45,00	45,00	40,50	34,40
Сапоги валяные	60,00	194,66	194,66	146,00	139,00
Простыня полульняная	24,00	65,00	65,00	55,20	50,80
Полотенце льняное	5,30	14,07	14,07	12,10	11,10
Наволочка (бязь, 1,5 м)	6,15	17,65	17,65	15,00	12,75
Одеяло шерстяное	55,00	148,75	148,75	199,00	113,05
Матрац	38,00	77,00	77,00	65,45	55,63
Стул	13,00	34,00	34,00	27,00	25,80
Стол обеденный	100,00	231,00	231,00	185,00	176,00
Кровать	540,00	600,00	600,00	432,00	432,00
Часы наручные «Звезда»	450,00	900,00	500,00	360,00	342,00
Кастрюля алюминиевая	8,00	18,14	18,14	12,70	11,40
Чайник эмалированный	13,00	24,90	24,90	21,20	19,10
Таз эмалированный	8,00	20,00	20,00	17,00	15,30
Тарелка глубокая	2,90	11,20	11,20	7,15	6,10
Чашка чайная	2,05	9,00	9,00	5,75	4,90

*Для справки.

Источник: *Алексеев В.В., Букин С.С.* Указ. соч. С. 99–100.

**Среднедушевые денежные доходы и расходы семей рабочих
промышленных предприятий Свердловской области
в исследуемый период, руб./год**

Доходы и расходы	Годы						1951	1952	1953
	1940*	1946	1947	1948	1949	1950			
Всего доходов	2 171	4 282	5 726	5 373	5 497	5 453	Н е т с в е д е н и й	5 849	5 873
— в том числе									
заработная плата	1 847	3 466	4 341	4 754	4 809	4 640		5 078	4 955
Всего расходов	2 195	4 252	5 709	5 187	5 423	5 387		5 587	5 547
в том числе:									
питание	1 292	1 803	3 140	2 430	2 308	2 199		2 187	2 137
одежда и обувь	351	791	643	839	939	960		983	1 049
налоги и сборы	н/св	316	388	448	446	н/св		475	466
облигации госзаймов	н/св	330	290	313	319	322		н/св	н/св
спиртоводочные изделия	н/св	184	130	149	173	195		214	231
лечение	н/св	112	79	90	120	н/св		119	127
культуртовары	14	91	95	77	109	138		75	91
жилье и коммунальные услуги	н/св	72	69	94	112	123		165	177
табачные изделия	н/св	65	66	59	55	50		49	44
мебель и хозяйинвентарь	29	27	50	54	91	94		117	117
топливо	н/св	53	31	38	44	40		42	42
отложено в сберкассу	н/св	4,3	2,2	29	51	82		156	191

* Для справки.

Источники: ГАСО. Ф.Р1813. Оп.1. Д.227. Л.84. Оп.14. Д.2. Л.3. Д.216. Л.19. Д.354. Л.18. Д.568. Л.13, 20, 31. Д.2789. Л.5–7; Динамические ряды бюджетов рабочих... (расчеты автора).

**Средний размер заработной платы рабочих разной квалификации
предприятий всех отраслей промышленности Свердловской области
в начале 1950-х годов, руб./мес.**

Категории рабочих	Годы		
	1951	1952	1953
Среднемесячная зарплата квалифицированных рабочих	н/св	1 205	1 139
Среднемесячная зарплата малоквалифицированных рабочих	н/св	809	807
Среднемесячная зарплата всех обследуемых рабочих	1 041	1 033	1 010
Среднегодовая зарплата всех обследуемых рабочих	12 492	12 396	12 120

Источник: ГАСО. Оп.14. Д.2324. Л.148–155. Д.2789. Л.85 (расчеты автора).

Приложение 13

**Удельный вес некоторых видов денежных расходов семей рабочих
промышленных предприятий Свердловской области
в исследуемый период (от общей суммы расходов, %)**

Виды расходов	Годы							
	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953
Все расходы, руб.	4 252	5 709	5 187	5 423	5 387	н/св	5 587	5 547
Продукты питания	42	55	47	43	41	н/св	39	39
Одежда, обувь, головные уборы, галантерея и трикотаж	19	11	16	17	18	н/св	18	19
Налоги	7,4	6,8	8,6	8,2	н/св	н/св	8,5	8,4
Алкогольные напитки и табачные изделия	5,9	3,4	4,8	4,2	4,5	н/св	4,7	5,0
Вклады в сберкассах	0,1	0,04	0,6	0,9	1,5	н/св	2,8	3,4

Источник: Динамические ряды бюджетов рабочих... (расчеты автора).

Приложение 14

**Среднедушевые денежные доходы и расходы семей ИТР
промышленных предприятий Свердловской области
в первые послевоенные годы, руб./год**

Доходы и расходы	Годы				
	1946	1947	1948	1949	1950
Всего доходов	4 965	7 398	6 750	6 699	6 659
– в том числе заработная плата	4 084	5 691	6 058	6 035	5 528
Всего расходов	4 852	7 395	6 548	6 533	6 643
– в том числе:					
питание	1 974	3 850	2 776	2 562	2 498
одежда, ткани, обувь	801	726	919	1 052	967
налоги и сборы	380	452	533	509	н/св
облигации госзаймов	378	457	473	422	406
спиртоводочные изделия	272	212	244	266	220
лечение	131	144	127	158	н/св
культуровары	115	108	127	173	202
жилье и коммунальные услуги	99	133	144	187	202
табачные изделия	97	96	80	81	78
мебель и хозяйинвентарь	52	84	82	135	104
топливо	48	43	51	55	48
отложено в сберкассах	44	29	90	84	267

Источник: ГАСО. Ф.Р1813. Оп.1. Д.227. Л.82. Оп.14. Д.2. Л.11. Д.216. Л.14. Д.354. Л.24. Д.568. Л.12, 19, 26 (расчеты автора).

**Среднедушевые денежные доходы и расходы семей служащих
промышленных предприятий Свердловской области
в первые послевоенные годы, руб./год**

Доходы и расходы	Годы				
	1946	1947	1948	1949	1950
Всего доходов	4 372	5 340	4 999	5 409	5 277
– в том числе заработная плата	3 231	3 641	4 219	4 476	4 433
Всего расходов	4 324	5 311	4 875	5 339	5 235
– в том числе:					
питание	1 845	2 965	2 376	2 269	2 101
одежда, ткани, обувь	1 027	670	739	1 009	835
налоги и сборы	217	292	373	239	н/св
облигации госзаймов	244	262	285	291	309
спиртоводочные изделия	134	115	111	140	183
лечение	131	109	115	128	179
культуровары	91	90	61	96	103
жилье и коммунальные услуги	54	82	113	121	113
табачные изделия	30	50	57	35	39
мебель и хозяйинвентарь	25	40	43	77	88
топливо	30	12	23	49	46
отложено в сберкассах	–	20	9	4	30

Источник: ГАСО. Ф.Р1813. Оп.1. Д.227. Л.83. Оп.14. Д.2. Л.7. Д.216. Л.13. Д.354. Л.17. Д.568. Л.8, 16, 25 (расчеты автора).

**Зарботная плата ИТР и служащих некоторых
промышленных предприятий г. Свердловска в июне 1951 года**

Должность обследуемого	Предприятие	Размер зарботной платы, руб.
Начальник КБ	УЗТМ	1 825
Начальник смены	Хлебокомбинат	1 827
Старший мастер	УЗТМ	1 368
Старший мастер-контролер	ВИЗ	1 655
Зав. техбюро	УЗТМ	1 589
Мастер	УЗТМ	983
Мастер	Приборостроительный завод № 50	879
Технолог	ВИЗ	1 562
Технолог	УЗТМ	1 472
Технолог	Хлебокомбинат	1 305
Инженер	ГПЗ-6	954
Инженер-экономист	Завод № 52	580
Конструктор	УЗТМ	880
Инструктор	Фабрика «Одежда»	794
Нормировщик	Фабрика «Одежда»	3 919*
Экономист	УЗТМ	1 484
Техник	УЗТМ	1 085

* Видимо, с учетом отпускного пособия и пособия по беременности и родам.

Источник: ГАСО. Ф.Р1813. Оп.14. Д.900. Л.1–32.

Приложение 17

Удельный вес расходов на питание в общей сумме расходов семей рабочих, ИТР и служащих промышленных предприятий Свердловской области и города Свердловска в первые послевоенные годы, %

Категории граждан	Годы					
	1940*	1946	1947	1948	1949	1950
Рабочие области	59	42	55	47	43	41
Рабочие Свердловска	н/св	н/св	54	56	52	40
ИТР области	н/св	41	52	42	39	38
ИТР Свердловска	н/св	н/св	51	45	н/св	43
Служащие области	н/св	43	56	49	42	40
Служащие Свердловска	39	н/св	56	49	н/св	40

* Для справки.

Источник: ГАСО. Ф.Р1813. Оп.1. Д.227. Л.82–84. Д.175. Л.169. Оп.14. Д.2. Л.3, 7, 11, 14, 17, 20. Д.216. Л.3, 6, 9, 13–14, 19. Д.227. Л.83. Д.354. Л.17–18, 20, 24. Д.568. Л.1–2, 6–8, 11–13, 15–16, 18–20, 23, 25–26, 28, 31. Д.2789. Л.5–7 (расчеты автора).

Приложение 18

Среднедушевые денежные доходы семей колхозников Свердловской области в исследуемый период, руб./год

Годы	Получено зарплаты		Получено от поставок		Получено от продаж			Пенсии и различные пособия	Прочие доходы	Всего доходов
	из колхоза и МТС	за работу по найму	продуктов	скота и птицы	скота, птицы, пчел	продуктов сельского хозяйства	прочих продуктов			
1946	118	134	7	2	180	664	8	89	218	1420
1947	153	160	9	3	183	632	13	111	271	1535
1948	128	191	16	10	132	300	7	107	122	1013
1949	106	199	18	11	118	339	8	118	132	1049
1950	95	210	18	11	97	318	10	119	144	1022
1951	91	253	18	16	108	197	13	124	268	1088
1952	173	328	19	15	76	356	16	142	139	1264
1953	207	317	21	24	103	426	15	152	251	1516

Источник: ГАСО. Ф.Р1813. Оп.1. Д.518. Л.20–21. Оп.14. Д.47. Л.4, 11. Д.290. Л.39. Д.401. Л.5, 13. Д.657. Л.13, 25. Д.914. Л.18–19. Д.1403. Л.6–7. Д.1916. Л.4, 9 (расчеты автора).

Приложение 19

**Доля заработной платы в денежных доходах семей колхозников
Свердловской области в исследуемый период**

Годы	Весь денежный доход семьи, руб.	В том числе заработная плата в колхозе, МТС и по найму:	
		в абсолютном выражении, руб.	в процентах
1946	5 027	892	18
1947	5 603	1 142	20
1948	3 535	1 113	32
1949	3 651	1 058	30
1950	3 516	1 049	30
1951	3 775	1 194	32
1952	4 563	1 807	40
1953	5 442	1 881	35

Источник: ГАСО. Ф.Р1813. Оп.1. Д.518. Л.20–21. Оп.14. Д.47. Л.4, 11. Д.290. Л.39. Д.401. Л.5, 13. Д.657. Л.13, 25. Д.914. Л.18–19. Д.1403. Л.6–7. Д.1916. Л.4, 9 (расчеты автора).

Приложение 20

**Средний размер оплаты одного трудодня колхозников Свердловской
области в денежном и натуральном выражении в 1950–1953 годах**

Годы	Средняя выдача на один трудодень:			
	денег, руб.	зерна, кг	картофеля и овощей, кг	сена и соломы, кг
1940*	0,60	1,95	0,24	3,05
1945*	0,81	0,76	0,15	1,01
1950	0,48	1,15	0,25	1,02
1951	0,57	0,84	0,07	0,85
1952	0,51	1,41	0,11	1,14
1953	0,82	1,84	0,12	1,09

* Для справки

Источник: ЦДООСО. Ф.4. Оп. 53. Д.171. Л.50.

Приложение 21

**Использование труда колхозников Свердловской области
в исследуемый период**

Годы	Отработано часов (на одну наличную душу):				В процентах:		
	в колхозе и МТС	по найму	в ЛПХ	всего	в колхозе и МТС	по найму	в ЛПХ
1946	1154	117	279	1550	74	8	18
1947	1213	104	290	1607	78	7	15
1948	1208	121	280	1609	78	8	14
1949	1157	134	267	1558	75	9	16
1950	1167	136	278	1581	75	9	16
1951	1118	127	253	1498	72	8	20
1952	1108	162	235	1505	71	10	19
1953	1057	113	250	1420	68	7	25

Источник: РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.78, 165. Д.2228. Л.80, 165. Д.2663. Л.81, 166. Д.3177. Л.80, 165. Д.3714. Л.97, 199. Оп. 26. Д.88. Л.130–131; ГАСО. Ф.Р1813. Оп.14. Д.914. Л.21. Д.1916. Л.11, 13 (расчеты автора).

Приложение 22

**Среднедушевые денежные расходы семей колхозников
Свердловской области в исследуемый период, руб./год**

Годы	Куплено:			Уплачено:			Прочие расходы	Всего расходов
	скота, птиц, пчел	различных продуктов	промтоваров (в том числе хлеба)	сельхозналога	прочих налогов и сборов	за облигации госзаймов		
1946	78	204	676	81	28	46	296	1409
1947	107	189	667	85	28	46	497	1619
1948	57	126	410	128	29	36	200	986
1949	55	91	484	141	37	38	205	1051
1950	53	98	489	119	35	33	191	1018
1951	50	101	537	129	36	30	205	1088
1952	40	132	656	130	44	46	242	1290
1953	73	125	833	91	37	24	309	1492

Источник: ГАСО. Ф.Р1813. Оп.1. Д.518. Л.20, 21. Оп.14. Д.47. Л.4, 11. Д.290. Л.39. Д.401. Л.5, 13. Д.657. Л.13, 25. Д.914. Л.18–19. Д.1403. Л.6–7. Д.1916. Л.4, 9 (расчеты автора).

Приложение 23

**Расходы по уплате налогов и на приобретение облигаций госзаймов
семей колхозников Свердловской области в исследуемый период**

Годы	Весь денежный расход семьи, руб.	В том числе налоги, сборы и облигации госзаймов	
		в абсолютном выражении, руб.	в процентах
1946	4 988	545	11
1947	5 877	580	9,9
1948	3 441	674	20
1949	3 657	752	21
1950	3 502	643	18
1951	3 775	677	18
1952	4 657	794	17
1953	5 362	546	10

Источник: ГАСО. Ф.Р1813. Оп.14. Д.914. Л.18–19. Д.1403. Л.6–7. Д.1916. Л.4, 9. Д.2236. Л.57, 67. Д.2743. Л.31. Д.2744. Л.18. Д.2756. Л.85–86. Д.2818. Д.95–96. Д.2936. Л.2–21 (расчеты автора).

Приложение 24

**Расходы по уплате налогов колхозников и рабочих
Свердловской области в 1950 году**

Уплачено налогов в денежной форме на одну наличную душу:			
рабочими		колхозниками	
в рублях	в % от суммы расходов	в рублях	в % от суммы расходов
431,2	8,5	153,8	15,1

Источник: ГАСО. Ф. Р1813. Оп.14. Д.568. Л.792, 794, 796. Д.657. Л.13, 25 (расчеты автора).

**Обеспеченность скотом, птицей и пчелами хозяйств колхозников
Башкирии, Чкаловской и Свердловской областей в исследуемый период
(на 100 наличных душ колхозников на начало года, голов)**

Годы	Республика, области	КРС	Сви- нии	Овцы и козы	Птица	Кролики	Пчелы, рогов	Лошади
1946	Башкирия	129,9	9,4	236,1	255,1	—	21,4	—
	Чкаловская	162,9	9,3	234,6	524,7	—	10,0	0,1
	Свердловская	132,7	10,3	172,6	441,1	3,2	9,3	—
1947	Башкирия	142,7	13,9	222,1	419,0	—	28,0	0,2
	Чкаловская	161,6	11,0	225,8	606,8	—	12,4	0,2
	Свердловская	121,3	8,7	151,1	492,7	6,8	8,5	—
1948	Башкирия	145,5	5,7	217,2	360,8	—	28,0	—
	Чкаловская	163,3	8,4	224,9	540,6	—	12,4	0,1
	Свердловская	121,1	2,6	138,9	409,3	5,6	7,5	—
1949	Башкирия	155,2	5,3	213,1	416,7	—	34,3	—
	Чкаловская	154,3	7,6	206,3	680,1	—	14,0	0,1
	Свердловская	117,4	10,7	131,3	451,2	24,0	8,5	—
1950	Башкирия	129,9	4,3	173,5	425,3	1,2	39,1	—
	Чкаловская	147,7	6,4	179,1	653,2	—	13,3	—
	Свердловская	107,2	15,9	119,9	579,6	24,8	8,9	—
1951	Башкирия	110,6	5,5	171,1	485,1	1,4	38,7	—
	Чкаловская	138,1	9,3	173,6	792,8	—	13,6	—
	Свердловская	91,1	7,1	101,7	624,6	30,6	8,3	—
1952	Башкирия	112,7	6,5	167,7	781,6	1,3	21,4	—
	Чкаловская	119,8	7,2	159,6	1037,8	0,6	13,2	—
	Свердловская	81,2	5,0	83,7	705,7	4,2	—	—
1953	Башкирия	100,7	5,5	156,5	897,9	3,2	29,9	—
	Чкаловская	117,5	7,5	156,6	1190,9	1,2	11,4	—
	Свердловская	79,5	7,9	87,0	750,2	65,6	6,2	—

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1830. Л. 216, 218–219. Д. 2228. Л. 224–225, 227. Д. 2663. Л. 216, 218–219. Д. 3177. Л. 233, 235–236. Д. 3714. Л. 250, 252–253; Оп. 26. Д. 88. Л. 25–26, 121, 129, 168 (расчеты автора).

**Количество хозяйств колхозников Урала, не имевших
скота в исследуемый период (в процентах к общему числу хозяйств)**

Виды скота	Годы	
	1946	1952
Всех видов	9	14
Крупный рогатый скот	16	36
В том числе коров	27	45
Свиней	91	51
Овец и коз	38	48

Источники: *Денисевич М.Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале... С. 143, 173; ГАСО. Ф.Р1813. Оп.14. Д.2818. Л.16.

**Численность скота в общественном и частном секторах
Свердловской области в начале 1950-х годов
(по состоянию на 1 января), тыс. голов**

Годы	Категории хозяйств	Виды скота					
		КРС		свиньи	овцы	козы	лошади
		всего	в том числе коровы				
1951	Всего по области	592,6	315,2	251,4	408,6	130,4	165,6
	Колхозники	103,7	67,4	4,8	53,2	29,5	—
	Рабочие и служащие	158,8	124,3	7,6	53,7	100,0	4,3
1952	Всего по области	588,8	308,9	242,9	423,7	162,8	176,5
	Колхозники	98,1	64,1	7,0	57,9	38,7	—
	Рабочие и служащие	157,1	123,2	11,4	65,5	122,8	3,2
1953*	Всего по области	651,9	312,1	483,1	781,1		н/д
	Колхозники	122,0	63,4	71,4	164,4		—
	Рабочие и служащие	178,2	119,0	88,5	273,3		н/д

* На 01.10.1953 г.

Источник: ЦДООСО. Ф.4. Оп.49. Д.136. Л.23. Оп.53. Д.171. Л.8.

**Продуктивность скота и птицы хозяйств колхозников
Башкирии, Оренбургской и Свердловской областей в 1952 году**

Республика, области	Показатели продуктивности		
	удой молока на одну корову, л	яйценоскость одной курицы, шт.	настриг шерсти с одной овцы, кг
Башкирия	1210	67	2,8
Оренбургская	1296	64	2,6
Свердловская	1397	72	1,9

Источник: Текущий архив ФСГС. Бюджетный отдел. Динамические ряды бюджетов колхозников.

**Производство молока и шерсти в хозяйствах колхозников
Свердловской области в исследуемом периоде**

Показатели продуктивности	Годы							
	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953
Удой молока на одну корову, л	1213	1240	н/св	861	н/св	н/св	1397	1443
Настриг шерсти с одной овцы, кг	1,03	1,08	н/св	1,6	н/св	н/св	1,9	2,4

Источник: ГАСО. Ф.Р1813. Оп.1. Д.1321. Л.6. Д.1325. Л.1. Оп.14. Д.2236. Л.25.

**Покупка кормов колхозниками Свердловской области
в исследуемый период (на 100 наличных душ), кг/год**

Годы	Сено всякое				Солома яровая и озимая			
	у колхоза	у государственных и кооперативных организаций	у граждан	всего	у колхоза	у государственных и кооперативных организаций	у граждан	всего
1946	39	17	2313	2369	5,7	—	217	222,7
1947	115	—	1820	1935	—	—	438	438
1948	12	—	719	731	51	—	408	459
1949	—	52	1942	1994	23	29	415	467
1950	344	37	1430	1811	15	47	345	407
1951	—	—	1346	1346	—	—	431	431
1952	118	6	2667	2791	341	6	290	637
1953	—	—	2442	2442	33	22	813	868
1960*	3765	6	1981	5752	3074	11	354	3439

* Для справки.

Источник: ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.518. Л.9–10. Оп.14. Д.47. Л.9. Д.290. Л.35,37. Д.401. Л.1. Д.657. Л.11. Д.914. Л.17,27. Д.1403. Л.1,4. Д.1916. Л.2,7. Д.3009. Л.65.

**Размеры площадей посевов в ЛПХ населения Башкирии, Чкаловской
и Свердловской областей в 1950 году, тыс. га**

Республика, области	Площади посевов в ЛПХ населения (в т.ч. колхозников)
Башкирия	124,9 (92,8)
Чкаловская	65,7 (45,1)
Свердловская	69,4 (22,4)

Источники: *Безгин М.А.* Крестьянский двор в российском Нечерноземье... С. 118, 119; *Денисович М.Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале... С. 170.

**Удельный вес картофеля как основной культуры
в ЛПХ колхозников Башкирии, Чкаловской и Свердловской областей
в исследуемый период**

Республика, области	Удельный вес посевов картофеля в ЛПХ, %	
	1946 г.	1950 г.
Башкирия	80,3	86,4
Чкаловская	65,3	74,3
Свердловская	86,3	89,4

Источник: РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1838. Л.20, 22–23. Д.3721. Л.14, 16, 17 (расчеты автора).

Площади посевов в хозяйствах колхозников Башкирии, Чкаловской (Оренбургской) и Свердловской областей в первые послевоенные годы (на одно хозяйство)

Год	Республика, области	Площади посевов, м ²						
		зерно- бобовых	льна и конопли	табака и махорки	картофеля	овощей и бахчевых	прочих	всего
1946	Башкирия	315	1	13	1976	86	69	2460
	Чкаловская	502	—	5	1598	299	45	2449
	Свердловская	41	15	29	1625	166	5	1881
1947	Башкирия	381	1	10	1759	120	61	2332
	Чкаловская	583	5	11	1608	397	85	2689
	Свердловская	40	16	26	1554	218	6	1860
1948	Башкирия	377	0	9	2003	99	65	2533
	Чкаловская	598	4	5	1914	238	65	2824
	Свердловская	38	7	22	1781	168	4	2020
1949	Башкирия	244	1	7	2097	60	46	2455
	Чкаловская	339	7	4	1997	168	116	2631
	Свердловская	28	13	15	1798	123	13	1990
1950	Башкирия	220	32	12	2184	74	7	2529
	Чкаловская	445	77	4	1956	131	22	2635
	Свердловская	33	32	14	1780	129	4	1992
1951	Башкирия	Нет сведений						
	Чкаловская							
	Свердловская							
1952	Башкирия	142	49	3	2308	80	102	2684
	Чкаловская	349	44	3	1563	174	159	2292
	Свердловская	17	15	9	1733	84	7	1865
1953	Башкирия	125	35	6	2268	88	70	2592
	Чкаловская	205	33	7	1635	209	127	2216
	Свердловская	13	16	6	1715	104	8	1862
1960*	Башкирия	51	0	1	2193	130	71	2446
	Оренбургская	53	0	0	1476	408	258	2195
	Свердловская	18	2	1	1660	98	15	1794

* Для справки.

Источник: РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1838. Л.20, 22–23. Д.2235. Л.21, 23–24. Д.2670. Л.21, 23–24. Д.3183. Л.14, 16–17. Д.3721. Л.14, 16–17. Д.85. Л.38, 40–41. Оп.26. Д.224. Л.38, 40–41. Д.930. Л.19, 31, 38.

**Структура посевов в хозяйствах колхозников Свердловской области
в исследуемый период**

Годы	Структура посевов, %				
	Зерновые	Картофель	Овощи и бахчевые	Технические	Прочие (кормовые)
1946	2,3	86,3	8,8	2,6	—
1947	2,2	83,5	11,4	2,5	0,4
1948	1,9	88,2	8,3	1,6	—
1949	1,4	90,4	6,3	1,9	—
1950	1,7	89,4	6,4	2,3	0,2
1951	Н е т с в е д е н и й				
1952	0,4	92,9	4,5	1,2	1,0
1953	0,7	92,1	5,6	1,2	0,4
1960*	1,0	92,5	5,5	0,1	0,9

* Для справки.

Источник: РГАЭ. Оп.324. Д.1838. Л.20. Д.2235. Л.21. Д.2670. Л.27. Д.3183. Л.14. Д.3721. Л.14. Д.85. Л.38. Оп.26. Д.93. Л.19. Д.234. Л.38 (расчеты автора).

**Среднедушевое получение колхозниками Башкирии, Чкаловской и Свердловской областей основных продуктов питания от ЛПХ
в первые послевоенные годы, кг/год**

Республика, области	Продукты	Количество полученных продуктов	
		1946 г.	1950 г.
Башкирия	Овощи и бахчевые	52	57
	Картофель	591	956
	Мясопродукты	12	23*
	Молокопродукты	213	232*
	Яйца, шт.	31	40*
Чкаловская	Овощи и бахчевые	135	130
	Картофель	433	671
	Мясопродукты	17	21
	Молокопродукты	273	320
	Яйца, шт.	56	58*
Свердловская	Овощи и бахчевые	77	131
	Картофель	730	1082
	Мясопродукты	20	23
	Молокопродукты	310	296
	Яйца, шт.	53	81

* Данные 1949 года.

Источник: ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.518. Л.9–12. Оп.14. Д.657. Л.11–12, 23–24 (расчеты автора).

**Среднедушевое получение основных продуктов питания от ЛПХ
колхозниками Свердловской области в исследуемый период, кг/год**

Продукты (кг)	Годы								
	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1960*
Овощи и бахчевые	72	83	90	55	95	71	45	70	61
Картофель	730	636	1059	909	1082	676	727	682	946
Мясопродукты	20	13	15	23	23	19	18	23	32
Молокопродукты	310	293	311	308	296	297	254	258	364
Яйца, шт.	53	49	57	69	81	114	107	122	187

* Данные 1956 года.

Источник: ГАСО. Ф.Р1813. Оп.1. Д.518. Л.9–12. Оп.14. Д.47. Л.2–3, 9–10. Д.290. Л.34–35, 37–38. Д.401. Л.1–2, 18–19. Д.657. Л.11–12, 23–24. Д.914. Л.17–18А, 27–28. Д.1403. Л.1–2, 4–5. Д.1916. Л.2–3, 7–8. Д.3009. Л.62–63 (расчеты автора).

**Удельный вес продуктов ЛПХ в общем объеме продуктов,
поступивших за год в семьи колхозников
Свердловской области в исследуемый период, %**

Годы	Картофель	Овощи и бахчевые	Мясо и мясопродукты	Молоко и молочные продукты	Яйца	Фрукты и ягоды свежие
1946	98	93	98	78	98	98
1950	97	72	98	77	99	100
1953	98	63	97	81	98	99
1960*	98	93	98	72	99	97

* Для справки.

Источник: ГАСО. Ф. Р1813. Оп.1. Д.518. Л.9–12. Оп.14. Д.657. Л.11–12, 23–24. Д.1916. Л.2–3, 7–8. Д.3009. Л.62–63 (расчеты автора).

**Покупка продуктов питания колхозниками Свердловской области
в исследуемый период (на одну наличную душу), кг/год**

Годы	Зернобобовые сырые и переработанные	Картофель	Овощи и бахчевые	Фрукты и ягоды свежие и сушеные	Мясопродукты	Молокопродукты	Яйца, шт.
1946	7,4	7,7	0,8	0,03	0,9	7,2	1
1947	11	11	1,4	0,04	1,5	9,8	1
1948	12	17	1,8	0,10	1,0	11	2
1949	11	12	1,7	0,06	1,3	10	4
1950	11	12	1,8	0,12	1,5	12	3
1951	14	8,5	1,4	0,10	1,2	12	3
1952	18	8,8	1,4	0,06	1,9	13	5
1953	15	8,1	4,0	0,03	2,1	12	4
1960*	89	6,9	8,9	0,81	2,9	11	7

* Для справки.

Источник: ГАСО. Ф.Р1813. Оп.1. Д.518. Л.9–12. Оп.14. Д.47. Л.2–3, 9–10. Д.290. Л.34–35, 37–38. Д.401. Л.1–2, 18–19. Д.657. Л.11–12, 23–24. Д.914. Л.17, 18А, 27–28. Д.1403. Л.1–2, 4–5. Д.1916. Л.2–3, 7–8. Д.3009. Л.62–63.

**Продажа продуктов питания колхозниками Свердловской области
в исследуемый период (на одну наличную душу), кг/год**

Годы	Зерновые (сырые и переработ.)	Картофель	Овощи и бахчевые	Мясо и мясопродукты	Молоко и молоко- продукты	Яйца, шт.
1946	5,4	51	6,5	3,3	4,0	7
1947	4,4	26	5,5	2,8	4,9	5
1948	8,8	44	17	3,8	7,3	11
1949	17	61	9,3	6,6	6,6	13
1950	18	49	15	7,2	8,2	14
1951	23	65	20	4,4	10	22
1952	30	51	8,6	4,7	13	24
1953	57	63	23	4,2	24	н/св
1960*	65	135	6,7	3,9	23	23

* Для справки.

Источник: ГАСО. Ф.Р1813. Оп.1. Д.518. Л.9–12. Оп.14. Д.47. Л.2–3, 9–10. Д.290. Л.34–35, 37–38. Д.401. Л.1–2, 18–19. Д.657. Л.11–12, 23–24. Д.914. Л.17–18А, 27–28. Д.1403. Л.1–2, 4–5. Д.2236. Л.55–56. Д.3009. Л. 62–63 (расчеты автора).

**Среднедушевое потребление продуктов питания в семьях рабочих
промышленных предприятий Свердловской области
в исследуемый период, кг/год**

Наименование продуктов	Годы								
	1940*	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953
ХлебобродуКТы	140	228	206	296	264	272	259	н/св	н/св
Картофель	87	274	250	217	237	180	178	138	128
Овощи и бахчевые	28	39	29	27	25	23	27	29	39
Фрукты и ягоды свежие	4,1	1,0	1,2	1,9	2,1	2,6	3,1	5,1	4,9
Фрукты и ягоды сушеные		0,2	0,4	0,6	0,9	1,8	н/св	2,7	1,4
Сахар	6,4	3,9	3,5	10	11	13	16	22	22
Кондитерские изделия	7,4	1,8	2,5	5,6	7,1	8,3	н/св	8,0	8,8
Мясопродукты	14	11	9,6	8,3	12	18	19	29	39
Рыбопродукты	7,8	7,1	9,0	7,9	7,8	7,4	8,2	11	10
Молокопродукты	63	108	86	86	90	83	84	195	239
Яйца, шт.	60	8	5	7	15	25	35	43	60

* Для справки.

Источники: ГАСО. Ф.Р1813. Оп.1. Д.227. Л.84. Оп.14. Д.2. Л.2. Д.216. Л.19. Д.354. Л.24. Д.568. Л.14, 20, 30. Д.2789. Л.82. Д.824. Л.3–4, 72–73, 143–143, 212–213. Д.825. Л.1–2, 73–74, 143–144, 213–214. Д.826. Л.3–4, 74–75, 171–172, 213–214. Д.2789. Л.9–10, 34; Динамические ряды бюджетов рабочих... (расчеты автора).

**Среднедушевое потребление продуктов питания в семьях колхозников
Свердловской области в исследуемый период, кг/год**

Наименование продуктов	Годы							
	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953
ХлебобродуКТы	141	119	159	183	188	184	189	196
Картофель	438	470	391	399	324	289	187	175
Овощи и бахчевые	67	64	66	62	49	57	39	43
Фрукты и ягоды свежие	1,5	1,6	2,1	0,4	1,4	1,5	3,1	1,6
Сахар	0,2	0,2	2,3	2,9	2,9	4,0	5,8	9,1
Кондитерские изделия	0,05	0,1	0,6	0,9	1,4	1,8	2,3	2,6
Мясопродукты	15	14	10	15	16	16	13	19
Рыбопродукты	0,7	1,1	1,3	1,5	0,9	1,4	1,2	1,5
Молокопродукты	221	221	218	195	188	187	157	156
Яйца, шт.	34	29	30	38	45	69	63	79

Источник: ГАСО. Ф.Р1813. Оп.1. Д.518. Л.9–12. Оп.14. Д.47. Л.2–3, 9–10. Д.290. Л.34–35, 37–38. Д.401. Л.1–2, 18–19. Д.657. Л.11–12, 23–24. Д.914. Л.17, 18а, 27–28. Д.1403. Л.1–2, 4–5, 12, 34, 322–323. Д.1916. Л. 2–3, 5, 7–8, 10 (расчеты автора).

**Среднедушевое потребление продуктов питания в семьях ИТР
промышленных предприятий Свердловской области
в исследуемый период, кг/год**

Наименование продук- тов	Годы						
	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1954*
Хлебопродукты	218	202	260	230	244	227	204
Картофель	227	213	204	208	165	147	108
Овощи и бахчевые	36	41	36	32	26	26	65
Фрукты и ягоды свежие	1,2	2,6	3,5	3,1	3,5	5,0	15
Сахар (без меда и кондитерских изделий)	4,7	4,4	11	14	15	н/св	37
Кондитерские изделия	0,9	3,1	6,9	8,1	8,8	н/св	
Мясопродукты	13	15	14	18	25	26	38
Рыбопродукты	6,7	8,5	8,7	8,6	7,8	7,4	12
Молокопродукты	72	76	110	112	96	107	112
Яйца, шт.	10	5	13	27	48	74	118

* Для справки.

Источники: ГАСО. Ф.Р1813. Оп.1. Д.227. Л.82. Оп.14. Д.2. Л.11. Д.216. Л.14. Д.354. Л.24. Д.568. Л.9, 19, 29. Д.824. Л.15–16, 132–135, 154–155, 224–225. Д.825. Л.55–56, 77–78, 155–156, 267–268. Д.826. Л.65–67, 86–87, 147–148, 183–184. Д.2324. Л.148, 154–155, 158 (расчеты автора).

**Среднедушевое потребление продуктов питания в семьях служащих
промышленных предприятий Свердловской области
в исследуемый период, кг/год**

Наименование продуктов	Годы						
	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1954*
Хлебопродукты	200	175	266	237	241	212	187
Картофель	224	251	206	228	192	158	108
Овощи и бахчевые	28	38	29	28	22	27	67
Фрукты и ягоды свежие	1,1	1,5	2,3	2,2	2,5	2,9	3,8
Фрукты и ягоды сушеные	0,2	0,3	0,8	1,0	1,6	н/св	1,4
Сахар и кондит. изделия	5,5	6,2	18	19	23	н/св	34
Мясопродукты	11	8,7	8,7	13	18	20	33
Рыбопродукты	7,1	7,8	6,4	7,0	4,7	6,8	12
Молокопродукты	66	53	84	85	81	70	90
Яйца, шт.	7	4	6	15	34	38	99

* Для справки.

Источник: ГАСО. Ф.Р1813. Оп.1. Д.227. Л.83. Оп.14. Д.2. Л.7. Д.216. Л.13. Д.354. Л.16. Д.568. Л.7, 16, 24. Д. Д.824. Л.18–19, 138–139, 158–159, 228–229. Д.825. Л.67–68, 59–60, 81–82, 271–272. Д.826. Л.60–61, 87–88, 91–92, 252–253. Д.2324. Л.148, 154–155, 158. Д.3002. Л.48, 98, 134, 194 (расчеты автора).

Сравнительные данные потребления основных продуктов питания населением СССР в 1952 году (на одну наличную душу), кг/год

Наименование продуктов	Всего потреблено		
	в семьях крестьян	в семьях рабочих г. Москвы	в среднестатистической семье
Хлебобродукты	250	217	190
Картофель	278	114	190
Овощи и бахчевые	68	57	61
Мясопродукты	17	51	24
Молокопродукты	181	70	159
Яйца, шт.	75	99	69
Рыбопродукты	н/св	11	7,3
Сахар	6,8*	31*	16

* Включая кондитерские изделия.

Источник: Хрестоматия по отечественной истории (1946–1995). М., 1996. С. 39–41.

Среднедушевое потребление основных продуктов питания в семьях сельских жителей СССР в 1950 году, кг/год

Наименование продуктов	Потреблено
Хлебобродукты	252
Картофель	288
Сахар и кондитерские изделия	3,0
Мясо- и рыбопродукты	17
Жиры	2,9
Молокопродукты	156

Источник: *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны... С. 79.

**Суточные нормы питания заключенных исправительно-трудовых лагерей
в конце 1940-х–первой половине 1950-х годов, г/чел.¹**

Наименование продуктов питания	Норма № 1 (основная)	Норма № 2 (для спецстроек)	Норма № 3 (для больших)	Норма № 4 (допнаек) **	Норма для бе- ременных женщин и кормящих матерей***
Хлеб из муки простого помола	700	800	700	100	700
Мука пшеничная 85%-го помола	10	10	50	–	10
Крупа разная	110	130	120	30	150
Макароны, вермишель	10	10	20	–	10
Мясо	20	40	100	30	20
Рыба	60	120	80	40	60
Жиры (масло животное)	15	25	30	4	40
Сахар	20	30	35	–	20
Соль	20	24	25	4	20
Чай суррогатный	2	2	0,5*	–	2
Томат-пюре	10	18	–	–	10
Лавровый лист	0,1	0,18	–	–	0,1
Картофель, овощи	650	800	850	–	650
Молоко	–	–	275	–	675
Творог	–	–	25	–	–

* Чай натуральный.

** Выдавался тем, кто выполнял ежедневную норму на 100% и более из расчета:

100 % – 1 допнаек;

100 %–110 % – 1,5 допнайка;

110 %–125 % – 2 допнайка;

125 % – 3 допнайка.

*** Выдавалась: беременным – с 5-го месяца беременности, кормящим матерям – весь период фактического кормления.

Источник: *Кузнецов В.Н.* Атомный проект за колючей проволокой. Екатеринбург, 2004. С. 231–232.

¹ Утверждены приказами МВД СССР № 0652 и № 0725 от 1949 г.

Приложение 47

**Среднедушевое приобретение некоторых непродовольственных
промтоваров и топлива в семьях рабочих промышленных предприятий
Свердловской области в исследуемый период**

Наименование промтоваров	Годы								
	1940*	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953
Ткани, м	9,8	5,3	8,5	14,5	15,1	15,9	15,5	14,8	17,3
Обувь, пар	2,4	1,5	1,5	2,1	2,6	2,8	2,6	3,0	3,3
Мыло хозяйственное, кг	2,5	2,5	1,2	1,3	2,0	2,2	2,5	3,7	4,2
Мыло туалетное, кг	0,4	0,4	0,06	0,05	0,1	0,07	0,1	0,2	0,3

* Для справки.

Источники: Ф.Р1813. Оп.14. Д.2. Л.3. Д.216. Л.19. Д.354. Л.18. Д.568. Л.13, 20, 31. Д.824. Л.3–4, 72–73, 142–143, 212–213. Д.825. Л.1–2, 77–74, 143–144, 213–214. Д.826. Л.3–4, 74–75, 171–172, 213–214; Динамические ряды бюджетов рабочих... (расчеты автора).

Приложение 48

**Среднедушевое приобретение некоторых непродовольственных
промтоваров и топлива в семьях колхозников
Свердловской области в исследуемый период**

Наименование промтоваров	Годы							
	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953
Ткани, м	2,1	3,6	5,8	6,7	7,5	9,2	8,8	13
Обувь, пар	0,7	0,8	0,9	1,0	1,1	1,2	1,2	1,6
Чулки и носки, пар	0,2	0,2	0,3	0,5	0,7	0,8	1,0	1,5
Керосин, л	0,6	0,7	0,6	0,8	1,1	1,4	1,5	1,8
Спички, кор.	6,6	5,3	8,4	15	20	24	13	27
Мыло хоз., кг	0,5	0,6	0,6	1,1	1,3	1,5	1,5	1,8
Мыло туалетное, кг	0,01	0,03	0,07	0,04	0,05	0,05	0,06	0,08

Источник: ГАСО. Ф.Р1813. Оп.14. Д.518. Л.11–12, 20–21. Д.47. Л.4, 11. Д.290. Л.39. Д.401. Л.5, 13. Д.657. Л.13, 25. Д.914. Л.18–19. Д.1403. Л.6–7. Д.1916. Л.4, 9 (расчеты автора).

Приложение 49

**Среднедушевое приобретение некоторых непродовольственных
промтоваров и топлива в семьях ИТР промышленных предприятий
Свердловской области в исследуемый период**

Наименование промтоваров и единицы измерения	Годы							
	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1954*	1960*
Ткани, м	7,9	11,6	16,2	14,8	14,7	15,5	14,2	13,1
Обувь, пар	2,4	1,9	2,0	2,5	2,3	2,4	2,8	3,7
Керосин, л	0,07	0,08	0,2	0,02	0,2	0,2	н/св	3,8
Дрова, м³	1,0	0,6	0,8	0,6	1,1	н/св	н/св	1,0
Мыло хозяйственное, кг	1,5	1,5	2,7	2,8	2,9	3,3	н/св	4,7
Мыло туалетное, кг	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,3	н/св	0,8

* Для справки.

Источник: ГАСО. Ф.Р1813. Оп.1. Д.227. Л.82. Оп.14. Д.2. Л.11. Д.216. Л.14. Д.354. Л.24. Д.568. Л.12, 19, 26. Д.824. Л.15–16, 132–135, 154–155, 224–225. Д.825. Л.55–56, 77–78, 267–268. Д.826. Л.65–67, 86–87, 147–148, 183–184. Д. 2324. Л.148, 154–155, 158. Д.3002. Л.45, 95, 135, 195 (расчеты автора).

**Среднедушевое приобретение некоторых непродовольственных
промтоваров и топлива в семьях служащих промышленных предприятий
Свердловской области в исследуемый период**

Наименование промтоваров и единицы измерения	Годы							
	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1954*	1960*
Ткани, м	7,1	10,3	12,9	14,7	16,9	14,7	13,2	10,1
Обувь, пар	1,8	1,8	2,2	2,6	2,5	2,7	2,8	3,4
Керосин, л	0,01	—	0,1	0,1	0,2	0,2	н/св	3,0
Дрова, м³	0,4	0,2	0,4	0,4	1,1	н/св	н/св	1,1
Мыло хозяйственное, кг	1,3	1,3	1,9	2,5	2,6	2,4	н/св	4,3
Мыло туалетное, кг	0,05	0,05	0,1	0,1	0,2	0,3	н/св	0,7

* Для справки.

Источник: ГАСО. Ф.Р1813. Оп.1. Д.227. Л.3. Оп.14. Д.2. Л.7. Д.216. Л.13. Д.354. Л.17. Д.568. Л.8, 16, 25. Д.824. Л.18–19, 138–139, 158–159, 228–229. Д.825. Л.59–60, 67–68, 81–82, 271–272. Д.826. Л.60–61, 87–88, 91–92, 252–253. Д. 2324. Л.148, 154–155, 158. Д.3002. Л.47, 97, 133, 193 (расчеты автора).

**Темпы жилищного строительства в Свердловской области
в исследуемый период**

Годы	Всего введено жилья, тыс. м ²	В том числе				Капитальные вложения в жилищное строительство, млн руб.	
		За счет государственных ассигнований	Индивидуальное строительство				
			Всего	В том числе			
				в городе			на селе
1946	326	229	97	76	21	185	
1947	415	302	113	85	28	241	
1948	519	396	123	77	46	242	
1949	527	403	124	83	41	291	
1950	527	421	106	73	33	364	
1951	632	507	125	84	41	530	
1952	618	480	138	95	43	553	
1953	690	535	155	96	59	589	

Источник: ЦДООСО. Ф.4. Оп.55. Д.174. Л.114.

Документы

Приложение 52

Письмо молодых работниц одного из заводов Свердловской области в обком ВКП(б)²

Уважаемые товарищи!

С комсомольским приветом к вам молодые работницы завода № 18, где директором товарищ Вейланд В.В.

Мы, молодые работницы, выпущенные из Р.У. в октябре 1945 года. Проживаем мы в общежитии завода. В общежитии развлечений нет никаких. Постельная принадлежность меняется очень редко. К примеру взять, сменяли нам белье 28 апреля и по сее время, т.е. 3 июня, белье еще не сменили. Время свободное проводим однообразно. Отработаем 8–10 часов, придем с работы, заняться совершенно нечем, посидим и ложимся спать.

Насчет питания очень плохо. В Р.У. мы питались три раза, а теперь с трехразового питания перешли на односуточное, т.е. в 12 часов дня, во время обеденного перерыва. Первое время нам выдавали второе горячее питание, а сейчас в настоящий момент перестали выдавать и думают, что мы в нем не нуждаемся.

Со стороны родителей помощи не имеем, мы бывшие воспитанники детдома. Заработок, который мы получаем, слишком мал, нам его не хватает на питание, а уж чтобы одеться, даже нет разговору. Бирки на промтовары, которые поступают на завод, мы никогда не получаем. Несмотря на все эти трудности, мы подписались на полуторамесячный заработок на государственный заем.

Заводской комитет, комсомольская организация и партийная организация на это никакого внимания не обращают. Помощи от заводского комитета нет никакой, несмотря на то, что мы все по 3, по 4 года в профсоюзе. Просим обратить на это внимание.

Подписи

Вопросы, которые чаще всего задавали трудящиеся Свердловской области в 1946 году на собраниях, лекциях и беседах³:

- Почему на продкарточки сбавили норму продуктов? (Кировград, Верхняя Тавда.)
- Почему за время Отечественной войны не было снижения норм (на продовольственные товары. – *В.М.*), хотя было и труднее, а сейчас снизили? (Свердловск.)
- Почему несвоевременно отовариваются продуктовые карточки? (Кировград, Свердловск.)
- Почему за последнее время резко снизилась калорийность питания? (Нижний Тагил.)
- Почему ухудшилось питание ИТР? (Красноуральск.)
- Почему в хлебных магазинах большие очереди? (Карпинск, Свердловск.)
- Как понять – в газетах читаешь, что большинство колхозов Советского Союза собрали урожай в 2–3 раза больше, чем в прошлом году, а на деле получается другое? (Свердловск.)
- Можно ли сделать так, чтобы в магазинах было обилие промтоваров, продаваемых без промтоварных талонов? (Карпинск.)
- Почему в городе нет торговли товарами широкого потребления? (Красноуральск.)
- Почему нет спичек и мыла в наших магазинах? (Свердловск.)
- Почему допускается задержка в выплате зарплаты? (Средуралмедзавод, кирпичный завод – Ревда, пос. Левиха Кировградского района.)
- Долго ли жить придется на двухъярусных койках и вообще в бараках? (Свердловск.)
- Когда будет разрешен свободный проезд по железным дорогам нашей страны? (Асбест.)

---

² ЦДООСО. Ф.4. Оп.41. Д.148. Л.59.

³ Там же. Д.176. Л.14, 16, 33, 35, 38, 39, 43, 54, 56, 58, 62, 69, 82, 109, 125, 128–130.

– Когда будут отменены законы о закреплении трудящихся на предприятиях? (Красноуральск.)

– Почему выбираем каждый год (депутатов. – *В.М.*), а жизнь не улучшается? (Асбест.)

Приложение 54

Вопросы, наиболее часто задаваемые трудящимися Свердловской области в январе 1948 года на собраниях, лекциях и беседах⁴

– Почему в нашем городе нет дежурного магазина? (Кировград.)

– Почему в наших магазинах недостаточно круп и нет макаронных и кондитерских изделий? (Кировград.)

– Почему до сих пор нет снижения цен на папиросы и водку? Цены на эти товары не соответствуют ценам на другие товары. Водка не покупается.

– Почему нет в продаже пиленого и колотого сахара? (Свердловск.)

– Говорят и пишут, что урожай на сахарную свеклу хороший и выработка сахара очень большая, а в продаже есть только сахарный песок. Чем объяснить такое положение?

– Почему в продаже нет мыла? Отсутствие мыла создает возможность спекулянтам спекулировать им, имеются факты продажи мыла на рынке по 10 руб. кусок. (Свердловск.)

– Почему выпекается хлеб плохого качества: сырой с примесями? Почему нет белого хлеба? (Свердловск.)

– Почему не увеличивают число дежурных магазинов? В воскресные дни в магазинах создаются очереди и цены на рынке повышаются.

– Почему мал ассортимент колбасных изделий?

– Почему продается только сметана второго сорта, плохого качества?

– Когда в магазинах будут продавать бесперебойно растительное масло?

– Почему в продаже мало дешевых конфет? Есть только по цене 40–60 руб. килограмм.

– Почему в продаже мало ниток, дешевых чулок и готового платья?

---

⁴ ЦДООСО. Ф.4. Оп.44. Д.240. Л.39–40.

**Письмо начальника Управления милиции г. Свердловска в обком ВКП(б)
о смертности детей в городе за 1948 и первое полугодие 1949 года⁵**

Совершенно
секретно

Начальнику административного
отдела обкома ВКП(б)
Иосипенко И. Ф.

Сведения

о смертности детей до 1-го года по г. Свердловску в районном разрезе
за 1-е и 2-е полугодие 1948 года по сравнению с 1-м полугодием 1949 года
(данные в процентном отношении по сравнению с рождаемостью)

№ п/п	Наименование районов	1-е полугодие 1948 года	2-е полугодие 1948 года	1-е полугодие 1949 года
1.	Ленинский	21,8%	11,5%	14,0%
2.	Сталинский	8,2%	4,9%	9,8%
3.	Кировский	13,5%	9,7%	6,3%
4.	Молотовский	20,7%	19,9%	14,6%
5.	Кагановичский	14,9%	11,0%	8,6%
6.	Орджоникидзевский	15,4%	9,8%	12,3%
7.	Куйбышевский	12,8%	5,7%	7,3%
8.	Октябрьский	10,0%	8,1%	6,5%
9.	Чкаловский	14,1%	8,8%	8,6%
10.	Широкореченский поселковый совет	15,0%	7,0%	5,0%
11.	Совхозный сельсовет	13,0%	41,0%	3,0%

Начальник Управления милиции
гор. Свердловска
полковник милиции

/Хвалынский/

24/VIII-49 г.

⁵ ЦДООСО. Ф.4. Оп.45. Д.205. Л.127.

Из спецсообщения УМГБ по Свердловской области⁶

№4/5 СС от 14.01.1952 г.

Секретарю Свердловского обкома ВКП(б)

«О плохих материально-бытовых условиях рабочих строительно-монтажного управления №4 (СМУ-4), занятых на строительстве Свердловской мебельной фабрики»

В Управление МГБ по Свердловской области поступают данные о плохих материально-бытовых условиях рабочих СМУ-4... Проверкой установлено, что в декабре 1951 года... на строительство мебельной фабрики было прислано по оргнабору около 150 человек рабочих из различных областей Советского Союза. Управление (СМУ-4. – *В.М.*) совершенно не подготовилось в приеме, в результате 300 человек (включая ранее работавших на строительстве) оказались в исключительно тяжелых материально бытовых условиях, что привело к массовым невыходам на работу и свертыванию строительства фабрики.

...В общежитиях не хватает постельных принадлежностей, постельное белье меняется раз в месяц, полы моются редко. Умывальники находятся в антисанитарном состоянии, нет тумбочек и табуреток. Сушилки не приспособлены для сушки обуви, электроосвещение плохое, рабочие вынуждены пользоваться свечами и лампами-коптилками.

На все строительство имеется только один колодец... бывают перебои с водой, и рабочие иногда вынуждены добывать ее из снега.

...Введена практика выдачи рабочим вместо зарплаты подачек в размере 15–20 руб.

**Из спецсообщения УМГБ по Свердловской области
в Свердловский обком ВКП(б)⁷**

№ 4/83 от 03.05.1952 г.

«По высказываниям среди населения г. Свердловска по вопросу о перебоях в торговле продуктами питания первой необходимости и другими товарами»

Управлением КГБ по Свердловской области за период с 12 по 30 апреля с.г. зарегистрировано значительное количество высказываний по вопросу о пе-

⁶ Архив УФСБ по Свердловской области. Ф.1 Оп.1. Д.565. Л.3–6.

⁷ Там же. Д.467. Л.107–111.

ребоях в торговле продуктами питания и другими необходимыми товарами. Ниже приводятся наиболее характерные из таких высказываний:

«...У нас в Свердловске сейчас значительные затруднения с мясом, рыбой и крупами. В магазинах мяса и рыбы совсем не стало. На рынке мясо из-за этого вскочило в цене в полтора раза. Рыбы же на рынке всегда почти не было. Круп в магазине тоже не стало. Есть только макароны и манная (крупа. – В.М.). Это публику нервнрует. Начинают беспокоиться. В общем очень неважно, хотя на носу май, а что будет, когда май пройдет. Немного даже страшно. Как бы не повторились годы 41–45-й...»

«Скоро праздник, а в магазинах нет ничего: ни масла, ни сливочного маргарина, ни молока, ни сыру, ни колбасы по 45 рублей, и даже сахарного песку нет. На меня это наводит страх. Не то что я плохо живу, но как будто война скоро и так страшно становится...»

«...В Свердловске с некоторыми продуктами туговато, среди населения идет слух, что не хватит продуктов, объясняют подготовкой к войне».

«Готовимся к праздникам, но в магазинах у нас как ураганом унесло: ничего нет, ни масла, ни яиц, ни мяса, абсолютно ничего. Чем объяснить, не знаю, публика мечется, бегаёт, но достать (продукты. – В.М.) не могут. Что такое, в чем дело ничего не понимаю, опять катастрофа готовится нам какая-нибудь».

«Плохо, нет нигде луку, и много болеют цингой. У меня вторую неделю цинга, и нигде нет луку, очень плохо».

«На рынке все дорого. Картошка стоит 2-50 (рублей. – В.М.) кг. Мясо 2 (нрзб) кг. В магазинах не найдешь почти ни лапши, ни пшена, ни масла сливочного, ни мяса. Куда все девается, не знаю, и нам приходится покупать все на базаре. Сейчас подходит 1 май, но мне его справить нечем, нет ни копейки денег и должен ребятам».

«Я получила «по благу» 15 кг муки. Все это за 35 руб., только съездила к магазину на Щорса. Как все-таки продавцы (нрзб). Они делают это целый день, а все милиционеры у них «дрессированные», свои. Они боятся только каких-то общественных контролеров».

«Сейчас очень плохо с питанием, мяса в магазине нет. На рынке от 25 и до 30 рублей кг. Картошка 2 р. 50 коп., капуста 4 руб. кг. Круп в магазине тоже нет, кроме манной и сечки. Прямо не знаешь, что делать, в 9 час. утра уже и славишь, ходишь по магазинам из одного в другой и очень часто приходишь с пустой сумкой. Время убьешь, а купить ничего нет».

«Питание дорогое. На базаре мясо от 25 до 27 руб. (за кг. – В.М.) и дороже, молоко 3,50 литр, яйца по 20 руб. десяток, а за маслом такие очереди, что я сегодня простояла 3 часа и купила 500 грамм».

«Кто много работает, тому ничего и не достать».

«Вся жизнь неважная. В магазинах нет ни мяса, ни масла, ни рыбы».

«Я только все бегаю по очереди, так устаю просто беда, а потом ничего не могу после этого».

Список аббревиатур

АН	– Академия наук
ВВС	– Военно-воздушные силы
ВИЗ	– Верх-Исетский завод
ВКП(б)	– Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВМФ	– Военно-морской флот
ВПК	– военно-промышленный комплекс
ВС	– Верховный Совет
ВУЗ	– высшее учебное заведение
ВЦСПС	– Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	– Государственный архив Свердловской области
ГК	– городской комитет (партии)
ГКО	– Государственный Комитет Обороны
ГПЗ	– Государственный подшипниковый завод
ГРЭС	– Государственная районная электростанция
ГУЛАГ	– Главное управление лагерей
ГЭС	– гидроэлектростанция
ИТР	– инженерно-технические работники
КДП	– командно-диспетчерский пункт
КНР	– Китайская Народная Республика
КПСС	– Коммунистическая партия Советского Союза
КРС	– крупный рогатый скот
ЛПХ	– личное подсобное хозяйство
МВД	– Министерство внутренних дел
МГБ	– Министерство государственной безопасности
МПС	– Министерство путей сообщения
МТМ	– машинно-тракторные мастерские
МТС	– машинно-тракторная станция
НИИ	– научно-исследовательский институт

НКГБ	– Народный комиссариат государственной безопасности
НКВД	– Народный комиссариат внутренних дел
НТМЗ	– Нижнетагильский металлургический завод
ОК КПСС	– областной комитет КПСС
ОКС	– отдел капитального строительства
ООН	– Организация Объединенных Наций
ОРС	– отдел рабочего снабжения
ПВС	– Президиум Верховного Совета
ПГУ	– Первое главное управление
РайЗО	– районный земельный отдел
РГАЭ	– Российский государственный архив экономики
РК	– районный комитет (партии)
РККА	– Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РЛС	– радиолокационная станция
РО	– районное отделение
РСФСР	– Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ	– Российская Федерация
САУ	– самоходная артиллерийская установка
СМ	– Совет Министров
СМИ	– средства массовой информации
СМУ	– строительно-монтажное управление
СНК	– Совет народных комиссаров
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
ССУЗ	– среднее специальное учебное заведение
СУМЗ	– Среднеуральский медеплавильный завод
ТОФСГС	– территориальный орган Федеральной службы государственной статистики
ТШП	– товары широкого потребления
ТЭС	– теплоэлектростанция

ТЭЦ	– теплоэлектроцентраль
УАЗ	– Уральский алюминиевый завод
УВД	– управление внутренних дел
УВЗ	– Уральский вагоностроительный завод
УВСР	– управление военно-строительных работ
УЗТМ	– Уральский завод тяжелого машиностроения
УКС	– управление капитального строительства
УПИ	– Уральский политехнический институт
УФАН	– Уральский филиал Академии наук
УФСБ	– Управление Федеральной службы безопасности
ФСГС	– Федеральная служба государственной статистики
ЦДОСО	– Центр документации общественных организаций Свердловской области
ЦИК	– Центральный Исполнительный Комитет
ЦК	– Центральный Комитет
ЦСУ	– Центральное статистическое управление
ЦУМ	– Центральный универсальный магазин

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Мамяченков Владимир Николаевич

**Материальные условия жизни семей
промышленных рабочих и колхозного крестьянства
Свердловской области в период послевоенного
восстановления (1946– 1953 гг.)**

Историко-экономическое исследование

Редактор-корректор С. Ф. Фельдман
Компьютерная верстка М. Ю. Давыдов
Дизайн обложки М. Ю. Давыдов

Подписано в печать 07.09.09. Формат 60×84¹/₂
Усл. печ. л. 13,7. Тираж 600 экз. Заказ № 1745

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии АМБ
620142, г. Екатеринбург, ул. Щорса, 7.
Тел.: (343) 214– 90– 03, 251– 66– 05.